

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО»

На правах рукописи

Костина Вероника Анатольевна

**Социальный тип *дилетант* как объект
комплексного лингвистического исследования**

Специальность 5.9.5. Русский язык. Языки народов России
(филологические науки)

Диссертация на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель –
доктор филологических наук, профессор
Орлова Наталья Васильевна

Омск – 2023

Введение.....	4
Глава 1. Теоретические основания лингвистического исследования социальных типов личностей.....	16
1.1. Тип личности как объект междисциплинарных гуманитарных исследований	16
1.1.1. Тип личности и социальный тип: история вопроса и соотношение понятий.....	16
1.1.2. Моделирование групповой личности в лингвистике: параметры описания, классификации.....	26
1.1.3. «Модельная личность», «лингвокультурный типаж», «образ» как варианты лингвистической реконструкции социальных типов.....	36
1.2. Способы лингвистического описания социальных объектов	47
1.3. Теоретическая модель исследования.....	59
1.4. Выводы.....	61
Глава 2. Лингвистическое моделирование социального типа <i>дилетант</i> по результатам наблюдения за языком и речью	65
2.1. Номинативное поле ‘дилетант’	65
2.2. Структурная сложность модели	69
2.3. Неопределенность (варьирование) элементов модели	72
2.3.1. Шкала дилетантизма	73
2.3.2. Образные репрезентации как фактор неопределённости модели	74
2.3.3. «Избыточность» номинаций в минимальном контексте как индикатор неопределённости знаний о дилетанте	82
2.4. Частичная порождаемость в текстах.....	86

2.4.1. Дискурс дилетантов: межтекстовый анализ непрофессиональной прозы (на примере детективного рассказа)	86
2.4.2. Новый социальный тип «неспециалист» в я-высказываниях и они-высказываниях.....	95
2.5. Выводы.....	113
Глава 3. Лингвистическое моделирование социального типа <i>дилетант</i> по экспериментальным данным.....	116
3.1. Семантический гештальт ассоциативного поля <i>дилетант</i>	116
3.2. Обыденные дефиниции «дилетант» в сопоставлении с ядерно-периферийным устройством лексического значения: данные семантического эксперимента	129
3.3. Эксперимент по восприятию текста дилетанта.....	149
3.4. Выводы.....	156
Заключение	160
Библиографический список	166
Список словарных изданий.....	197

Введение

По данным толкового словаря, дилетант – это «тот, кто занимается чем-либо, не имея специальной подготовки, систематических знаний; любитель» [БТС 1998]. Судя по данным Национального корпуса русского языка, идея дилетантизма входит в русский язык в первой половине XIX века (слово «дилетант» впервые зафиксировано в 1836 году), а затем набирает популярность, отражая рефлексию русскоязычного социума по поводу непрофессиональных занятий наукой и искусством, и становится одним из звеньев оппозиции «профессионализм – дилетантизм».

В начале второго десятилетия XXI века Л. С. Щенникова отметила, что «дилетантизм стал претендовать на признание самой широкой аудитории и начал агрессивное (и весьма успешное) продвижение в культурное пространство» [Щенникова 2011 : 14]. Сегодняшняя социокультурная ситуация продолжает благоприятствовать дилетантам. Дилетант проявляется в разных сферах деятельности благодаря таким факторам, как популярность открытого неакадемического образования в дистанционном формате, множество направлений для саморазвития, возможность создавать и распространять тексты в Интернете в режиме реального времени и др.

Феномен дилетанта поддерживается изменившейся картиной потребления и распространения информации, в частности вовлечением разных групп общества в интернет-коммуникацию. И. А. Остапенко выделяет важную специфическую особенность интернет-коммуникации – её компенсаторный характер: «“Виртуальная личность” может представлять собой реализацию “реального Я”, “идеального Я” или даже “альтернативного Я”. В любом случае конструирование “виртуального Я” ориентировано на некие нормативные... образцы поведения» [Остапенко 2004: 10]. Анонимность, которая «часто выражается в приравнивании персонального уровня идентификации к социальному» [там же], помогает любому пользователю проявлять себя в сферах, в которых он не вполне компетентен

или вовсе не компетентен. Данное положение дел поддерживается общей культурно-коммуникативной ситуацией, в которой утрачиваются оппозиционные отношения между адресатом и адресантом. В итоге дилетанты порождают непрофессиональные тексты в разных областях деятельности: тексты песен, киносценарии, рецепты для приготовления еды, рекламные объявления и многое другое.

Дилетанты приобретают высокий авторитет в социуме, в частности, благодаря такому мощному социальному институту, как массмедиа. Последние предоставляют возможность всем, особенно публичным личностям (музыкантам, блогерам, киноактёрам, ведущим популярных шоу и другим знаменитостям, интересующим их целевую аудиторию), давать советы и высказывать мнения по вопросам, не связанным с их родом деятельности. Современные технологии позволяют заявить о себе непубличным людям, которые представляют широкой аудитории речевые произведения разных форматов – комментарии на сайтах и форумах, художественные тексты на порталах «Проза.ру», «Стихи.ру», «Книга Фанфиков» и др.

Дилетантизм чреват вбрасыванием в массовую коммуникацию информации сомнительной достоверности. О. В. Орлова замечает, что для современных СМИ характерна «разная степень уверенности говорящего в достоверности его мысли о действительности» [Орлова О. В. 2012 : 67]. Полагаем, что к факторам «относительной достоверности» относится некомпетентность авторов публикаций, которые вольно или невольно вводят в заблуждение тех, кто не может оценить истинность / ложность сведений.

В научной литературе отмечен ещё один фактор, способствующий развитию дилетантизма. Н. В. Орлова, отмечая возрастающий интерес к личности с позиции её профессиональных достижений, пишет: «Современные личности ... стремятся к самореализации в разных сферах жизни, что иногда комментируется как наступление эпохи дилетантов. Если следовать этой логике, то совет «от звезды» – явление того же ряда, что и художественные произведения теоретиков литературы или телепроекты, в которых певцы

танцуют, актёры учат готовить и т.д.» [Орлова 2007 : 269]. В последнее десятилетие увеличилось число телепроектов, нацеленных на поиск и развитие талантливых участников («Голос», «Ну-ка, все вместе!», «Танцы», «Песни», «Без страховки», «Школа экстрасенсов», «Comedy Баттл», «Кондитер» и т. д.). Как правило, на такие реалити-шоу приходят люди без систематических специальных знаний для получения возможности дальнейшего развития.

В образовательной среде высокими темпами набирают популярность платформы, предоставляющие учебные материалы в виде курсов, вебинаров, онлайн-дискуссий и т. д. Пользователи могут обучаться без базовой профессиональной подготовки и получать сертификаты, подтверждающие вновь приобретённые компетенции. В качестве примеров платформ, оказывающих образовательные услуги на платной и бесплатной основах, назовём «Открытое образование», «Skillbox», «GeekBrains», «Нетология», «Лекториум», «Курсы ведущих вузов России», «Яндекс. Практикум» и др. Одной из основных функций данных платформ является предоставление знаний, необходимых для ориентации и дальнейшего развития личности в той или иной сфере деятельности.

Вышеприведённые социокультурные предпосылки распространения дилетантизма приводят к тому, что он приобретает демонстративный характер: его апологеты стремятся быть признанными массовой аудиторией, активно продвигают результаты собственной деятельности с помощью интернет-коммуникаций, навязывают свои критерии вкуса и нередко получают общественную поддержку. В результате происходит размывание границ между теми, кого можно и нельзя рассматривать как «фигуру влияния» в профессиональной сфере. Со стороны общества это порождает неоднозначную реакцию, которая варьируется от резко негативного до снисходительного и позитивного отношения к дилетантам.

Таким образом, социокультурный контекст функционирования русского языка обуславливает **актуальность** предпринятого исследования.

Существенные изменения, которые претерпевают в настоящее время система образования и организация профессиональной деятельности в ряде областей, вызывают интерес к тому, как на эти процессы реагирует лексическая система, дискурсы, языковое сознание.

Собственно лингвистическими факторами актуальности темы исследования являются следующие: во-первых, отнесённость исследования к когнитивно-дискурсивной парадигме, позволяющей диагностировать лингвистическими методами социальные процессы и явления (в данном случае – высокодинамичные); во-вторых, интерес современной русистики к феномену социального типа (см. работы [Карасик 2002; Гараева 2020; Сытина 2021] и др.); в-третьих, необходимость уточнения языкового статуса лексических единиц, значение которых трансформируется под воздействием меняющихся представлений о мире.

Объектом исследования являются репрезентации социального типа *дилетант* в лексической системе русского языка, в русскоязычных текстах и их фрагментах, наблюдаемых и полученных в экспериментах.

Предмет исследования – качественные изменения представлений о социальном типе «дилетант» в 2010-х – начале 2020-х гг. на фоне периода рубежа XX – XXI вв.

Цель исследования – лингвистическое моделирование социального типа *дилетант*, направленное на выявление динамики представлений о нем у носителей русского языка.

Задачи исследования:

1. Сформировать теоретическую базу исследования: уточнить понятие социального типа в междисциплинарных исследованиях, проанализировать и обобщить опыт моделирования типов личностей в лингвистике.

2. Обосновать компоненты модели (параметры описания) социального типа *ДИЛЕТАНТ* в исследовании.

3. Построить номинативное поле «дилетант» по данным словарей разных типов, изданных на рубеже XX – XXI вв., описать его смысловой состав.

4. Выявить элементы (свойства) модели *ДИЛЕТАНТ* на материале контекстов лексемы «дилетант» в НКРЯ; материал ограничить периодом рубежа XX – XXI вв. (1984 – 2013 гг.).

5. Проанализировать самопрезентацию дилетанта в порождаемых им текстах; сопоставить представления о дилетанте, представляющих модель в «я»-высказываниях и «они»-высказываниях.

6. Реконструировать представления о социальном типе *дилетант* в языковом сознании современных носителей языка на основе серии психолингвистических экспериментов; сопоставить данные, полученные от представителей разных возрастных групп.

7. Сделать выводы, касающиеся динамики представлений о дилетанте как социальном типе.

Гипотеза исследования. В условиях трансформации профессиональных сфер и развития интернет-коммуникаций социальный тип *дилетант*, с одной стороны, деактуализируется, претерпевает качественные изменения, «дрейфуя» в сторону нового социального типа, с другой стороны, общественная оценка субъекта, традиционно называемого дилетантом, постепенно смещается от отрицательного полюса к положительному. Можно предполагать, что интенсивность обоих процессов неодинакова в разных возрастных группах.

Методы исследования. Интегрирующим методом исследования является моделирование – построение комплексной лингвистической модели социального типа *ДИЛЕТАНТ*.

Составляющая концепта ‘дилетант’, представленная компонентами номинативного поля (лексемами) и совокупностью их смысловых признаков, моделируется с помощью когнитивно-семантической методики семного описания значения И. А. Стернина [Стернин, 2013 : 5]. Реализована часть

методики, опирающаяся на лексикографические источники разных типов. В модель *ДИЛЕТАНТ* он входит как компонент, характеризующий концепт на этапе «до 2013 года».

Применена методика социокультурного моделирования социальных знаний О. К. Ирисхановой [Ирисханова 2014 : 5]. На основе контекстуального анализа текстовых реализаций лексемы «дилетант» описаны такие свойства модели, как структурная сложность, неопределенность элементов, частичная порождаемость в текстах.

Когнитивные основания дискурса о конкурирующем с дилетантом новом социальном типе *неоспециалист* (рабочий термин, введённый автором диссертации) реконструированы методом фреймирования.

Непрофессиональная проза как компонент дискурса дилетантов изучалась с применением метода межтекстового анализа, основанного на теории интердискурсивности.

Восприятие и оценка социального типа *дилетант* разными демографическими группами выявлены в ходе психолингвистических исследований – семантического эксперимента, свободного ассоциативного эксперимента.

Материал исследования включает несколько источников:

1. Корпус словарных статей «дилетант» из толковых словарей и словарей синонимов (10 словарей).
2. 417 документов с 615 вхождениями леммы «дилетант» из Национального корпуса русского языка (основной корпус).
3. Пять непрофессиональных детективных рассказов на портале «Проза.ру».
4. 12 публикаций (13 268 слов) из открытых интернет-источников (новостные сайты, сайты периодических изданий, блоги: Forbes, Газета.ru, Тинькофф-журнал, The Village, Яндекс Дзен, АПН, Ecology.md и др.), отобранных по специальной методике в качестве текстов о новом социальном типе – трансформированном дилетанте.

5. 300 дефиниций понятия «дилетант», полученных от 150 мужчин и 150 женщин возрастных групп 18 – 35 и старше 35 лет.

6. 300 реакций на слово-стимул «дилетант», полученных в ходе ассоциативного эксперимента от 150 мужчин и 150 женщин возрастных групп 18 – 35 и 35 лет).

Теоретико-методологическую базу исследования составили труды учёных в следующих областях:

– *когнитивной лингвистики и концептологии* (О. Б. Абакумова, А. И. Баранов, Н. Н. Болдырев, А. А. Залевская, В. И. Карасик, И. А. Костомарова, Е. С. Кубрякова, В. А. Маслова, З. Д. Попова, Н. К. Радина, Е. А. Семухина, О. В. Соколова, Ю. С. Степанов, И. А. Стернин, Н. Н. Трошина, С. Л. Яковлева и др.);

– *теории дискурса* (И. В. Анистатенко, Н. Д. Арутюнова, Г. Р. Гаспарян, Е. М. Гордеева, В. И. Карасик, М. Л. Макаров, Б. Ю. Норман, Ю. Е. Прохоров, К. Ф. Седов, М. Г. Чабаненко В. Е. Чернявская и др.);

– *лингвистического моделирования* (К. Н. Белоусов, Л. О. Бутакова, О. К. Ирисханова, А. Ф. Лосев, Н. В. Орлова);

– *лингвистической семантики* (С. В. Кезина, И. М. Кобозева, К. А. Кочнова, Г. С. Щур, Х. Х. Эгамназаров);

– *психолингвистики, социолингвистики* (Л. О. Бутакова, О. Е. Виноградова, Е. Н. Гуц, А. А. Залевская, Н. П. Медведева, А. В. Рудакова).

Для определения и уточнения понятия «социальный тип» использовались положения социологии и психологии (Е. П. Белинская, В. А. Ганзен, О. А. Кондрашихина, А. А. Леонтьев, К. К. Платонов, Ю. А. Погорельцева, А. Л. Свенцицкий, А. Б. Седых, П. И. Смирнов, А. А. Фомин и др.).

Научная новизна исследования заключается в следующем:

а) в лингвистическом обосновании феномена *дилетант* как социального типа, репрезентированного в языке и дискурсах на различных временных срезах;

б) в построении и апробации социокультурной модели *ДИЛЕТАНТ*, учитывающей свойства конкретно-исторической манифестации, структурной сложности, неопределенности элементов, частичной порождаемости в текстах;

в) в описании дискурсивной самопрезентации социального типа *дилетант* в условиях интернет-коммуникации (непрофессиональная проза, журналистика);

г) в реконструкции динамики представлений о дилетанте в современный период (в 2010-е – 2020-е гг.) на фоне традиционного содержания;

д) в когнитивно-дискурсивном обосновании трансформации социального типа *дилетант* в социальный тип, условно обозначенный *неоспециалист*.

Теоретическая значимость исследования заключается в разработке процедуры исследования социальных явлений в динамике. Методика социокультурного моделирования, разработанная О. К. Ирисхановой, адаптирована к конкретному объекту (социальному типу *дилетант*), дополнена процедурами, позволяющими реконструировать динамические процессы в сфере значения ключевого понятия и его денотата. Обнаруженный в результате исследования статус слова «дилетант» как нотиолизма (термин Б. Ю. Нормана) на современном этапе развития языка даёт возможность для исследования других слов, значение которых изменяется под воздействием экстралингвистических факторов и, соответственно, меняющихся представлений о мире. Полученные результаты развивают когнитивно-дискурсивный подход в лингвистике, имеют значение для исследований динамических процессов в семантике языка.

Практическая значимость диссертации заключается в возможности применения результатов исследования к научно-исследовательской деятельности лингвистических и социологических направлений, а также в практике подготовки бакалавров и магистров по направлению «Филология»: материалы диссертации могут быть использованы в практике преподавания

таких лингвистических дисциплин, как дискурсология, основы когнитивной лингвистики, семантика русского языка, психолингвистика.

Положения, выносимые на защиту:

1. Результатом комплексной лингвистической реконструкции социального типа *дилетант* является динамическая модель, отражающая качественные изменения объекта в 2010-х – начале 2020-х гг. на фоне предшествующих периодов. Модель включает анализ разнородного языкового материала в диахроническом аспекте, направлена на выявление семантики ключевой лексемы «дилетант» (лексикографическая интерпретация на срезе «до 2013 года»¹, обыденная семантизация слова на современном этапе), акцентирует сложность структуры и неопределенность моделируемого социального типа, учитывает непрерывное порождение знаний о дилетанте в дискурсивной деятельности. Она описывает с лингвистических позиций объективный феномен коллективного сознания – социальный стереотип, выполняющий в социуме адаптивную функцию, и в этом качестве квалифицируется как социокультурная модель.

2. Интерпретация лексемы «дилетант» в толковых и синонимических словарях рубежа XX–XXI вв. позволила построить номинативное поле «дилетант», репрезентирующее совокупностью лексем его семантику. Ядро поля составляют *непрофессионал, неспециалист, любитель, неопытный, профан, графоман* – синонимы лексемы «дилетант», последовательно дублирующие друг друга в корпусе синонимических словарей; периферийную зону образуют синонимы ядерных лексем. Совокупность лексикографических значений единиц поля уточняет состав смысловых признаков лексемы «дилетант», из которых ядерными являются ‘без систематических знаний’, ‘плохо разбирается’, ‘имеет поверхностные знания’, ‘без специальной профессиональной подготовки’, ‘любит что-либо’, ‘наслаждается’,

¹ 2013 год указан с определенной долей условности: рассмотренные лексикографические источники охватывают период рубежа XX–XXI вв; последний словарь (Словарь синонимов В. Н. Тришина) вышел в 2013 году.

‘занимается чем-либо для себя’, ‘хобби’. В единицах номинативного поля повторяются указания на науку, искусство, спорт как сферы деятельности дилетанта, актуализируется негативная оценка их деятельности. Семантика лексемы «дилетант», реконструированная по данным указанных лексикографических источников, определяется как традиционная.

3. В дискурсивной деятельности традиционный слой представлений о дилетанте усложняется. В функционировании стереотипного представления о дилетанте проявляются её качественная неоднородность и неопределенность.

Дилетант профилируется как непрофессионал и неспециалист. Непрофессионализм дилетанта проявляется в сферах, которые предполагают наличие практических навыков, приобретаемых с опытом. Дилетант-неспециалист раскрывается как формальная характеристика лица с признаками ‘без образования’, ‘без квалификации’. В контекстах репрезентируется смысл ‘разная степень дилетантизма’.

Показателями неопределенности выступают образность-содержащие контексты, пояснительные конструкции и перечислительные ряды, транслирующие избыточную информацию при номинировании дилетанта. Наличие свойства неопределённости подтверждает динамичность представлений русскоязычного социума об этом социальном типе.

4. Сопоставление дефиниций «дилетант», полученных в семантическом эксперименте 2021–2022 гг., с ядерно-периферийными участками номинативного поля показало, что представления о дилетанте трансформируются. Только 58% всех респондентов в своих дефинициях указывают традиционное значение лексемы; конститутивный признак ‘сфера деятельности’ у значительной части респондентов не наполняется конкретным содержанием. Изменения проявляются в большей степени у младшей (18 – 35 лет) группы. Дефиниции респондентов в возрасте старше 35 лет ближе к традиционным; респонденты старше 60 лет предлагают развёрнутые толкования, при этом эксплицируют компоненты семантики понятия, не противоречащие лексикографическим интерпретациям рубежа XX – XXI вв.

5. В условиях трансформации профессиональных сфер, роста влияния «гибких навыков» дилетант становится альтернативой специалисту на иных, нежели ранее, основаниях, что сообщает лексеме «дилетант» лингвистический статус нотиолизма. Корпус интернет-текстов, сформированный по запросам «без образования» и др., содержит рефлексии о дилетанте и новом социальном типе (*неоспециалисте* в нашей терминологии), пришедшем ему на смену. Разножанровая самопрезентация неоспециалистов включает демонстрацию успешности при неоконченном образовании или его отсутствии, оптимизм, открытость, желание обучаться в процессе работы.

6. Оценка социального типа *дилетант* в рамках исследуемого периода смещается от преимущественно негативной к амбивалентной. Положительные коннотации регулярно фиксируются в «я»-высказываниях. В случае положительной оценки проявляются смысловые признаки 'имеет склонность к чему-либо', 'из интереса', 'всеядность', 'широко мыслит' и др. Неоспециалист получает однозначно положительную оценку в текстах-самопрезентациях.

7. Дилетанты в целом не определяются как групповая языковая личность, однако существуют области, предоставляющие возможности для их дискурсивной самопрезентации. Дискурс-анализ непрофессиональных детективных рассказов на портале «Проза.ру» выявил потребность авторов быть узнаваемыми, частичное соответствие текстов нормам детективного жанра, пониженную целостность текстов, неиспользование возможностей диалогов; наличие речевых ошибок и ошибок правописания; с другой стороны, рассказам дилетантов свойственны общие тенденции современной прозы – смешение жанров, фрагментарность структуры текстов.

Апробация работы. Основные положения диссертационного исследования апробированы в рамках II Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Новейшая филология: динамика речевых и текстовых форм» (20 – 22 сентября 2022 г.), X межвузовской научно-практической конференции с международным участием «Актуальные

проблемы языкознания» (Санкт-Петербург, 19 – 20 апреля 2021 года), Всероссийского конкурса научных работ с международным участием «День науки-2020» (Барнаул, 18 апреля 2020 года), Международной научно-практической конференции, посвящённой памяти Б. И. Осипова и М. П. Одинцовой (Омск, 15 – 16 февраля 2019 года), XLII региональной студенческой научно-практической конференции «Молодёжь третьего тысячелетия» (Омск, 2 – 27 апреля 2018 года), Международной online конференции «Наука, технологии, прогресс» (1 – 31 октября 2017 года).

По теме диссертационного исследования опубликовано 10 статей, в том числе 3 статьи в научных журналах, рекомендованных ВАК РФ.

Структура работы. Диссертационная работа включает в себя введение, три главы, каждая из которых, в свою очередь, разделена на параграфы, заключение, библиографический список и список словарных изданий.

Глава 1. Теоретические основания лингвистического исследования социальных типов личностей

1.1. Тип личности как объект междисциплинарных гуманитарных исследований

1.1.1. Тип личности и социальный тип: история вопроса и соотношение понятий

В общем смысле будем понимать тип личности и социальный тип как исследовательские модели с точки зрения гносеологии, и коллектив, группу, сообщество людей с общими социально-психологическими признаками – с точки зрения онтологии.

Современные гуманитарные научные дисциплины (социология, психология, философия и т.д.) выдвинули в качестве предмета обсуждения большое разнообразие типов личности – таких, например, как холерики, интроверты, гении, фантазёры, злодеи, активисты, педанты и т. п. Однако общепринятой концепции типа личности в рамках гуманитарной мысли или даже в пределах какой-либо отдельной дисциплины не существует. В данном разделе будет сделана попытка дать характеристику типу личности и социальному типу на основе имеющихся подходов к типологизации личности и определить, какие признаки типа личности присущи дилетанту и можно ли назвать его социальным типом.

По мнению социологов, классификация типов личности «является научной проблемой, которая находится в стадии разработки современной гуманитарной мыслью. Известные типологизации личности, представленные А. Адлером, Т. Одорно, Э. Фроммом, Д. Рисманом, раскрывают личность в контексте социального характера, формирующегося в результате взаимодействия социально-экономических, политических и культурных факторов. Эти факторы приводят к формированию социальных черт личности, позволяющих раскрыть в ней наиболее существенное» [Ярёменко, Бондаренко, Курова 2011 : 1667].

Российская социологическая энциклопедия понимает социальный тип личности как «обобщённое отражение, совокупность повторяющихся, существенных социальных качеств личности, присущих многим индивидам, входящим в какую-либо социальную общность» [РСЭ 1998 : 576]. Опираясь на данные энциклопедии, можно утверждать, что преобладание индивидуальных или социальных качеств в личности определяет её тип – авторитарный, толерантный, демократический и т. д. Анализ личности посредством исследования окружающих её социальных факторов позволяет «раскрыть в личности существенное, типичное, закономерно формирующееся в конкретно-исторической системе социальных отношений, в рамках определённого класса или социальной группы, к которой принадлежит личность» [РСЭ 1998 : 577]. В качестве примеров приводятся социальные типы рабочего, интеллигента, американского инженера, китайского рабочего. Все это – типы личностей, которые были сформированы в различных социальных условиях.

Е. В. Волкова акцентирует конкретно-историческую обусловленность функционирования социального типа. Учёный изучает социальную типологию личности на основе конвергентной культуры, под которой понимается «культура, вмещающая в себя как старые традиции, так и влияние нового информационного коммуникативного пространства» [Волкова 2021 : 250]. Автор утверждает, что «технологические, индустриальные, культурные и социальные трансформационные процессы способов распространения медиа в нашей культурной жизни порождают новые типы людей, которые стали нам известны благодаря распространению нового контента через различные медиаплатформы и благодаря миграционному поведению медиа аудитории...» [Волкова 2021 : 251]. При этом сосуществование традиционной и новой культур, по мнению автора, порождает появление новых социальных явлений и как следствие новых социальных типов людей [Волкова 2021 : 251]. В частности, Е. В. Волкова рассматривает «цифровой тип личности», к которому причисляет таких представителей массовой культуры, участвующих

в производстве публичного речевого контента, как блогеры, ютуберы, тиктокеры, стриммеры, пранкеры и др. Стоит отметить, что некоторых участников данного субкультурного сообщества в определённой степени можно причислить к представителям социального типа *дилетант* по таким признакам, как ‘непрофессиональная сфера деятельности’, ‘отсутствие специального образования’.

В рамках нашей работы представляет интерес концепция типов личности, предложенная П. И. Смирновым. В данной концепции личность – это социальная сущность человека, поскольку «в понятии “личность” отражается человек как участник деятельностного взаимодействия. <...> На основе представлений о разновидностях деятельности можно выявить основные социальные типы личности» [Смирнов 2005 : 133]. Автор отмечает, что «одна из основных разновидностей деятельности у конкретного человека становится преобладающей, вследствие чего возникает тот или иной тип личности» [Смирнов 2005 : 129]. Вследствие сложной и многогранной природы человека «науки и отдельные течения общественной мысли «выхватывают» какие-то аспекты её, называют отдельный аспект «личностью», а далее формируют соответствующие личностные типы: добропорядочные граждане и преступники, аскеты и гедонисты, интроверты и экстраверты и т. д.» [Смирнов 2005 : 125]. Утверждается существование трёх элементарных видов деятельности. Во-первых, та, что обеспечивает существование и самореализацию деятеля. Её можно назвать «деятельностью-для-себя» или «эгодеятельностью». Во-вторых, та, что направлена на существование высшего по отношению к непосредственному деятелю начала <...> можно назвать её «альтердеятельностью», «служебной деятельностью» или просто «службой». В-третьих, та, что <...> выступает как свободная трата жизненных сил деятеля. Логичнее всего назвать её «игрой» [Смирнов 2005 : 129]. Соответственно выделяются такие социальные типы личности, как *эгодеятель*, *служитель*, *игрок* [Смирнов 2005 : 130]. При этом, по мнению автора, большинство людей относятся к гармоничным деятелям, так как могут

без затруднений переходить от одного вида деятельности к другому, в связи с чем выделяется четвёртый тип – *нормальный деятель*.

Из указанных положений ясно, что при рассмотрении личности в данной концепции речь идёт скорее о социальном типе, чем о типе личности в целом; особую значимость здесь приобретают социальные черты, в частности деятельностный аспект. Предполагаем, что для характеристики дилетанта как социального типа именно деятельностный аспект является основным: одной из потребностей (или даже социальных черт) данного типа может являться обмен результатами деятельности через разные каналы связи и личностное взаимодействие. Дилетантизм естественным образом проецируется на выделенные А. А. Смирновым категории эгодеятеля (дилетант действует для себя), служителя (деятельность связана с профессиональным занятием), игрока (дилетант получает удовольствие от своей деятельности).

В психологии личность – это «относительно устойчивая система поведения индивида, построенная прежде всего на основе включенности в социальный контекст» [Погорельцева 2011 : 8]. Поэтому исследователи говорят о типе личности и социальном типе как о близких понятиях. Так, Ю. А. Погорельцева утверждает, что «то, какой именно тип личности будет сформирован, зависит не только и не столько от биологических особенностей индивида, свойственных ему от рождения, сколько от той социальной микросреды, в которой происходит становление личности» [Погорельцева 2011 : 5].

Тип в психологии – «образец, служащий для объединения элементов (объектов, явлений и т.п.) на основе соотношения их существенных свойств, рассматриваемых в совокупности, и обладающий максимально выраженным своеобразием» [Ганзен, Фомин 1993 : 2]. При описании типов личности «не указывается мера выраженности психологических характеристик, включенных в тип <...> приоритет, иерархия признаков типа, степень их существенности для определения типа» [Ганзен, Фомин 1993 : 3].

Значительное влияние на исследования типов личности в психологии оказала типология К. Юнга, основанная на экстраверсии и интроверсии и опирающаяся на наличие четырех функциональных типов – «мыслительный, эмоциональный, сенсорный и интуитивный, определяемых по привычному господству одной из указанных функций» [Ганзен, Фомин 1993 : 4]. Фактически определение типа личности в типологии Юнга основывается на двух аспектах – «направленности установки» и подавляющей функции. «Это, с одной стороны, упрощает задачу определения типа, а с другой – затрудняет отнесение конкретного человека к определенному типу из-за высокой степени обобщенности выделенных качеств» [Ганзен, Фомин 1993 : 5].

В одном из направлений современной психологии – персоналистическом (представители: Г. Олпорт, А. Маслоу, К. Роджерс) типы личностей выделяют в соответствии с основными духовными сферами общества: «теоретическая личность, эстетическая, экономическая, религиозная, политическая и др.» [Погорельцева 2011 : 89].

Стоит отметить, что психологический тип личности всегда обладает несколькими характеристиками, которые существуют «не просто в виде определенного набора таковых, а в совокупности: со связями между ними, т. е. имеет место структура психологических качеств, своеобразная для каждого типа» [Ганзен, Фомин 1993 : 2].

Психологический тип личности по К. К. Платонову – это «особенное в личности, выделенное по определенному психологическому критерию, позволяющему разделить все личности на необходимое и достаточное число их психологических условных групп. Напр.: по темпераменту, коллективизму – индивидуализму, экстраверсии – интроверсии и т. д.» [Платонов 1984 : 150].

Для проблематики диссертации представляют интерес идеи, связывающие типы личности с профессиональными занятиями. Так, А. Л. Свенцицкий, опираясь на понятия К. К. Платонова и К. М. Гуревича «профессиональный характер» и «профессиональный тип личности»,

подчеркивает зависимость личностных качеств индивидуума от профессиональной роли: «продолжительное выполнение индивидом какой-либо роли способствует более яркому проявлению одних свойств личности и маскировке других. Это особенно хорошо заметно на примере профессиональных ролей. <...> свойства личности, сформировавшиеся в процессе выполнения ею профессиональной роли становятся чертами характера и начинают проявляться во всех других сферах жизнедеятельности данной личности» [Свенцицкий 2004 : 91].

Таким образом, важным показателем принадлежности личности к тому или иному типу является «степень адаптированности личности к социально-производственным условиям труда» [Свенцицкий 2004 : 91]. В связи с этим уместно сформулировать вопросы, касающиеся темы диссертационного исследования: насколько тип личности человека зависит от сферы деятельности, в которую он вовлечён, не являясь в ней профессионалом / специалистом? Можно ли говорить о типе личности *дилетант* и о дилетанте как социальном типе?

Значительный вклад в разработку профессионального типа личности внёс американский психолог Дж. Холланд, который утверждал, что «люди соответствуют одному или нескольким типам личности: Реалистическому (R), Исследовательскому (I), Артистическому (A), Социальному (S), Предпринимательскому (E) или Конвенциональному (C)» [цит. по : Седых 2009 : 57]. Развивая идеи Дж. Холланда, В. А. Луговской, М. Н. Кох характеризуют каждый из этих типов:

«1. Реалистичный тип. «Мужской тип». Обладает высокой эмоциональной стабильностью, ориентирован на настоящее <...>;

2. Интеллектуальный тип. Характерны аналитический ум, независимость и оригинальность суждений <...>;

3. Социальный тип. Отличается выраженными социальными умениями (общение, потребность в многочисленных социальных контактах). Независим

от окружающих, с успехом приспосабливается к обстоятельствам. Эмоционален и чувствителен <...>;

4. Конвенциональный тип. Отдаёт предпочтение структурированной деятельности, работе по инструкции, определённым алгоритмам <...>;

5. Предприимчивый тип. Выбирает цели и задачи, позволяющие проявить энергию, импульсивность, энтузиазм <...>;

6. Артистический тип. В отношениях с окружающими опирается на своё воображение и интуицию» [Луговский, Кох 2015 : 59].

Как видим, некоторые характеристики конкретных типов коррелирует с определёнными видами профессиональной деятельности. Преобладание определённых качеств, по Дж. Холланду, даёт основание отнести человека к одному из предложенных типов и подобрать для него наиболее подходящие профессии. А. Б. Седых отмечает, что «Холланд применил те же шесть характеристик для описания рабочей и домашней среды и утверждал, что некоторые индивидуальные исходы (например, профессиональный выбор и уровень достижений) могут быть определены через исследования сочетаний типов личности и окружения» [Седых 2009 : 57].

В исследованиях по социальной психологии, также как в социологических работах (см. выше [Волкова 2021]) делается акцент на контексте функционирования типа личности. По мнению А. Г. Асмолова, изучавшего разные аспекты психологии личности, в социотипическом поведении субъект выражает усвоенные в культуре образцы поведения и познания, надындивидуальные явления: «Подлинными основаниями и движущей силой развития личности выступают совместная деятельность и общение, посредством которых осуществляется движение личности в мире людей, приобщения её к культуре» [Асмолов 1996 : 430]. Е. П. Белинская, освещая в рамках социальной психологии сущность социогенетических теорий, говорит о зависимости характеристик типа личности от культуры и социума: «различные типы личности являются продуктом различных культур. Тем самым культура выполняет функцию стандартизации: интегрированные в

личности социокультурные элементы становятся для человека нормой (стандартом) чувствования, мышления и действия» [Белинская 2001 : 62].

Обозревая ключевые понятия основных разделов дифференциальной психологии, О. А. Кондрашихина описывает теоретические подходы к изучению вариаций человеческой психики, характеризует наиболее популярные типологии индивидуальности, в том числе уделяет внимание понятию «тип личности» [Кондрашихина 2009]. Дифференциальная психология – «раздел психологии, изучающий психологические различия как между индивидами, так и между группами людей, объединенных по какому-либо признаку, а также причины и последствия этих различий» [Кондрашихина 2009 : 5]. Данная дисциплина тесно связана с социальной психологией с той точки зрения, что изучает личность и её «индивидуальную вариативность, обусловленную социальным статусом субъекта, принадлежностью его к определенной социоэкономической группе» [Кондрашихина 2009 : 8]. Тип в дифференциальной психологии – «устойчивая совокупность признаков, свойств либо картина поведения в целом, которая рассматривается как типичное для группы, как симптомокомплекс. Каждого человека, у которого отмечается данный симптомокомплекс, начинают относить к этому типу. В качестве характеристики человека при этом выступает название соответствующего типа, а содержание раскрывается описанием типичного, усредненного представителя» [Кондрашихина, 2009 : 126].

В дифференциальной психологии тип личности раскрывается через типологии характеров. А. Адлер предложил типологию характеров на основе двух параметров – активности и социального интереса, и выделил четыре типа личности – управляющий, берущий, избегающий, социально-полезный. [Энциклопедический словарь по психологии и педагогике].

В типологии акцентуаций характера, темперамента и личности К. Леонгард описал 12 типов характера (демонстративный, педантичный, возбудимый, эмотивный и др.) [Леонгард 2000]. Данные типы выделяются из

совокупности человеческих качеств, социального поведения, направленности психических процессов, уровня активности, общего настроения, скорости реакции и т.д.

Э. Фромм определил характеры по соотношению в них продуктивности и непродуктивности. [Энциклопедический словарь по психологии и педагогике]. Причём у Э. Фромма нет чёткого разграничения понятий «тип личности» и «социальный тип». Автором используется термин «социальный характер», который «формируется на пересечении экзистенциальных потребностей человека и внешних социальных требований к личности» [Белинская 2001 : 93]. При этом Фромм рассматривает формы социального характера во взаимосвязи с различными исторически сложившимися типами самоотчуждения человека. «Он выделяет наличие в современном обществе пяти исторически сформировавшихся в разные эпохи типов социального характера: рецептивный, эксплуатирующий, накапливающий, рыночный (максимально соответствующий капиталистической эпохе) и продуктивный (представляющий собой некую идеальную модель человека в совершенном обществе, называемом Э. Фроммом «гуманистическим коммунистическим социализмом»)» [Белинская 2001 : 93].

Среди отечественных типологий личности можно отметить «типологию И. П. Павлова, типологию П. Б. Ганнушкина (первая типология психопатий), типологию А. Ф. Лазурского, включающую в себя уровни психического развития и содержащую в своем основании такие параметры, как эндопсихика и экзопсихика, типологию акцентуаций характера А. Е. Личко, типологию личности Б. С. Братуся» [Кондрашихина 2009 : 136].

Таким образом, дифференциальная психология обозревает значительное количество типологий, которые помогают понять индивидуальные особенности человека. С одной стороны, это позволяет оперативно давать характеристику личности, прогнозировать те или иные события, связанные с ней, разбираться в многообразии индивидуальностей. С другой стороны, как отмечает О. А. Кондрашихина, «неграмотное, некорректное использование

типологий может привести к таким отрицательным последствиям, как навешивание на человека ярлыков, упрощённому, обеднённому пониманию его индивидуальности» [Кондрашихина 2009 : 140].

Подводя итог всему вышеперечисленному, сделаем несколько важных для нас выводов.

Во-первых, социальный тип личности – это междисциплинарное понятие, содержание которого сложилось как результат изучения категорий тип личности и социальный тип в социологии, социальной психологии, дифференциальной психологии.

Во-вторых, понятия *типа личности* и *социального типа* в гуманитарных науках не разнятся существенно и являются взаимоопределимыми. *Социальный тип* даёт возможность наиболее детально охарактеризовать тип личности за счёт включения в понятие (помимо индивидуальных психологических особенностей) исторического периода и социальных условий существования человека. Иначе говоря, социальный тип предполагает совокупность повторяющихся черт и качеств личности, находящихся в прямой зависимости от окружающих социальных факторов. *Тип личности* также зависит от социальной среды, культуры, в которой происходит становление личности, но при этом на передний план выходит комплекс индивидуальных психологических характеристик, обязательно имеющий определённую структуру, а также общая картина поведения индивида. Преобладание одного качества или свойства личности указывает на её тип.

В-третьих, характерные свойства личности тесно связаны с текущим видом её деятельности, формируются во время этой деятельности и могут меняться при переходе от одного вида занятий к другому.

Из сказанного в параграфе вытекает предположение, что дилетант обладает характеристиками социального типа.

1.1.2. Моделирование групповой личности в лингвистике: параметры описания, классификации

В лингвистике личность часто рассматривается как «языковая личность» [Богин 1986; Воркачев 2001; Калашникова 2014; Карасик 2011; Караулов 1989; Хуранова 2017 и др.]. Введение данного понятия в лингвистический обиход позволяет изучать «проблемы человеческого фактора в речевой деятельности... открывает перспективы изучения языка как формы и способа жизнедеятельности человека, позволяет осмыслить знания о языке ...» [Кыштымова 2014 : 237–238]. По словам Н. С. Шабровой, «именно концепция языковой личности позволяет рассматривать важнейшие лингвистические проблемы (закономерности взаимосвязи языка и мышления, вопросы языкового онтогенеза, формирование языковой картины мира и др.) применительно к среднему носителю языка» [Шаброва 2008 : 1]. Достижения в исследовании языковой личности вывели данную проблематику на уровень обзоров. Обобщая этапы изучения данного феномена, Т. В. Кыштымова пишет: «В лингвистике термин «языковая личность» впервые употребил В. В. Виноградов, хотя представления об индивидуальном характере владения языком зародились в XVIII – XIX вв. в трудах В. Фон Гумбольдта и И. Г. Гердера, затем получили развитие в трудах Л. Вайсгербера, И. А. Бодуэна де Куртенэ, К. Фосслера и др. В отечественном языкознании – это труды Г. И. Богина, С. Г. Воркачева, В. И. Карасика, Ю. Н. Караулова, К. Ф. Седова и др.» [Кыштымова 2014 : 238].

В рамках диссертационного исследования интересно выяснить, как соотносятся языковая личность и её разновидность групповая языковая личность с объектом изучения – социальным типом? В чём пересекаются данные категории? Как и в какой степени дилетант проявляется как языковая личность?

К важнейшим свойствам языковой личности относится её речедеятельностная природа, описанная И. Г. Богиным. Под **языковой**

личностью учёный понимал человека, способного «производить речевые поступки, создавать и принимать произведения речи» [Богин 1984 : 1]. Учёный создал параметрическую модель языковой личности, в которой описаны «готовности человека к производству речевых поступков» [там же].

Широкому распространению в научных кругах термина «языковая личность» способствовал Ю. Н. Караулов. Под языковой личностью он понимал «совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов), которые различаются а) степенью структурно-языковой сложности, б) глубиной и точностью отражения действительности, в) определенной целевой направленностью» [Караулов 1989 : 3]. Ю. Н. Караулов обосновал структуру языковой личности, состоящую из трёх уровней – вербально-семантического, когнитивного и прагматического. Модель языковой личности Ю. Н. Караулова является общепринятой, широко цитируется [Матвеева 1990 : 108; Кыштымова 2014 : 241 и мн. др], переносится на разные варианты языковой личности, в том числе на групповую [Анистратенко 2009], о которой речь пойдет ниже. Здесь же обратим внимание на то, что последний, прагматический уровень «обеспечивает в анализе языковой личности закономерный и обусловленный переход от *оценок ее речевой деятельности к осмыслению реальной деятельности в мире*» [Караулов 1989 : 5] (курсив наш – В. К.). Таким образом, понятие языковой личности не исключает, а подразумевает «деятельность в мире» – неречевые проявления, которые свойственны и социальному типу как социально-психологическому понятию.

Выход языковой личности в прагматику как выход за границы языка отмечают и другие исследователи – с разными поворотами и акцентами этого сюжета: «Языковая личность адресанта складывается не только из лексикона и семантикона, но и прагматикона, т. е. она несёт в себе отражение персональных черт характера, аксиологических установок, фоновых знаний, которые в совокупности могут актуализировать истинный смысл многозначного высказывания, определяя его референцию... референция

говорящего в оценочных высказываниях во многом определяется (и предопределяется) аксиологическими установками личности, знание которых адресатом делает возможными правильное истолкование смысла этих высказываний» [Анистратенко 2008 : 6]. Э. В. Гафтиярова, характеризуя модель языковой личности, называет два основных параметра: «вербальное и невербальное поведение личности в типичных ситуациях» [Гафиятова 2014 : 82]. В свою очередь, характеристика невербального поведения непосредственным образом выходит в социум, включает социальные роли личности: «...исследование вербального поведения предполагает, с одной стороны, фиксацию всех создаваемых языковой личностью текстов на протяжении определенного периода времени, а с другой – *фиксацию действий самого лица, выполняющего определенные роли в институциональном и бытовом окружениях*» [Гафиятова 2014 : 82]. А. В. Болотнов, используя когнитивно-стилистический подход к дискурсивным проявлениям языковой личности, утверждает, что стоит акцентировать внимание на индивидуально-авторских особенностях восприятия мира, а именно «можно продуцировать отдельные особенности личности: её психологическое своеобразие и социально-политические взгляды, некоторые черты характера и систему ценностей» [Болотнов 2012 : 169].

Таким образом, языковая личность проецируется в деятельность и обладает социально-психологическими характеристиками, что сближает её с представителями социального типа. Вместе с тем очевидно, что не всякий социальный тип имеет речевое измерение, обязательное для языковой личности.

Следующая точка пересечения – неиндивидуальная природа социального типа, которая роднит его с понятием, производным от языковой личности, а именно понятием **групповой языковой личности**. Последняя наиболее очевидно пересекается с понятием социального типа. В групповой языковой личности акцентируется социальная обусловленность, зависимость от окружающей среды, сфера деятельности и другие признаки

принадлежности. Групповую языковую личность можно выделить, одновременно выделяя определенный социальный тип. Неоднократно замечалось, что «речевой след» есть, например, у подростка, учителя, юриста. В случае дилетантов вопрос о наличии «речевого следа» не решался, но материал для его решения имеется. В Интернете существуют порталы, публикующие работы графоманов; на форумах встречаются комментарии непрофессионалов, касающиеся узкоспециальных вопросов.

Н. Д. Голев, А. В. Кузнецова изучают причинно-следственную связь между ментально-психологической и языковой сторонами личности, констатируют отсутствие типологий, которые «учитывали бы ментально-психологические характеристики личности и описывали бы тот тип языковой особенности, который присущ языковой личности от природы» [Голев, Кузнецова 2009 : 95]. Авторы подчеркивают необходимость исследования «типичного» в языковой личности, обращают внимание на «отсутствие универсальной, системной типологии языковой личности, в которой акцент делался бы не на индивидуальное проявление языковых черт, а на типичное» [Голев, Кузнецова 2009 : 95]. О «типичном» в языковой личности говорит и Н. Г. Щитова: «Речь отдельного человека может содержать в себе черты, которые являются типичными для языковых привычек и особенностей данной социальной среды, и задача исследователя состоит в том, чтобы выявить эти черты и дать им соответствующую лингвистическую и экстралингвистическую интерпретацию, показывая, что они являются отражением речевых особенностей группы, в которую входит индивид» [Щитова 2007 : 27]. Говоря о систематизации разрозненных представлений о языковой личности, К. Ф. Седов замечает: «...изучение языковой личности всегда сталкивается с проблемой определения меры единичного и общего, типического и уникального, индивидуального и коллективного в объекте исследования. Эта проблема вызывает необходимость создания классификации языковых личностей на основе особенностей речевого поведения разных носителей языка» [Седов 2004 : 6]. И. В. Анистратенко

предлагает разделить в понятии групповой языковой личности, которую она исследует по данным дискурса, «инвариантное ядро» и «идиостиловые наслоения» [Анистратенко 2009 : 13].

Очевидно, что понятие групповой языковой личности ещё в большей степени, чем индивидуальной, учитывает социальный контекст. О. Г. Щитова, С. Л. Савилова определяют групповую языковую личность следующим образом: «Групповая ЯЛ понимается как обобщенный *представитель определенного социального сообщества* (курсив наш – В.К.). Групповой взгляд ЯЛ формируется на основе индивидуального опыта каждого члена группы. Полное описание групповой языковой личности предполагает выявление общих особенностей языка у лиц, объединенных по каким-либо признакам, создание речевых портретов представителей определенной группы с опорой на индивидуальные черты отдельных личностей» [Щитова, Савилова 2014 : 207].

Как близкое к групповой языковой личности в научной литературе используется понятие речевого портрета: «речевой портрет – это воплощенная в речи языковая личность определенной социальной общности. При всем внимании к индивидуальности интерес учёных в первую очередь привлекают те черты языковой личности, которые несут в себе признаки групповой принадлежности» [Леорда 2006 : 6].

Групповая языковая личность отграничивается от других смежных понятий. И. В. Анистратенко отделяет её от усреднённой личности и языкового коллектива: «В социальном аспекте принято выделять три типа языковой личности: усредненный, групповой, индивидуальный. Групповую ЯЛ следует дифференцировать от языкового коллектива как от более широкого понятия, которое может включать в себя целый этнос или сравнительно небольшую группу говорящих на одном языке лиц» [Анистратенко 2008 : 5].

Проблема групповой языковой личности решается, в частности, посредством классификаций, поскольку результатом любой классификации

является выделение типов. Определённые критерии классификации предлагаются, например, в психолингвистике (экстраверты и интроверты); культуре речи (элитарная, диалектная, просторечная и др. языковые личности) и т.д.

Для данного исследования особый интерес представляют социолингвистические классификации. Подробная типология языковых личностей с позиции социолингвистики представлена в монографии В. И. Карасика «Языковой круг: личность, концепты, дискурс» (гл. 1 Типы языковой личности) [Карасик 2002 : 10]. Данный труд обобщает работы, в которых личность, в первую очередь, является представителем определённой культуры, национальности и менталитета. Здесь стоит вспомнить, что культурная обусловленность является также характерной чертой социального типа.

О. Г. Щитова выделила социальные признаки групповой языковой личности среди других типологических признаков – биологических, психологических, культурологических, творческих, личностных, лингвистических. В перечне называемых ею социальных признаков – «принадлежность человека к определённому этносу, социуму, профессии и т. д.» [Щитова 2007 : URL]. Социально и одновременно психологически ориентирована любопытная классификация языковых личностей В. И. Карасика, в основе которой – противопоставление личностей эгоцентрического и социоцентрического типов (у автора они выделяются в зависимости от прагматики фразеологизмов): «Социоцентрическая языковая личность использует клишированные выражения для подтверждения своего статуса и – в случае статусной неопределённости – для опознания членов своей социальной группы» [Карасик 2002 : 24].

У В. И. Карасика имеется также типология подходов к изучению языковых личностей – с позиций личности либо с позиций языка [Карасик 2002 : 15]. К подходам с позиции личности для целей настоящего исследования относится социолингвистический подход, значимый для

решения задач настоящего исследования. При социолингвистическом подходе языковая личность «моделируется с позиций либо заданного социального типа, либо определенных знаков, рассматриваемых как индикаторы статуса или роли» [Карасик 2002 : 16]. Со ссылками на уже проведенные исследования автор поясняет, что «в первом случае анализ направлен на выявление тех знаков, которые характеризуют заранее определенный тип личности... а во втором предметом поиска является совокупность характеристик того социального типа, который выделяется на основании заданных знаков, например, определенных характерных фраз» [там же]. Предполагаем, что «характерные фразы» у социального типа *дилетант* идентифицировать вряд ли возможно, в связи с чем его следует рассматривать в проекции от заданного типа личности к речевым репрезентациям. При таком подходе поиск будет направлен на языковой / дискурсивный «отпечаток» дилетанта в культуре.

Обратим внимание ещё на одну классификацию, разграничивающую психологические и языковые аспекты личности. Согласно Л. А. Хурановой, эти подходы делятся на два вида: «1) реализуемые с точки зрения референции самой личности, то есть её психологических, этнокультурологических, социологических показателей; 2) реализуемые с позиции особенностей языковой / речевой деятельности личности» [Хуранова 2017 : 76]. Первый из указанных подходов актуализирует важный для нас момент, о котором говорилось выше: языковая личность сопряжена с комплексом социальных, психологических, этнокультурологических характеристик, что сближает её с социальным типом.

Важный вопрос, который следует обсудить в связи с изучением лингвоперсонологической проекции социального типа, – какой материал задает эту проекцию? В лингвистической литературе имеются данные о том, что это, с одной стороны, лексикон языка, с другой – дискурсивная деятельность языковой личности.

Обратимся к идее В. И. Карасика о словарной личности: «С позиций языка можно построить также модель словарной личности, т. е. носителя

представлений, стереотипов и норм, закрепленных в значениях слов, толкуемых в словарях. Словарная личность представляет собой наиболее абстрактный тип языковой личности, вместе с тем даже на уровне словарной личности обнаруживаются оценочные разновидности (например, критик и апологет), проявляющиеся применительно к определенным лексико-семантическим группам слов (Карасик, 1994)» [Карасик 2002 : 28]. Если в качестве такой лексико-семантической группы слов взять группу слов, объединенных лексемой «дилетант», то можно увидеть позиции критика и апологета в отношении данного социального типа. Первый вводит в лексикон такие слова, как «графоман», «неуч» и подобные, а второй – «любитель». Словарная личность проявляется в смысловых признаках понятий, наиболее ярко характеризующих социальный тип *дилетант* в лексикографических источниках. Например, «любитель» репрезентируется в толковых словарях через признаки ‘с симпатией’, ‘любить что-либо’, ‘заниматься чем-либо непрофессионально (любительски)’; «графоман» или «неуч» включают негативные смысловые признаки.

С другой стороны, языковая личность, в том числе не индивидуальная языковая личность, проявляет себя в дискурсе. К. Ф. Седов выделяет коллективную языковую личность как «определённую группу носителей языка, имеющую сходные речеповеденческие проявления» [Седов 2004 : 6]. Автор различает некоторые группы личностей по сфере деятельности (учитель, медик, рабочий и пр.), а также по возрастным параметрам (например, у ребенка: дошкольник, подросток и т.п.) и отмечает, что данные группы «обладают сходными признаками дискурсивной деятельности и речевого мышления, обслуживающего эту деятельность» [Седов 2004 : 7].

Дискурсивные проявления языковой личности во многом зависят от коммуникативной ситуации, порождающей типовое поведение у разных представителей группы. «Претендуя на языковую исключительность, люди в сходных коммуникативных ситуациях часто ведут себя поразительно одинаково. Это связано и с тем, что говорящие в каждый момент своей речевой

биографии демонстрируют особенности группового речевого поведения. Носитель языка как бы фокусирует в себе черты «коллективных языковых личностей». Он может, к примеру, одновременно выступить как языковая личность горожанина, языковая личность студента-словесника, языковая личность двадцатилетнего юноши и т. п.» [Седов 2004 : 85].

По мнению Ю. Н. Караулова, при использовании дискурсивных материалов «не обязательно располагать связными текстами, достаточен определенный набор речевых произведений отрывочного характера (реплик в диалогах и различных ситуациях, высказываний длиной в несколько предложений и т. п.), но собранных за достаточно длительный промежуток времени» [Караулов 1989 : 5]. В качестве примера дискурса автор приводит «сумму высказываний какого-нибудь персонажа художественного произведения, который выступает в этом случае как модель реальной языковой личности» [Караулов 1989 : 5].

Предполагаем, что дискурсивные материалы, производимые дилетантами, способны выявить специфику их речевой продукции в двух аспектах. У дилетантов-скрипторов, для обозначения которых в языке есть слово «графоман», так или иначе проявится низкое качество литературного труда, что достаточно очевидно. Другой аспект – личностная характеристика тех, кто заявляет о себе как о дилетанте (используя или не используя это понятие) и прибегает к жанровой форме самопрезентации, чтобы высказать свое кредо.

Подводя итог вышесказанному, отметим, что языковая личность в контексте изучения социального типа *дилетант* представляет наибольший интерес с точки зрения исследования её разновидности – групповой языковой личности. Последняя представляется многогранным, разноплановым феноменом, уникальность которого определяется неповторимыми сочетаниями социальных, психологических характеристик, проявляющихся в языке и речи. Социальная и культурная обусловленность групповой языковой личности сближает данное понятие с понятием социального типа.

Подчеркнём, что языковая личность (в том числе групповая языковая личность) и социальный тип являются понятиями из разных научных направлений. Языковая личность – это объект реальной действительности, сочетающий языковые, речеповеденческие, социальные, личностные признаки, который реконструируется в лингвистических моделях, а социальный тип – объект реальной действительности, «открытый» в социологических и психологических трудах.

Социальный тип не обязательно имеет речевую составляющую. Понятие групповой языковой личности может быть востребовано при его моделировании, но лишь в той мере, в какой избранный для анализа тип предстаёт как речевой субъект. Предполагаем, что у дилетанта наличие / отсутствие «речевого следа» зависит от сферы деятельности.

1.1.3. «Модельная личность», «лингвокультурный типаж», «образ» как варианты лингвистической реконструкции социальных типов

Исследование языковой личности и его результат, как следует из предыдущего параграфа, практически всегда являются моделированием. Г. И. Богин обращает внимание на условия, соблюдаемые при построении модели языковой личности. Важнейшее из них – «трактовка языковой личности в качестве структуры, а языка – в качестве субстрата этой структуры, т. е. в качестве предметного основания единства структуры языковой личности» [Богин 1984 : URL]. Э. В. Гафтиярова указывает, что информация о таком масштабном объекте исследования, как языковая личность, «может быть представлена только в определенных моделях, поскольку ее хронологическое представление не даст возможности обобщения и последующей систематизации» [Гафтиярова 2014 : 83].

Основная задача данного параграфа – рассмотреть лингвистические модели объектов, смежных с языковой личностью, но, в отличие от неё, направленных не столько на то, «как люди говорят», сколько на то, «что и как говорят о них». Будут рассмотрены понятия «модельная личность», «лингвокультурный типаж», «образ» с целью определить их эвристический потенциал для лингвистической реконструкции социального типа.

Начнем с предложенного В. И. Карасиком лингвистического конструкта «**модельная личность**». Модельной личностью учёный называет «типичного представителя определённой этносоциальной группы, узнаваемого по специфическим характеристикам вербального и невербального поведения и выводимой ценностной ориентации» [Карасик 2002 : 11]. В качестве примеров автор приводит такие модели, как русский интеллигент, английский аристократ, немецкий офицер. Модельная личность ассоциируется с конкретной культурой и ценностями, может стать образцом для характерных моделей поведения в рамках данной культуры, является одним из ярких знаков культуры для тех, кто к ней не принадлежит. Лингвокультурологическая

ориентация понятия модельной личности раскрывается В. И. Карасиком через понятия стереотипа и символа культуры: это «стереотип поведения, который оказывает существенное воздействие на культуру в целом и служит своеобразным символом данной культуры для представителей других этнокультур» [Карасик 2002 : 11].

В итоговом определении модельной личности автором названы такие признаки, как престижность социальной группы, собственно «модельная функция», то есть возможность играть в обществе и культуре роль образца для подражания, а также сопряжение общего и индивидуального (обобщённого и конкретного, статического и динамического). В. И. Карасик предлагает «выделить модельные личности, представляющие престижную социальную группу и определяющие поведение многих членов этого общества в целом, противопоставить и охарактеризовать обобщенный тип и конкретного представителя социума, осветить языковую личность как динамическое или статическое образование (установить те характеристики, которые позволяют измерить переход от еще-не-личности к уже-личности, и те параметры, по которым можно описать стандартную, суперстандартную и субстандартную языковые личности» [Карасик 2002 : 70]. Акцентируя в этом конструкте наличие прототипа и возможность его варьирования, В. И. Карасик использует понятие «образ». Согласно мнению учёного, модельная личность «представляет собой прототипный образ, границы которого весьма вариативны» [Карасик 2002 : 11].

Существенно, что, говоря о модельной личности, автор использует термин «социальный тип» для обозначения объекта моделирования, что ещё раз подтверждает корреляцию понятий смежных гуманитарных наук – лингвистики и социологии. В качестве примера модельной личности приводится социальный тип «Гусар», который описан следующим образом: «офицер, который всегда готов был совершить дерзкий подвиг, а в свободное от подвигов время должен был играть в карты, пить вино, писать стихи, влюбляться и завоевывать любовь и т. д. Этот образ жив в коллективном

языковом сознании носителей современной русской культуры благодаря литературе, живописи, кино» [Карасик 2002 : 11]. Отметим, в описании образа гусара речевое поведение практически не проявляется, за исключением характеристики «*писать стихи*».

Перечень социальных типов, осмысленных В. И. Карасиком в концепции модельной личности, постоянно пополняется. В. И. Карасик называет такие социальные типы, как «Братан», «Новый русский», «Телевизионный ведущий», характеризуя их как яркие прототипные фигуры, определяющие «сетку ценностных координат в культурно-языковом сообществе, в том числе престижные и избегаемые речевые характеристики, которые могут рассматриваться с позиций лингвистического концептуализма» [Карасик 2022 : 12]. В. Ю. Гараева выделяет основания для каталогизации социальных типов на материале перифрастических наименований человека в языке СМИ; по мнению автора, в дифференциации социальных типов выражается «стремление к упорядочиванию информационной картины мира» [Гараева, 2020]. Автор подчёркивает: «благодаря классификации и созданию наименований человек ориентируется в окружающем его мире, формируется его социальная память» [Гараева 2020 : 206].

Может ли социальный тип *дилетант* быть представленным как модельная личность в изложенном выше понимании? На наш взгляд, ответ будет отрицательным по следующим причинам: 1) из-за присвоения модельной личности «престижного» статуса и функции «образца для подражания» (к дилетанту можно относиться по-разному, в том числе с подозрением, презрением или безразличием, то есть его престижность и стремление ему соответствовать вряд ли имеют место); 2) из-за отсутствия явной национально-культурной специфики, наличие которой просматривается в тех примерах модельных личностей, которые составляют историю изучения этого понятия.

Яркая культурная маркированность составляет главное свойство следующего из анализируемых понятий – лингвокультурного типажа.

Лингвокультурный типаж разработан в исследованиях Волгоградской школы под руководством В. И. Карасика. Отдельные типажы описаны Т. В. Бондаренко («английский слуга»), В. В. Деревянской («английский колониальный служащий»), О. А. Дмитриевой («Россия и Франция»), А. Ю. Коровиной («сноб»), И. А. Мурзиновой («британская королева»), Л. П. Селиверстовой («звезда Голливуда»), Е. А. Ярмаховой («чудак»). Исследованием лингвокультурных типажей занимались представители других школ: Н. Ц. Босчаева («калмыцкий аристократ»), М. Б. Ворошилова («рокер»), Л. А. Васильева («британский премьер-министр»), О. В. Лутовинова («хакер»), И. Ю. Уфаева («Hispanic»), Т. Марчин («советский шпион») и др. Подробный обзор исследований данной тематики приведён в диссертационном исследовании Е. М. Дубровской, посвящённом лингвокультурному типуажу «человек богемы» [Дубровская 2017 : 3].

Подобно понятию социального типа, понятие типажы сформировалось на стыке смежных гуманитарных наук. «...Теория лингвокультурных типажей представляет собой развитие теории языковой личности в рамках лингвокультурологии и синтезирует в себе достижения лингвистики, литературоведения, социологии, психологии и культурологии» [Карасик, Дмитриева 2005 : 23]. Отличие здесь – в приоритете лингвистической составляющей, а не социологической и психологической, как в случае социального типа.

На сегодняшний день осмыслено место лингвокультурного типажы среди смежных лингвистических понятий. О. В. Лутовинова полагает, что типаж взаимосвязан с такими категориями, как образ, стереотип, имидж, речевой портрет, модельная личность и другие. В то же время, по мнению автора, лингвокультурологическая основа понятия придаёт ему особую значимость в рамках разных подходов. О. В. Лутовинова видит её ценность для лингвоперсонологических исследований, полагая, что теория лингвокультурных типажей «даёт новый ракурс в исследовании языковой личности, акцентируя внимание на культурно-диагностической значимости

типизируемой личности для понимания соответствующей культуры с позиций лингвистики» [Лутовинова 2009 : 227]; С точки зрения Е. М. Дубровской, данный феномен является «важным “ключом” к пониманию культурных доминант поведения, свойственных представителям определенной нации» [Дубровская 2017 : 4]. Близкое суждение о лингвокультурном типаже находим у О. А. Дмитриевой, которая пишет о нём следующее: «является своеобразным звеном в построении типа культуры, вернее – частицей своеобразия определённого культурного сообщества. В этом смысле культура представляет собой совокупность лингвокультурных типажей» [Дмитриева 2005 : 74].

В. И. Карасик, как и в случае с модельной личностью, определяет лингвокультурный типаж через категорию «образа». В его совместной с О. А. Дмитриевой работе лингвокультурные типажы – «узнаваемые образы представителей определённой культуры, совокупность которых и составляет культуру того или иного общества» [Карасик, Дмитриева 2005 : 8]. В качестве примера приводятся лингвокультурные типажы «английский чудак», «юродивый».

При обращении к лингвокультурным типажам акцентируют внимание на двух основных моментах:

- 1) культурно-диагностической значимости типизируемой личности для понимания соответствующей культуры;
- 2) изучении этой личности с позиций лингвистики (с учётом обозначения, выражения и описания соответствующего концепта, воплощенного в языке) [Карасик, Дмитриева 2005 : 9].

Лингвокультурные типажы могут уточняться по взаимодополняемым признакам яркости и оценки и быть как яркими, так и неяркими, как положительными, так и отрицательными [Карасик, Дмитриева 2005 : 9]. «В отличие от модельной личности лингвокультурный типаж не только менее ярок, но и может иметь отрицательную оценку. Если модельной личности

стремятся подражать, то лингвокультурный типаж может вызывать критическое отношение» [Карасик, Дмитриева 2005 : 9].

Таким образом, *лингвокультурный типаж* по отношению к *модельной личности* можно рассматривать как более широкое понятие, не ограниченное «престижным статусом», культурной функцией образца для подражания и яркой маркированностью социальных, поведенческих, речевых черт. Типаж нередко определяют как образ с динамическими границами. С социальным типом типаж коррелирует с точки зрения таких признаков, как возможность отрицательной оценки и культурная обусловленность.

Образ, в отличие от модельной личности и лингвокультурного типажа, не обязательно отображает человека или человеческий тип, в то же время применительно к ним этот инструмент лингвистической реконструкции действительности применяется весьма регулярно. Показательно его широкое использование в антропоцентрической семантике, о чём пишет Л. Б. Никитина: «Для обозначения объектов антропоцентрической семантики, которыми являются фрагменты языковой картины мира, учёные используют разные термины: *концепт, языковой образ, языковой образ-концепт*» [Никитина 2011 : 97].

Значительный вклад в разработку образа человека как объекта и субъекта речевой деятельности внесли представители Омской лингвоантропологической школы, которые с начала 1990-х гг. занимались построением «масштабной когнитивно-семантической модели образа человека в его базовых ипостасях» [Никитина, Орлова 2013 : 267]. Имеется в виду описание репрезентированных в языке сторон личности человека (интеллект, нравственность, эмоции, возраст и др.).

Обобщая идеи школы, Л. Б. Никитина и Н. В. Орлова обозначили несколько направлений исследований:

– семантико-когнитивное моделирование образа человека в русской языковой картине мира, где человек рассматривается как объект языковой концептуализации (реализовано в докторских диссертациях Н. В. Орловой,

Л. Б. Никитиной, Н. Д. Федяевой; описаны образы частичного и целостного человека (Н. А. Седова), человека в отношении его возраста (Ю. Ю. Литвиненко), среднего человека (Н. Д. Федяева), внешнего (О. В. Коротун) и внутреннего (Е. В. Коськина) человека, человека любящего (Н. В. Орлова, Е. В. Лобкова) и др.;

– субъектные языковые ипостаси человека, где языковые реалии рассматриваются в аспекте коммуникативной деятельности индивидуума (авторами проанализированы речевые жанры: делового и бытового общения в русском языке XVII века (Е. Н. Рудозуб), одический жанр XVIII века (О. Ю. Васильева), современные похвалы и порицания (И. Г. Дьячкова) и др.

Кроме того, в рамках школы активно развивается психолингвистическое направление (Л. О. Бутакова, Е. Н. Гуц) [Никитина, Орлова 2013 : 268].

Как источники формирования образа рассматриваются языковая картина мира, отражённая в лексиконе, системе грамматических значений, а также дискурсы и данные психолингвистических экспериментов.

Наиболее востребован в работах отечественных лингвистов термин «языковой образ». Л. Б. Никитина выделяет несколько трактовок данного понятия. «Во-первых, *образ* в смысле «икона» как тип знака, обнаруживающего сходство со своим объектом (иконический знак, по Ч. Пирсу). Во-вторых, *образ* в смысле «внутренний (в отличие от внешнего) эмпирический объект», или перцепция, то есть образ, возникающий в воображении человека при восприятии языкового знака. В-третьих, *образ* в гносеологическом смысле: отражение в языке знаний и представлений человека об окружающем мире» [Никитина 2011 : 98]. Автор отмечает, что при антропологическом подходе термин «языковой образ» употребляется в третьем значении, т. к. «объектами её [антропоцентристской семантики – В.К.] изучения являются отображенные в языке реальные или идеальные сущности, осознаваемые человеком (то есть языковые репрезентации того, что есть «внутри человека», в его мыслях и чувствах, возникающих в связи с познанием мира и его отдельных фрагментов)» [Никитина 2011 : 98].

На основе понятия «языковой образ» проведено немало исследований, в том числе таких, объектом которых является социальный тип. Так, в ряде работ исследовались образы учителя, преподавателя [Бузинова 2019; Тимченко, Бурмакина 2022; Тимофеева 2020]. А. И. Тимофеева в своём исследовании, проведённом на материале рассказов А. П. Чехова, дифференцирует образ и языковую личность объекта описания. Из проведённого исследования вытекает, что учитель реализует себя как языковую личность, выступает в роли повествователя (в рамках педагогической деятельности). Если проецировать избранный автором подход на дилетанта, то можно прогнозировать акцент на «образе», построенном с опорой на «они»-высказывания.

Существует серия работ, которые посвящены образу чиновника, вызывающего активный интерес в общественном дискурсе. Например, Е. В. Щукина проанализировала образно-символическую специфику публикаций в российских СМИ о чиновниках и выявила содержание понятия «чиновник», которое, «формируясь опосредованно через каналы массовой коммуникации, накладывается на уже существующие в массовом сознании стереотипы, установки, ценности, убеждения» [Щукина 2021 : 32]. Оказалось, что восприятие чиновника в общественном сознании стабильно негативное, не претерпевает трансформации в положительную сторону. Общий отрицательный коннотативный фон, связанный с данным социальным типом, отмечен в работе Е. В. Чернец, где анализируются лингвокультурные особенности государственных служащих (бюрократ, службист) [Чернец 2011 : 146]. Н. В. Вагенляйтнер моделирует языковой образ «человека политического» на материалах отечественных печатных СМИ начала XXI века. Автор отмечает, что оценочная семантика зависит от разновидности портретирования: «Для портретной индивидуализации характерно преобладание отрицательной оценки проявлений политика, для портретной агитации – идеализация политического деятеля» [Вагенляйтнер 2013 : 6]. Интересно, что Ю. Н. Сытина, исследуя поведенческие модели и социальные

роли чиновников в художественных текстах, кроме термина «образ», использует понятия социального типа и личности [Сытина 2021 : 239].

Под образным моделированием может пониматься и более узкий подход, задействующий сферу переносных значений, культурных коннотаций и т. д. Так, А. А. Абрамова описала образ концептуальной сферы «Человек», интерпретированный с помощью метафоры механизма [Абрамова 2019]. И. Е. Фролова исследует космические и планетарные аналогии человека в лексико-семантическом аспекте [Фролова 2006]. Г. А. Гасанова рассматривает русские фразеологические и паремиологические единицы, отражающие внешнюю красоту человека в представлении русского народа [Гасанова 2017].

Наряду с понятием «языковой образ» используется сложный термин «языковой образ-концепт». Обоснование данного варианта термина у Л. Б. Никитиной состоит в следующем. С одной стороны, «языковой образ» охватывает лишь часть объектов данной исследовательской области, поэтому, по мнению автора, он недостаточен, в то время как термин концепт, наоборот, имеет слишком «широкое» значение [Никитина 2011]. В связи с вышесказанным «исследователи и предлагают использовать сложный термин языковой образ-концепт, определяя его как отображенную в языке культурно и психологически детерминированную ментальную сущность» [Никитина 2011 : 98]. Понятно, что составляющие «языкового образа-концепта» (или «образа-концепта») выходят за рамки сигнификативных значений слов и высказываний. Е. В. Лобкова определяет образ-концепт как сложный термин, который используется, чтобы выявить наличие и значимость образно-ассоциативных и оценочных компонентов, сопутствующих понятийной стороне речи: «Образ-концепт включает объективные, рациональные компоненты, являющиеся результатом познания человеком своего внешнего и внутреннего мира, и субъективные (образные, ассоциативные, оценочные, эмоциональные) смыслы, отражающие особенности интерпретации человеком познаваемых вещей и явлений» [Лобкова 2005 : 9]. Особый интерес в проведённом исследовании вызывает внимание к «я»-высказываниям,

отражающим собственные мысли и эмоции говорящего. И. В. Никанорова изучает «когнитивный образ концепта “женщина”» в произведениях Ф. М. Достоевского с точки зрения метафоричности, поскольку «анализ метафорических образов позволяет изучить индивидуальное или групповое самосознание» [Никанорова 2012 : 301].

Учёные отмечают, что в термине *образ-концепт* отражена «специфика исследовательского пути (установка на идеографический принцип): от смысловой универсалии (концепта) к её языковому отображению; от того, что есть в головах и чувствах людей, к тому, как знания и представления воплощаются в языке» [Никитина 2011 : 98]. В частности, для реконструкции образа-концепта «*homo sapiens*» Л. Б. Никитина использовала данные лексикографических источников, паремиологических справочников, высказывания и тексты разных стилей и жанров, т. е. разнообразный языковой / речевой материал, а также данные ассоциативного эксперимента [Никитина 2011 : 98]. При моделировании образа «*homo sapiens*» выявлены такие категориальные семантические черты, как партиципальность, оценочность, стереотипизированность. Реконструируя образ-концепт, Л. Б. Никитина считала важным учитывать «широкий экстралингвистический контекст, обуславливающий как мировидение носителей языка в целом, так и языковое отражение этого мировидения в частности» [Никитина 2011 : 98]. Полагаем, что подобный путь анализа и внимание к неречевому контексту применимы и к изучению социального типа *дилетант*.

Сопоставляя понятия «модельная личность», «лингвокультурный типаж» и «образ», отметим, что они не являются тождественными, но пересекаются по нескольким параметрам. В двух из трёх случаев (модельная личность и типаж) объектом моделирования обязательно является человек или социум; для языкового образа это типичные объекты. Из сказанного следует, что каждая из моделей может быть полезной при реконструкции социального типа, каким является дилетант.

В качестве признаков, объединяющих модельную личность, лингвокультурный типаж и образ, можно назвать вариативность границ каждого из понятий; сопряженность общего и индивидуального, оценочность (модельная личность – носитель престижного статуса; лингвокультурный типаж – объект как одобрения, так и критики; образ предусматривает наличие и значимость образно-ассоциативных и оценочных компонентов). Во всех случаях могут быть выделены и описаны признаки, характеризующие вербальное и невербальное поведение объекта моделирования – человека или типа людей. С другой стороны, данные понятия имеют индивидуальные особенности, например национально-культурная маркированность объединяет модельную личность и типаж, в то время как у образа данный признак выражен слабее.

Какой или какие инструменты описания социального типа *дилетант* представляются наиболее адекватными данному объекту, какие – подходят в меньшей степени?

Очевидно, дилетант не может быть описан как модельная личность. Принципиально значимыми признаками модельной личности являются ориентир на положительные ценностные установки, способность воздействовать на социум, возможность становиться образцами для характерных моделей поведения, яркость неречевого и речевого проявления. Всё перечисленное, как представляется, не свойственно дилетанту.

В наибольшей степени социальный тип *дилетант* коррелирует с лингвокультурным типажом. Последний предполагает наличие как ярких, так и неярых признаков; узнаваем; присутствует в коллективном когнитивном пространстве. Понятия языковой образ, образ-концепт также коррелируют с объектом моделирования по ряду важнейших признаков. Образ как инструмент исследования позволяет проанализировать различные (языковые, речевые, ассоциативно-образные) репрезентации объекта, что может способствовать построению динамичной модели.

1.2. Способы лингвистического описания социальных объектов

Масштабные объекты действительного мира, к которым, безусловно, относятся социальные феномены, успешно изучаются в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы лингвистики. Когнитивно-дискурсивная парадигма получила своё название и обоснование в работах Е. С. Кубряковой [Кубрякова 1994; Кубрякова 2001; Кубрякова 2004 и др.]. Акцентируя внимание на задаче парадигмы отразить реалистичную картину функционирования языка и его отдельных категорий / единиц / конструкций, учёный указывает на условность границ между когнитивным и коммуникативным подходами, отмечает тесную связь когниции и коммуникации: «Если при когнитивном подходе к языковым явлениям акцент делается на связи этого явления с внутренней, ментальной деятельностью человеческого сознания и на его репрезентации в голове человека, при подходе коммуникативном внимание уделяется скорее тому, как используется изучаемое явление в процессе общения людей при вербализации его намерений» [Кубрякова 2004 : 519]. В концепции В. И. Карасика сходная мысль демонстрируется в идее «языкового круга», вовлекающего в единое пространство языковую личность, концепты и дискурс [Карасик 2002]. Г. Р. Гаспарян и В. Е. Чернявская полагают, что «человеческое знание – это знание текстуальное, т.е. представленное в текстах, фиксируемое текстами и, главное, порождаемое в текстах» [Гаспарян, Чернявская 2014 : 44]. И. К. Кардович обращает внимание на связь структурных и функциональных свойств текста с его семантикой, а семантики – с когницией: «Анализируя смысловые внутритекстовые отношения, описывая способы организации текста и соединяя это с целями и задачами текста, можно попытаться связать семантические и когнитивные процессы, через язык проникнуть в сознание» [Кардович 2011 : 31]. Перечисленные идеи могут быть экстраполированы на дискурс, если понимать его как «совокупность тематически соотнесённых текстов» [Чернявская 2006 : 77].

Когнитивно-дискурсивная парадигма, по словам Л. Г. Лузиной, «представляет собой попытку не только синтезировать разные точки зрения на один и тот же объект, но и дать объекту максимально полное и всестороннее описание, учитывая релевантные экстралингвистические факторы: психические... социально-исторические и прагматические» [Лузина 2008: 45].

Интересное подтверждение идеи взаимопроникновения знаний о языке и дискурсивных процессов находим у Н. Н. Леонтьевой: говоря о задачах семантического анализа текста, учёный обращает внимание на преобразования, которые «претерпевает исходный текст, проходя через множество фаз и состояний строящегося семантического представления <...>: чисто лингвистическая информация из словарей и грамматик постепенно переводит его в представление собственно смысловой, содержательной, понятийной, экстралингвистической информации, в представление текстовых знаний» [Леонтьева 2002 : 248].

Одним из направлений данного подхода является социокогнитивная лингвистика, в которой особое внимание уделяется социально-историческим компонентам экстралингвистического контекста. Выявляя специфику данного направления на фоне других, О. К. Ирисханова отмечает «более последовательное вовлечение в анализ языковых фактов социальных и этнокультурных параметров познания и общения <...>, а также более частое обращение к живой речи в социальных контекстах» [Ирисханова 2014 : 6]. Как видим, не отраженный в названии направления дискурсивный аспект в данном случае не уходит из поля зрения исследователей (отмечаются «параметры общения» и «обращение к живой речи»). Исследовательской процедурой в русле социокогнитивной лингвистики может стать построение социокультурной модели. Социокультурную модель О. К. Ирисханова понимает как разновидность культурной модели (культурная модель – «способ организации культурных знаний; структуры знаний и модели поведения, которые отличают одну культуру от другой»), в которой на первый план выступает социальный аспект [Ирисханова 2014 : 7]. Социокультурное

моделирование, по словам автора, предполагает совмещение двух методологических схем: во-первых, учёт постоянной «языковой схематизации» объекта, которая расширяет ранее сформированную абстрактную модель языкового явления за счёт новых случаев употребления; во-вторых, построение социокультурной модели (СКМ) в виде сложных концептуальных структур с глубоким исследованием семантики культурно значимых лексем, включая корпусный анализ их контекстов [Ирисханова 2014 : 7-8]. Обратим внимание на тот факт, что и в данном случае выявление «концептуальных структур» опирается на процессы и продукты речевой деятельности (см. об «употреблении» языковых фактов и «контекстах» культурно значимых лексем в корпусе).

Поскольку концепция анализа структур социальных знаний О. К. Ирисхановой будет в значительной степени востребована в настоящей работе, остановимся на ней подробнее. Автор трактует СКМ одновременно как лингвистический конструкт и объект конструирования – коллективные знания социума (фоновые знания, социальные стереотипы). В каждой из этих ипостасей в СКМ присутствуют следующие взаимосвязанные и по-разному проявляющиеся в конкретных моделях свойства: «1) этнокультурная и историческая вариативность при постоянстве концептуальной основы модели; 2) структурная сложность в сочетании с удобством в использовании²; 3) разная степень определённости / неопределённости компонентов модели; 4) частичная порождаемость в тексте; 5) полимодальность как способность реализовываться через разные семиотические системы и каналы восприятия и обработки информации» [Ирисханова 2014 : 8]. Перечисленные свойства модели О. К. Ирисханова анализирует на примере СКМ *ПРЕСТИЖ*. В частности, о первом свойстве говорится следующее: СКМ *ПРЕСТИЖ* представляет «одну из базовых социальных ценностей, распространённую во

² Понятно, что удобство использования не относится к свойствам СКМ как лингвистического конструкта.

всех культурах, т.е. все люди, вне зависимости от их этнокультурной принадлежности, опираются на такую структуру знаний, которая позволяет им категоризовать социальный мир в терминах «престижный / непрестижный» [Ирисханова 2014 : 8]. Для автора существенно, что подобные модели в высшей степени динамичны, как для объекта конструирования для них важна функция социальной адаптации, поэтому они «должны быть “портативными”, подвижными, легко подключаться к другим структурам социальных знаний, то есть быть пригодными для разных пользователей» [Ирисханова, 2014 : 12].

При том, что некоторые авторы заявляют о принадлежности своих концепций к когнитивному направлению лингвистики (не манифестируют дискурсивный подход), их методология исследования взаимосвязи между языковыми и ментальными сущностями подразумевает обращение к тексто-дискурсивным воплощениям последних. Примером может служить когнитивно-семантическая методика семного описания значения И. А. Стернина. Данная методика, также включенная в методологическую базу настоящего исследования, функционирует в русле когнитивной семасиологии. В её основе лежит тезис о том, что «полное описание семантики языковой единицы возможно через этап полного описания репрезентируемого этой единицей в языковом сознании народа концепта как ментальной единицы, что позволяет установить многочисленные семантические компоненты, входящие в значение той или иной называющей концепт языковой единицы, не выявляемые иными методами семантического анализа» [Стернин 2013 : 6]. Концепт в данной методике, по словам автора, «выступает «информационной базой» (термин А. А. Залевской) описания семантики номинирующих его единиц, а соответствующие единицы – формой вербального осмысления народом соответствующей ментальной сферы» [Стернин 2013 : 5]. При этом предлагаемая И. А. Стерниным многоступенчатая методика описания значения через концепт подразумевает анализ языковой единицы в её внутритекстовых связях и отношениях.

Обращение к когнитивно-дискурсивной парадигме как общему методологическому ориентиру позволяет непротиворечиво объединить идеи разнонаправленных исследований в поиске теоретической модели собственной работы. Вышеперечисленные концепции могут быть приведены в качестве показательного примера.

Во-первых, постоянство / вариативность СКМ *ПРЕСТИЖ* рассматриваются О. К. Ирисхановой на основе анализа ключевой лексемы «престиж» через её дефиниции в словарных и энциклопедических источниках, что непосредственно коррелирует с одним из этапов в методике И. А. Стернина, направленной на решение иных задач. Описание концепта в рамках данной методики начинается с построения его номинативного поля на основе словарей разных типов.

Во-вторых, в качестве индикаторов определённости компонентов модели О. К. Ирисханова называет ядерные и периферийные признаки СКМ *ПРЕСТИЖ*. Эти же позиции актуализированы в методике И. А. Стернина. Как известно, понятие поля предполагает структурную неоднородность, то есть разграничение ядра, ближней и дальней периферии. У И. А. Стернина оно достигается следующими этапами исследования: 1) выявление номинаций и определение их статуса (ядро, ближняя / дальняя периферия) по словарям синонимов; 2) анализ лексикографических значений единиц поля с помощью семантико-когнитивного метода, уточнение состава когнитивных признаков концепта; 3) анализ когнитивных признаков единиц ядерной зоны номинативного поля, построенного на основе состава синонимических рядов [Стернин 2013 : 6]. Кроме того, в алгоритме когнитивно-семантического описания значений выделен этап, в ходе которого «анализируется номинация концепта в художественных, публицистических текстах, выявляются периферийные семантические признаки единиц номинативного поля и контекстуальные номинации концепта, в результате чего пополняется состав когнитивных признаков исследуемого концепта» [Стернин 2013 : 6].

В-третьих, как уже говорилось, к анализу реконструкции структур социального знания в обоих случаях привлекаются их тексто-дискурсивные реализации. О. К. Ирисханова утверждает, что модели социального знания одновременно являются и моделями «по-знания в ходе взаимной социальной адаптации говорящих» [Ирисханова 2014 : 12]. Под свойством частичной порождаемости в тексте автор методики понимает «не только готовые знания, которые частично профилируются в том или ином контексте, но и такие модели, которые могут создаваться непосредственно в режиме дискурсивной деятельности» [Ирисханова 2014 : 12]. В одной из работ И. А. Стернина (совместной с Е. А. Маклаковой) говорится, что «анализ слова в контексте всегда выявляет семы, которые не вошли в словарное толкование» [Маклакова, Стернин 2013 : 26].

Под когнитивно-дискурсивный «зонтик» идеально попадает процедура фреймирования по тексту и дискурсу: «В когнитивной лингвистике фреймовый подход к дискурс-анализу может представлять собой построение фреймовой модели ментального пространства в дискурсе, формируемого вокруг определенного концепта, события или ситуации» [Гордеева 2015 : 40].

Нельзя также не согласиться с Л. Г. Лузиной, утверждающей следующее: «Поскольку дискурс многосторонен и не может быть адекватно описан без понимания когнитивных процессов, имеющих место в сознании участников общения при порождении и восприятии речи, становится очевидной необходимость изучения, помимо собственно лингвистических и релевантных внешних параметров коммуникации, их ментальных репрезентаций [Лузина 2008 : 42].

М. Л. Макаров, называя сущностные свойства фрейма, определяет его как «когнитивную структуру в феноменологическом поле человека, которая основана на вероятностном знании о типических ситуациях и связанных с этим знанием ожиданиях по поводу свойств и отношений реальных или гипотетических объектов» [Макаров 2000 : 153]. М. Л. Макаров рассматривает фреймы как базис для интерпретации дискурса [Макаров 2003].

Фреймирование по тексту и дискурсу как совокупности содержательно однородных текстов получило широкое распространение в русистике [Одинцова 2012; Керимов, Федянина 2014; Токарева 2021; Винья-Тальянти, Сидорова, Ширлина 2022]. Здесь обратим внимание на терминологию для обозначения элементов структуры фрейма – с целью уточнения аппарата описания фреймов в собственном исследовании. Исследователи определяют иерархию уровней во фрейме как вершинные узлы фрейма, слоты и субслоты [Яковлева 2013], слоты (вершинные узлы) и терминалы (факультативные узлы) [Горохова 2018; Семухина, Шиндель 2021]. Согласно С. Л. Яковлевой, «структуру фрейма можно представить в виде дерева, на вершине которого находится протоинформация, а на нижних уровнях – слоты (терминальные узлы)» [Яковлева 2013 : 70]. Е. А. Семухина и С. В. Шиндель разграничивают «узлы верхнего уровня» и «факультативные», «расположенные ниже». Первые, согласно авторам, являются наиболее общими признаками, «они конвенциональны, и знания, представленные ими, очевидны для любого носителя культуры» [Семухина, Шиндель 2021 : 23]. Вторые «представляют собой заранее определенные знания о деталях, специфические черты, которые актуализируются в соответствующей ситуации» [там же].

Рабочими терминами в нашем исследовании станут «вершинные слоты» (для обозначения конвенциональных признаков) и «терминальные слоты» (для обозначения специфических черт, актуализированных в одном из дилетантских дискурсов).

Из подходов, акцентирующих дискурсивный компонент обсуждаемой парадигмы, обратим внимание на методики анализа дискурса, авторы которых обращаются к категориям интертекстуальности и интердискурсивности. Категория интертекстуальности позволяет анализировать особенности дискурса на основе текста как единственной для исследователя дискурса данности. По словам Н. С. Болотновой, «интертекстуальность сегодня рассматривается как важнейшая текстовая категория, связанная с диалогичностью текста» [Болотнова 2009: 472]. Одна из граней этой

диалогичности – переключка текста с однородными в тематико-содержательном плане. На основе категории интертекстуальности находятся основания для объединения текстов в дискурс, что убедительно демонстрирует В. Е. Чернявская, вводя в свою методику дискурсивного анализа «от текста» уровень межтекстового анализа [Чернявская 2013; Чернявская 2014 и др.]. По справедливому замечанию Н. А. Мишанкиной, «интертекстуальность, подобно текстовой связности, скрепляет воедино, но только не отдельный текст, а дискурс как целостную систему» [Мишанкина 2010: 201]. Формы интертекстуальности разнообразны: «...Последующие тексты выстраиваются на четко ограниченной базе предыдущих, повторяя как целостные высказывания (коммуникативные фрагменты), цитаты, так и стилистически уподобляясь предыдущим текстам. С подобным пониманием дискурса тесно связано понимание общей модели мира как совокупности функциональных вариантов» [там же: 69].

В работе Н. В. Орловой и Л. О. Бутаковой показано, что данная категория позволяет описать существенные структурные и смысловые составляющие дискурсов разных типов [Орлова, Бутакова 2022].

В. Е. Чернявская, исследуя текст в аспекте интертекстуального диалога, отмечает взаимообусловленность категорий интертекстуальности и интердискурсивности: «Тексты приходят во взаимодействие потому, что взаимодействуют «когнитивные модули» в человеческой системе знаний. Это значит, что сплетению в текстовое целое многих различных знаков, смыслов, кодовых систем предшествует взаимодействие на уровне ментальных процессов, операциональных процедур. Интертекстуальности, таким образом, предшествует когнитивное know-how на дотекстовом уровне. Этот уровень – уровень интердискурсивности» [Чернявская 2009 : 220]. Автор справедливо отмечает, что «взаимодействие дискурсов предшествует взаимодействию текстов <...> интердискурсивность становится видимой на текстовой плоскости благодаря сигналу межтекстового диалога, т.е. интертекстуальности» [Чернявская 2009 : 221].

Значимым для нашего исследования являются также основания типологии дискурсов, и, в частности, противопоставление тематических дискурсов (в нашем случае «дискурсов о дилетантах») и дискурсов, формируемых фигурой говорящего – индивидуального или коллективного (в диссертации – «дискурса дилетантов», представленного индивидуальными и групповыми языковыми личностями). В последнем случае социальный тип проявляет себя в речетворческой деятельности, что связано, как замечает Т. Г. Никулина, с «самореализацией личности в качестве личности языковой на вербально-семантическом, когнитивном, мотивационно-прагматическом уровнях» [Никулина 2012 : 1414].

Проводя черту под дискурсивными методами изучения социальных знаний, ещё раз акцентируем внимание на их способности воспроизводиться и производиться в дискурсивном режиме, следствием чего является существенная вариативность в контексте: «...Различие между общепринятыми и индивидуальными репрезентациями обеспечивает <...> творческий характер совместного, интерсубъективного акта порождения и интерпретации модели в тексте» [Ирисханова 2014 : 12].

Смежным подходом по отношению к когнитивно-дискурсивной парадигме являются разного рода психолингвистические эксперименты, также активно участвующие в диагностике и мониторинге социальных феноменов [Чулкина 2004; Бутакова 2012; Миронова 2012; Гуц, Елисеева 2014; Нистратов 2016]. Поскольку мы в значительном объёме интегрируем данные процедуры в исследование социального типа, обозначим важнейшие исследовательские процедуры, цели и результаты их использования.

Одним из наиболее результативных методов исследования структур человеческого сознания является ассоциативный эксперимент. Ассоциативный эксперимент применяется в разных направлениях лингвистического знания – психолингвистике [Голикова 2005; Гольдин 2009; Горошко 2006; Залевская 1968, 2007, 2010; Сазонова 2000;], лингвокультурологии [Чулкина 2004], лингвоконцептологии [Воркачев 2007],

когнитивной лингвистике [Попова, Стернин 2002], а также в других гуманитарных дисциплинах. Применение результатов ассоциативного эксперимента для решения различных исследовательских задач находим в работах Ю. Н. Караулова [Караулов, Коробова 1993, Караулов 2000]. Современные исследователи активно применяют и дополняют методологию ассоциативного эксперимента [Бутакова 2012; Бутакова, Гуц 2015; Гуц, Елисеева 2014; Миронова 2012; Нистратов 2016]. При использовании метода осуществляется сбор и анализ реакций респондентов на слово-стимул. На основе полученных ассоциаций моделируется ассоциативное поле, представляющее собой структурированное знание об объекте исследования, динамике его развития. При моделировании ассоциативно-вербальных сетей приобретает значимость «не только сам ассоциативный процесс и механизмы его работы, но и его место в процессе порождения / восприятия речи, его связь с когнитивными процессами в целом» [Руль, Гуц, Курулёнок 2018 : 75]. Отметим приоритетность для нашего исследования когнитивно-дискурсивного подхода к анализу ассоциаций, позволяющему, как отмечает Н. И. Курганова, «представить процесс идентификации слова как перевод значений на смыслы и смыслов на значения, а также выделить основные этапы и уровни процессов естественного семиозиса» [Курганова 2019 : 32].

Обобщая механизмы проведения и анализа данных ассоциативного эксперимента, Ю. Е. Арекеева, отмечает его значимость «для изучения языкового сознания и его особенностей, прослеживания универсальных и национально-культурных признаков, проявляющихся в сознании носителей языка» [Арекеева 2022 : 197].

В качестве типа ассоциативного эксперимента в диссертации избран метод свободного ассоциативного эксперимента, так как он «позволяет представлять изучаемые объекты как иерархическую структуру связанных между собой семантических областей, каждая из которых имеет свой вес в общей репрезентации объекта, а также проводить сопоставление ответов-реакций представителей разных групп» [Арекеева 2022 : 199].

Материалы ассоциативного эксперимента в нашем исследовании структурированы с помощью метода семантического гештальта, предложенного Ю. Н. Карауловым. Под «семантическим гештальтом» учёный понимает особую внутреннюю семантическую организацию ассоциаций, «характеризующую поле как единицу знания о мире, соотнося его строение с отражённой в нём структурой реальности» [Караулов 2000 : URL]. По словам Ю. Н. Караулова, «семантический гештальт складывается обычно из нескольких зон (их число колеблется в пределах 7 ± 2), которые объединяют типичные для данного языкового сознания признаки предмета или понятия, соответствующего имени поля (= стимулу)» [Караулов 2000 : URL]. Методом «семантического гештальта» можно анализировать как отдельное ассоциативное поле (в вышеприведенной работе – памятник), так и целую ассоциативно-вербальную сеть. При изучении показателей национального менталитета Ю. Н. Караулов сравнивает ассоциативно-вербальные сети двух языков (русский и испанский) и делает вывод, что «ассоциативно-вербальные сети (АВС) характеризуются измерениями разной степени глубины и сложности, и их сопоставление можно проводить по всем измерениям» [Караулов 2000]. Таким образом, гештальты позволяют реконструировать структуры образов коллективного сознания на основе ассоциативных полей, построенных по данным реакций респондентов, в том числе единичных.

Другой вид психолингвистического эксперимента – семантический эксперимент, в котором перед реципиентом ставится задача предложить дефиницию слова. Описывая проблемы семной семасиологии, Е. А. Маклакова и И. А. Стернин акцентируют внимание на существовании психологически реального (или психолингвистического) значения слова, под которым они понимают «упорядоченное единство всех семантических компонентов, которые реально связаны с данной звуковой оболочкой в сознании носителей языка» [Маклакова, Стернин 2013 : 27]. Согласно авторам, «это тот объём семантических компонентов, который актуализирует изолированно взятое слово в сознании носителей языка, в единстве всех

образующих его семантических признаков – более и менее ярких, ядерных и периферийных» [там же]. Семантический эксперимент позволяет проанализировать переход от словарного значения слова к его обыденному представлению, разграничить в правой части «наивных» дефиниций ассертивные и пресуппозиционные компоненты (см. о них в: [Кобозева 2000 : 287]). К психологически реальному значению слова И. А. Стернин применяет типологию денотативных сем, разграничивая их по степени яркости на яркие и слабые. Яркими семами автор называет семы, находящиеся на верхнем уровне языкового сознания: «Такие семы в первую очередь приходят на память, легко формулируются на метаязыке. Носитель языка, если его просят объяснить значение слова, называет эти семы в первую очередь» [Стернин 1984 : 48]. Слабыми И. А. Стернин называет «семы, уступающие ярким по психологической осознанности в структуре значения» [там же]. Можно заключить, что яркие семы в этих рассуждениях И.А. Стернина пересекаются с тем, что И. М. Кобозева называет узуальными значениями. Под узуальным значением И. М. Кобозева понимает «значение, связанное с некоторым классом однородных употреблений. Все употребления слова или морфемы могут быть разбиты на несколько классов однородных употреблений, причем в пределах каждого класса слово или морфема признаются имеющими одно и то же «значение». Способность признавать одинаковость «значений» в двух различных употреблениях является частью языковой способности носителей языка» [Кобозева 2000, 57]. В контексте исследования динамики структур знания чрезвычайно интересно, могут ли оказаться узуальными (в языковом сознании части респондентов) периферийные семы или семы, находящиеся за пределами словарного лексического значения.

Наконец, третий значимый для исследования вид эксперимента – восприятие текста [Залевская 2001; Гуц 2005, 2023; Сенченко 2009; Бутакова 2012, 2016, 2020], который в диссертации был применён к тексту, транслируемому дилетантом. Реакции на текст в экспериментах могут быть заданы как построение вторичного текста [Сайкова (Мельник) 2006; Ким

2009], в том числе в виде заполненных анкет. При этом исследователь может выяснить, насколько реципиент понимает объективную информацию, содержащуюся в тексте [Орлова 2013], какую эмоциональную реакцию вызывает исходный текст [Бутакова 2014, 2016; Гуц 2017], каким видится реципиенту образ автора. Так, М. В. Щербакова, обзревая психолингвистический аспект восприятия текстов, отмечает: «Первой ступенью в порождении речи является стимул, он же становится последним в обратном процессе – восприятии и понимании высказывания, так как цель реципиента понять не речь, а то, для чего мысль или идея выражена» [Щербакова 2017 : 49].

Все обсуждаемые в данном разделе подходы нашли отражение в теоретической модели диссертационного исследования.

1.3. Теоретическая модель исследования

Отбор фактографического материала и применяемых к нему исследовательских процедур основан на следующих предпосылках:

1. Интенсивные изменения в сфере образования, профессиональной деятельности, а также характера коммуникационных процессов, произошедшие в последнее десятилетие, обуславливают целесообразность диахронического анализа семантики ключевой номинации социального типа *дилетант* с границами «рубеж XX – XXI веков» и «20-е гг. XXI века». Применительно к началу периода использована методика семного описания значения И. А. Стернина [Стернин 2013] в части описания лексикографических данных; анализ выполнен на материале ряда словарей разных типов, последний из которых выпущен в 2013 году (параграф 2.1). Конечный (современный) этап представлен обыденной семантизацией слова, полученной в ходе семантического эксперимента 2022 года (параграф 3.2). Поскольку лексическое значение, в нашем понимании, шире словарного, определяется не только дефинициями, к его описанию были привлечены

текстовые фрагменты из НКРЯ (параграфы 2.2, 2.3). В диссертации этот материал соотносится со всем избранным для исследования хронологическим отрезком.

2. Незавершенность, «текучесть», постепенность трансформации социальных знаний, непрерывная порождаемость смыслов в коммуникациях [Межличностная коммуникация: теория и жизнь 2011] предполагают постановку таких задач, которые способствовали бы выявлению в объекте исследования максимального объёма периферийных, «слабых» [Стернин 1985], «вероятностных» [Никитин 1988] сем. Соответствующий исследовательский инструментарий представлен в виде свойств социокультурной модели, способствующих выполнению ею адаптивной функции, в исследовании О. К. Ирисхановой [Ирисханова 2014]. В настоящем исследовании использованы такие выделенные О. К. Ирисхановой параметры описания, или свойства модели, как «структурная сложность» (здесь параграф 2.2.), «неопределённость (варьирование) элементов» (параграф 2.3.), частичная порождаемость в текстах (параграф 2.4).

3. Дилетант является социальным типом, имеющим в некоторых сферах деятельности (проза, поэзия, некоторые виды интернет-коммуникаций) черты групповой языковой личности. Описание речевой активности дилетантов включено в комплексную модель в виде дискурсивного анализа непрофессиональной прозы в жанре детективного рассказа (подпараграф 2.4.1), мотивирующих интернет-текстов с жанровыми признаками самопрезентации (подпараграф 2.4.2), а также элементов дискурсивного анализа полемической статьи в глянцевого журнале (в составе параграфа 3.3, посвященного восприятию статьи респондентами). Таким образом, текстовые репрезентации дискурса о дилетантах сочетаются в работе с дискурсами самих дилетантов.

4. Комплексная лингвистическая динамическая модель социального типа *дилетант* является реконструкцией социального стереотипа. Социальный стереотип – «стандартизованный, устойчивый, эмоционально

насыщенный, ценностно определенный образ, представление о социальном объекте» [Социологический словарь 2008 : 502–503]. Процессы и результаты стереотипизации характеризуются разной степенью осознания и рефлексии со стороны социума [Межличностная коммуникация: теория и жизнь 2011], что обусловило сочетание наблюдений за языком и текстами (глава 2) и проведения экспериментов (глава 3), в том числе по восприятию текстов (параграф 3.3). Предполагаем, что в «готовом» материале субъекты речи в целом проявляют свою позицию по отношению к дилетанту менее осознанно, чем в эксперименте; в экспериментах степень осознанности различается в зависимости от типа эксперимента и типа задания. Наибольшую степень рефлексии инициирует семантический эксперимент, предлагающий респондентам составить дефиницию понятия (параграф 3.2).

5. Представления о дилетантизме, в силу обсуждавшихся причин, находятся в стадии активной трансформации, что обусловило их экспериментальное изучение с учётом демографических характеристик респондентов. В ассоциативном и семантическом экспериментах последние представлены в равной степени лицами четырех категорий: мужчины 18 – 35 лет; женщины 18 – 35 лет; мужчины старше 35 лет; женщины старше 35 лет.

6. В соответствии с базовым делением позиции исследователя по отношению к источнику материала (либо наблюдение, либо эксперимент – [Кронгауз, 2005 : 76]) организована композиция диссертации, выделены 2-я и 3-я главы.

1.4. Выводы

Социальный тип личности – это «обобщённое отражение совокупности повторяющихся, существенных социальных качеств личности, входящих в какую-либо социальную общность» [РСЭ 1998 : 576]. В социальном типе проявляются значимые для общества черты личности, и в первую очередь её участие в какой-либо деятельности.

Дилетант квалифицируется как социальный тип по следующим признакам, связанным со сферой деятельности: деятельностное взаимодействие (потребность обмениваться результатами деятельности), зависимость от профессиональной роли, адаптированность личности к социально-производственным условиям труда. Основанием для квалификации дилетанта как социального типа является также социокультурная обусловленность, т. е. влияние социальных и культурных факторов на становление, развитие, способа существования данного типа. Культурная среда стереотипирует социальный тип, поскольку социокультурные нормы, «закладываемые» в личность, становятся для неё стандартом чувствования, мышления и действия.

Тесная связь языковой личности и социального типа наблюдается при социолингвистическом подходе, когда языковая личность может моделироваться с двух позиций: 1) заданный социальный тип (учитель, предприниматель), 2) знаки-индикаторы статуса или роли (поиск совокупности характеристик социального типа, выделяемого на основании заданных знаков). В современных условиях дилетант является транслятором дискурсивных продуктов, анализ которых может выявить специфику его речевого поведения. Проанализировав теоретические основания определения языковой личности, предполагаем, что компонент языковая личность в социальном типе *дилетант* принципиально возможен, но проявляется неярко. Например, на данном этапе дилетанта как языковую личность можно идентифицировать только в непрофессиональных художественных текстах [Костина 2017].

Для исследования социального типа *дилетант* значима такая разновидность языковой личности, как групповая языковая личность. И групповая языковая личность, и социальный тип являются обобщёнными представителями определённого социального сообщества. Групповую языковую личность можно типологизировать в социолингвистическом

аспекте, выделяя разновидности данного социального типа (творческие продукты графоманов, комментарии на профессиональные темы в Интернете).

В главе были рассмотрены и сопоставлены имеющиеся в научной литературе варианты лингвистической реконструкции социальных типов. *Модельная личность* отличается «престижностью» – ориентиром на ценностные установки, возможностью быть образцом, в то время как социальный тип может вызывать критическое отношение. Социальный тип коррелирует с *лингвокультурным типажом*, который предполагает наличие как ярких, так и неярких, как позитивных, так и негативных признаков. Данные модели, по мнению исследователей, воздействуют на формирование и функционирование культурного сообщества. *Образ, образ-концепт* и социальный тип имеют сходство в факультативности или неяркой выраженности речеповеденческой функции.

Понятия социального типа, с одной стороны, и модельной личности, лингвокультурного типажа и образа (образа-концепта) – с другой, принадлежат к разным научным парадигмам. Они коррелируют по нескольким параметрам, характеризующим невербальное и в ряде случаев вербальное поведение личности; к этим параметрам относятся стереотипность поведения, вариативность границ понятия, оценочность. Вместе с тем по ряду причин мы не можем описывать социальный тип на основе одного из этих понятий.

Дилетант не может быть рассмотрен как модельная личность и лингвокультурный типаж, потому что речевая составляющая в данном объекте исследования выражена локально (лишь у некоторых типов деятелей-дилетантов). На понятие образа или образа-концепта опираться нецелесообразно, так как данная лингвистическая категория предполагает обязательное наличие образных, метафорических компонентов, что не предполагается акцентировать в диссертационной работе. Для обозначения избранной версии когнитивно-дискурсивного подхода к объекту исследования используется номинация общего характера «комплексная лингвистическая динамическая модель».

Комплексная лингвистическая динамическая модель включает синтез дискурсивных (фреймирование по дискурсу, межтекстовый анализ на основе интердискурсивности) когнитивных (анализ значения через обращение к концепту), психолингвистических (ассоциативный и семантический эксперименты, эксперимент по восприятию текстов) методик. Отдельные включённые в исследование методики заимствованы из концепции социокультурного моделирования структуры социальных знаний О. К. Ирисхановой [2014], когнитивно-семантической методики семного описания значения И. А. Стернина [2013].

Глава 2. Лингвистическое моделирование социального типа *дилетант* по результатам наблюдения за языком и речью

2.1. Номинативное поле ‘дилетант’

В данном параграфе выстраивается номинативное поле концепта ‘дилетант’ на основе когнитивно-семантической методики семного описания значения И. А. Стернина [Стернин 2013]. Реализованы первые этапы методики, связанные с лексикографическими источниками данных. Термин «концепт» используем локально, вслед за И. А. Стерниным, который обращается к нему, описывая глубинное значение слова. В нашем исследовании фиксируется определённый конкретно-исторический этап развития значения слова «дилетант», а именно рубеж XX – XXI вв. (даты выхода словарей с 1984 до 2013 гг.).

На первом этапе проанализированы синонимические ряды лексемы «дилетант» в следующих словарях: Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений (под. ред. Н. Абрамова), 1999; Словарь синонимов русского языка (под. ред. З. Е. Александровой), 2001, Большой русский словарь-справочник синонимов (близких по смыслу слов) (под ред. В. Н. Тришина), 2013. Синонимы, наиболее регулярно дублирующие друг друга в словарных статьях, составили ядерную зону номинативного поля. В ядро вошли лексемы *непрофессионал; неспециалист; любитель; неопытный; профан; графоман*.

Каждая из ядерных лексем имеет свой синонимический ряд, единицы которого были отнесены к периферийной зоне концепта ‘дилетант’. Например, синонимический ряд *непрофессионал* в словаре под ред. В. Н. Тришина [2013] включает устаревшие лексемы из пассивного запаса (*аматёр* от лат. amo – любить, быть довольным, иметь обыкновение, быть склонным) либо потенциальные слова (*непрактик*); *неспециалист* в том же словаре, помимо дублетных «ядерных» синонимов, включает потенциальное слово *незнаток*. Периферийный статус той или иной номинации не отменяет

значимость для смыслового пространства поля концепта. Так, в синонимическом ряду *профан* (всего 12 синонимов по словарю [Большой русский словарь-справочник синонимов 2013]) ближняя периферия представлена лексемами *невежда, недоучка, неуч* и другими, содержащими семы 'не знает', 'не учился'. Выражения *ни бум-бум, ни в зуб ногой* и т.п. относятся к дальней периферии концепта 'дилетант', или, в терминологии И. А. Стернина и З. Д. Поповой, интерпретационному полю, предполагающему «оценки и трактовки содержания ядра концепта национальным, групповым и индивидуальным сознанием» [Попова 2001 : 65]. В синонимическом ряду *графоман* (всего 36 синонимов по словарю [Большой русский словарь-справочник синонимов 2013]) все синонимы можно отнести к ближней периферии. Они либо указывают на сферу деятельности – литературное творчество (*бездарный литератор, рифмоплёт, версификатор, щелкопёр* и др.), либо содержат общую оценку качества работы (*ремесленник, чайник, посредственность*). Между тем сема 'сфера деятельности' всегда входит в состав слова «дилетант», не зависит от контекста (см. в вышеприведенной дефиниции «занимается чем-нибудь»). Ряд *любитель* насчитывает 42 синонима, в том числе *охотливый, падкий, склонный, хлебом не корми, не дурак, не прочь*.

Состав синонимических рядов 6-ти единиц ядерной зоны позволил построить гипотезы относительно пересечения концепта 'дилетант' со смежными когнитивными феноменами.

На втором этапе исследования на основе семантико-когнитивного метода проанализированы лексикографические значения единиц поля, что позволило уточнить состав когнитивных признаков концепта 'дилетант'.

В первую очередь важно выделить когнитивные признаки ключевой номинации *дилетант* для дальнейшего сопоставления с другими номинативными единицами. В ходе анализа дефиниции этого слова, представленной в толковых словарях русского языка (Большой толковый словарь русского языка под ред. С. А. Кузнецова; Новый словарь русского

языка. Толково-словообразовательный (Т. А. Ефремовой); Большой словарь иностранных слов А. Н. Булыко; Словарь русского языка С. И. Ожегова и др.), выделены следующие признаки: ‘без систематических знаний’, ‘плохо разбирается’, ‘имеет поверхностные знания’, ‘без специальной / профессиональной подготовки’, ‘наслаждение’, ‘любит что-либо’, ‘деятельность не входит в круг общественных / гражданских обязанностей’, ‘занимается чем-либо для себя’, ‘хобби’.

Таким образом, смысловое пространство концепта ‘дилетант’ свелось к трём основным составляющим: 1) отсутствие специальных знаний; 2) отсутствие опыта (практической подготовки); 3) любимое дело, увлечение. Помимо этого, выделяются области, в которых дилетантизм проявляется наиболее последовательно – наука, искусство (в том числе литературное творчество, музыка).

На третьем этапе на основе Большого толкового словаря русского языка под ред. С. А. Кузнецова [БТС 1998] проанализированы когнитивные признаки тех 6-ти единиц, которые составили ядерную зону номинативного поля (напомним, построенного на основе состава синонимических рядов).

В лексеме *любитель* выявлены признаки ‘из интереса’ (*любитель путешествовать*), ‘иметь пристрастие/ склонность к чему-либо’ (*любитель живописи, любитель птиц*), ‘без подготовки’ (*судит о юриспруденции как любитель, т. е. дилетантски*). Показательно, что значения синонимов слова «любитель», зафиксированных в словарях (Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений Н. Абрамова, Толковый словарь Ефремовой) толкуются в [БТС 1998] через признак ‘любить’. Так, *велолубитель* – тот, кто любит велоспорт (не предполагается профессионализм). По этому же принципу организована семантика слов *кинолюбитель, мотолюбитель, балетоман, меломан, кошатник, секретник, телелубитель* и др.

Языковые единицы *непрофессионал* и *неспециалист* имеют идентичное толкование, следовательно, и однотипные когнитивные признаки – ‘без специальной подготовки’, ‘без профессиональной подготовки’. Для лексемы

профан характерны признаки ‘непосвящённый’, ‘нет знаний’ (в музыке он полный профан, чувствовать себя профаном). В качестве основного когнитивного признака для лексемы *неопытный* выступает ‘без профессионального / специального опыта’, т.е. важность приобретает практический характер какой-либо деятельности (неопытный работник, неопытный в семейных отношениях юноша). Основным признаком лексемы *графоман* – ‘без литературных способностей’, предполагающий тягу к творческому литературному процессу без профессиональных знаний и таланта.

В ходе анализа 6-ти лексем, входящих в ядро номинативного поля концепта, выявлены номинативные единицы дальней периферии (интерпретационного поля концепта). Так, *фанат* и *энтузиаст* проявились в толкованиях слова «любитель». Когнитивные признаки слова «энтузиаст» – ‘действует с энтузиазмом’, ‘любит какое-либо дело’ – не указывают на наличие предметной области, по отношению к которой некто определяется как дилетант.

Обобщая анализ единиц номинативного поля, можно выделить когнитивные признаки, которые наиболее ярко отражают содержание концепта ‘дилетант’: ‘нет знаний’, ‘нет специальной / профессиональной подготовки’, ‘плохо разбирается’, ‘нет опыта’, ‘имеет пристрастие к какому-то делу’. Прослеживается наличие оценочной составляющей деятельности дилетанта, чаще негативной.

Таким образом, номинативное поле концепта ‘дилетант’ включает ядерную зону, в состав которой входят лексемы *непрофессионал*; *неспециалист*; *любитель*; *неопытный*; *профан*; *графоман*, и несколько периферийных зон, которые включают единицы, пересекающиеся с ядром по одному из когнитивных признаков.

В ходе анализа смысловое пространство концепта ‘дилетант’ по сравнению с исходной дефиницией («Тот, кто занимается чем-либо, не имея специальной подготовки, систематических знаний; любитель» [БТС 1998])

наполняется новыми смыслами. Приобретает важность указание на сферу деятельности (наука, искусство, спорт), уровень практической подготовки, оценка качества работы дилетанта (*графоман*).

2.2. Структурная сложность модели

Говоря о структурной сложности социокультурной модели, О. К. Ирисханова отмечает: «...Культурные скрипты и культурные модели в когнитивной лингвистике чаще всего описываются в виде обобщенных формул – пропозициональных или метафорических» [Ирисханова 2014 : 9]. В русле данного представления структурная сложность социальных знаний о дилетанте предстает как качественная неоднородность понятий, входящих в ядро модели (*непрофессионал, неспециалист, любитель*), и их признаков. Наш анализ обнаруживает четырехполюсность модели и включает следующие пропозиции: 1) X-непрофессионал не имеет опыта; 2) X-неспециалист не получил образования; 3) X-любителю нравится делать что-либо; 4) Y оценивает X-а (непрофессионала, неспециалиста, любителя) с разных позиций, причем в роли Y-а может быть X (самооценка).

Обоснование структурной сложности модели выполнено на материале контекстуального анализа лексемы «дилетант». Выявление контекстов производилось через лексико-грамматический поиск основного корпуса НКРЯ. Всего найдено 1351 вхождение леммы *дилетант* в 801 документе. Из них отсортированы и проанализированы контексты, опубликованные с 1984 по 2021 гг.: 417 документов (615 вхождений).

В каждом словоупотреблении «дилетант» были выявлены актуальные смысловые признаки и значимые для их выделения единицы контекста. Значимыми элементами контекстов являются оценочные слова (см. далее в примере – *неуч*), грамматические маркёры оценочно-иерархических отношений (см. *хотя*), синонимы лексемы «дилетант» (*непрофессионал, неспециалист* и др.), описательные выражения, коррелирующие с единицами

синонимического ряда *дилетант*, на основе синтеза которых формулировались периферийные смысловые признаки (см. *‘имеет поверхностные знания’*).

Наиболее ярко структурная сложность модели *ДИЛЕТАНТ* прослеживается как различие непрофессионала и неспециалиста, представленное в контекстах лексемами «непрофессионал» и «неспециалист» или другими средствами, о которых будет сказано ниже.

Если речь идёт о недостатке опыта, практических навыков, на первый план выступает признак *‘непрофессионал’*. Энциклопедический словарь характеризует понятие «непрофессионал» следующим образом: «тот, кто не является профессионалом, специалистом в какой-л. области; любитель, дилетант» [Энциклопедический словарь]. В материалах, выявленных в НКРЯ, смысл *‘непрофессионал’* актуализируется в 70 контекстах лексемой «непрофессионал» и описательными выражениями типа *«делает плохо»*. *‘Непрофессионал’* имеет смежные с концептом *‘дилетант’* периферийные признаки. С одной стороны, это отрицательно-оценочные признаки (*‘не обладает профессиональными навыками’*, *‘не опирается на имеющийся опыт’* т.п.), с другой – более нейтральные (*‘начинающий’*, *‘самоучка’*, *‘любитель’*). Толкование *дилетанта* как непрофессионала в контексте нередко сопровождает лексема-антоним «профессионал» и эпидигматически связанные с ней лексические единицы (*профессионализм, профи, профессия, профессионально*): *в каждом деле есть профессионалы и дилетанты* (Форум: Риэлторы (2012)); *в рассмотренной выше деятельности участвуют не только дилетанты, но и профессионалы (историки, археологи, этнологи, филологи)* (В. Шнирельман. Символическое прошлое. Борьба за предков в Центральной Азии // «Неприкосновенный запас», 2009). Непрофессионализм дилетанта проявляется в сферах, которые априори предполагают наличие определённых практических навыков, например, в преступной сфере (*Правильно ты говорила, каждый порядочный вор должен владеть только одной профессией. Нельзя быть дилетантом* (А. Житков. Супермаркет, 2000)), музыке (*Нашу*

*страну погубили дилетанты... Я никогда не хотел, чтобы про меня говорили: «Розенбаум — лучший **певец** среди врачей» (А. Розенбаум. Бультерьер, 1987-1998), здравоохранении (...никакого независимого контроля за действиями **врачей-психиатров**, тем более со стороны дилетантов, не может быть в принципе. Единственной гарантией объективности **врачей** может быть только их совесть и **профессионализм** (М. Бойцова. Спасите наши души! // «Петербургский Час пик», 2003).*

Наряду с ‘непрофессионалом’, в контекстах актуализируется смысловой признак ‘неспециалист’. Данный признак выявлен в 29 контекстах. Дилетант как ‘неспециалист’ понимается как лицо с признаками ‘без образования’, ‘без квалификации’, то есть как человек, не имеющий знаний, которые даёт образовательное учреждение. Сказанное можно проиллюстрировать следующими примерами: ...*француз А. Ампер (1775— 1836) и Фарадей не получили систематического образования, т. е. по современным понятиям были дилетантами* (В. Горбачев. Концепции современного естествознания, 2003); ...*выдавливает из себя дилетанта, **неуча*** (А. Эфрос. Профессия: режиссёр, 1987).

Неоднородность представлений о дилетанте в проанализированном материале обусловлена также следующими факторами.

Дилетант оценивается, и знак оценки не является постоянной величиной. В типичном случае оценка негативная: *А таковым, конечно, всегда окажется **дилетант**, а не учёный* (А. Зализняк. О профессиональной и любительской лингвистике // «Наука и жизнь», 2009). Показательно, что негативная оценка может быть выражена как пресуппозиция, что говорит о её конвенциональном характере: *Я не стала спорить — и так понятно, кто из нас профессиональный психолог, а кто **дилетант** и сейчас наговорит глупостей.* (Е. Колина. Дневник измены, 2011). В то же время дилетантизм может одобряться, причём одобрение деятельности дилетанта обеспечивается целым рядом смысловых признаков: ‘любитель’, ‘начинает разбираться в каком-л. вопросе’, ‘имеет шанс на успех’, ‘нацелен на получение новых знаний’, ‘важен

процесс работы'. Положительная оценка реализуется в контекстах, в которых дилетант рассматривается как тот, кто ломает стереотипы и стремится к развитию избранной сферы деятельности. Здесь присутствуют смыслы 'новичок' (12 вхождений лексемы в контексты *дилетант*), 'энтузиаст' (8 вхождений), 'экспериментатор' (4 вхождения). Дилетант воспринимается как индивид, способный мыслить масштабно и широко: *T-специалист — его готовят вузы сегодня — должен быть одновременно узким специалистом и дилетантом, готовым учиться всю жизнь и, когда потребуется, сменить свою специальность на другую благодаря широкому кругозору* (Г. Воробьев. Чему, где и как учиться? // «Студенческий меридиан», 1985); *Поскольку от любителей всегда меньше вреда, чем от профессионалов, наверное, это даже отлично, что основной элемент великорусского общества — дилетант* (В. Пьецух. Уроки родной истории (Пособие для юношества, агностиков и вообще) // «Октябрь», 2003).

Оценочное отношение к дилетанту зависит от типа субъекта речи. Контексты представляют дилетанта как «изнутри» (в «я»-высказываниях), так и через восприятие и оценку деятельности дилетантов со стороны социума (в «они»-высказываниях). В случае автохарактеристики контекст, как правило, переводит оценку в зону снисходительного отношения: *издатели будут против таких нейминговых конструкций, насколько я разбираюсь в особенностях современного маркетинга, хотя я и дилетант, — хихикал муж* (Т. Соломатина. Девять месяцев, или Комедия женских положений, 2010). «Он / она»-высказывания в этом смысле амбивалентны, с акцентом на порицании.

2.3. Неопределённость (варьирование) элементов модели

Так же, как в случае со структурной сложностью, О. К. Ирисханова выводит свойство неопределённости модели «из многоаспектности процессов социального познания и, как следствие, многокомпонентности социального

знания и его структур» [Ирисханова 2014 : 12]. Исследователь задаёт вопрос: «Всегда ли целью познания являются точные репрезентации?» – и высказывает справедливое суждение о том, что в некоторых случаях полезны «репрезентации, приблизительно или даже искажённо указывающие на свойства объектов» [Ирисханова 2014 : 12]. Как индикаторы неопределённости она рассматривает «возможность метафорического конструирования ценности ... отсутствие жёсткой привязанности к одному обозначению» [Ирисханова 2014 : 11]. В последнем случае имеется в виду «избыточность», проявляющаяся, например, в функционировании ключевой лексемы и её синонимов в качестве однородных членов.

В нашем материале (в параграфе 2.3 он тот же, что в параграфе 2.2) варьирование элементов модели можно усмотреть, помимо указанных индикаторов, в наличии «шкалы дилетантизма» в диапазоне от максимальных значений до приближенных к нулевой отметке.

2.3.1. Шкала дилетантизма

Контексты репрезентируют разные степени дилетантизма, а также его неочевидность для наблюдателя: *научился рассуждать чуть успешнее среднего дилетанта; слишком дилетант в этих вопросах; все рассказывают для полных дилетантов; будучи в этой области совершенным дилетантом*. Неочевидность дилетантизма формируется смысловыми признаками ‘способен ввести в заблуждение’, ‘имеет вид профессионала’, ‘имеет поверхностные знания’, ‘способен быстро ориентироваться в какой-л. сфере’ Данное наблюдение подтверждается следующим примером: ... *никто из сотрудников закрытого НИИ не мог даже предположить, что перед ними вовсе никакой не биолог, а дерзкий экспериментатор-дилетант, – настолько компетентны были его высказывания в этой области науки* (М. Нестеренко. «Медуза» курильщика. Издательство Сергея Курехина и книги в его жизни, 2017). Некоторые негативно-оценочные высказывания о дилетанте содержат парадоксальные

утверждения о высокой степени его компетентности (*сверхкомпетентные академические дилетанты*) и несогласие с мнением большинства. Так, выражение «*престижный дилетантизм*» обнаруживает, что субъектов оценки более одного: социум (оценка положительная) и конкретный субъект речи (оценка неопределенная, скорее негативная) (см. А. Бикбов, С. Наранович. «Государство – это иллюзия». Социолог Александр Бикбов о том, как Фуко и Бурдьё стали сегодня новыми Лениными, 2017).

Итак, внутритекстовые связи слова «дилетант» обнаруживают шкалу дилетантизма, а также свидетельствуют о том, что уровень некомпетентности дилетанта определяется не всегда; его внешний образ может не соответствовать сути.

2.3.2. Образные репрезентации как фактор неопределённости модели

Согласно концепции В. В. Дементьева, образные средства языка, выражающие смыслы косвенно, однозначно не переводятся на «прямой язык» [Дементьев 2000] и, следовательно, по сути своей являются неопределенными. Е. Б. Борисова, рассуждая о содержании понятия, делает интересные наблюдения, касающиеся образа: «Образ – это пересечение предметного и смыслового рядов, словесно-обозначенного и подразумеваемого. В образе один предмет явлен через другой, происходит их взаимопревращение. При этом образ может как облегчать, так и затруднять восприятие предмета, объяснять неизвестное известным или известное неизвестным» [Борисова 2009 : 21].

Образные репрезентации (метафоры, перифразы, фразеологизмы, иронические выражения) содержатся в 14 контекстах основного корпуса НКРЯ, что составляет 3% от общего числа контекстов. Реализованные в них смыслы в разной степени связаны с «ожидаемыми», конвенциональными

смыслами, дополняют их и в конечном счёте способствуют наиболее полной реконструкции модели.

В каждом контексте актуальные смысловые признаки описаны на основе интроспекции исследователя, что соответствует свойствам объекта наблюдений и не противоречит постулатам когнитивного подхода к языковым явлениям. Материал распределен по лингвистическим механизмам образности. Приводятся контексты, достаточные для подтверждения интерпретации. Слово «дилетант» встречается во всех контекстах (если его нет в некоторых примерах, то это объясняется исключительно тем, что включение потребовало бы значительного расширения контекста в тексте диссертации).

Метафора

Репрезентантом неопределённости элементов модели *ДИЛЕТАНТ* является метафора, семантика которой объединяет противоположные свойства. С одной стороны, метафора – это «чётко структурированное и системно закреплённое лексико-семантическое явление», а с другой – «концептуальная единица нелинейности языкового сознания с фрактальной природой» [Хахалова 2011 : 126]. Речевая деятельность человека, использующего метафору, ориентирована на глубинную интерпретацию смысла образа. С. А. Хахалова полагает, что это достигается за счёт «наслоения концептов с разной доминантой, неожиданным перекрытием семантических сфер внутри одного диапазона наблюдения» [Хахалова 2011 : 127].

Ряд метафорических контекстов актуализирует желание дилетанта быть разносторонним, причём в каждом контексте реализуются собственные смысловые нюансы.

Например, признаки ‘широко мыслит’, ‘без ограничений’ выражены в следующем контексте: *...он пользуется свободой образованного дилетанта: не сковывая себя рамками профессиональных школ и узкоцеховых задач...* (К. Кобрин, О. Балла. От энтомологии смысла к литературе открытых

возможностей // «Знание – сила», 2010). Здесь «*пользуется свободой*» воспринимается как отсутствие стремления к получению глубоких знаний в определённой сфере, то есть в негативном ключе.

Смысл ‘широко, но неглубоко мыслит’ передается метафорой значительного охвата пространства и одновременно его незаполненности, пустоты: *Лишь дилетант нялится на все четыре стороны, считая это своим достоинством* (Л. Юзефович. Костюм Арлекина, 2001); *У дилетанта полно простора в мозгах; знания неплотно упакованы, не накапливались по зернышку, а сгребались широкой лопатой; дилетант шагает широко, загребая лопастями землю и воздух* (Ю. Крелин. Почему у нас вечен конфликт истории и географии? // «Общая газета», 1996). Помимо пространственных метафор, для выражения аналогичных смыслов эксплуатируется метафора физических измерений (*легковесный*), гастрономическая (*всеядный*): *Пунин был легковесным, всеядным дилетантом* (Н. Крышук. «Да» и «нет» Николая Пунина // «Звезда», 2002).

Метафорически передаются также смыслы ‘непостоянство в профессиональной сфере’, ‘изменчивость выбора’, ‘поиск себя’, ‘не стоит на месте’. В следующем примере акцент в характеристике дилетанта перенесён с профессиональной сферы на образ жизни личности в целом: *...талантливые или бесталанные дилетанты в жизни, перекаати-поле* (Б. Черных. Весенние костры // Библиотека «Огонек», 1988).

Иное направление метафорического осмысления фигуры дилетанта в текстах – его стремление оказаться «в тренде», соответствовать духу времени. Таков контекст *был дилетантом <...>, работал на подхвате у времени* (Н. Крышук. «Да» и «нет» Николая Пунина // «Звезда», 2002). С нашей точки зрения, данный контекст интерпретируется как ‘соответствовал конъюнктуре’, ‘подстраивался под обстоятельства’. В конкретных контекстах сходные смысловые признаки приобретают разные оттенки. Например, признак ‘прогибаться’ в контексте *склоняют выи перед любым мало-мальски крепким характером* (Б. Черных. Весенние костры // Библиотека «Огонек»,

1988) предполагает не просто приспособление к среде, но подверженность влияниям и является смежным с признаком ‘находиться под влиянием’.

В нашей статье [Костина 2020а], посвященной образным репрезентациям дилетанта, выделены также другие смысловые признаки, передаваемые метафорически: ‘дилетант не может выполнить нечто трудное’, ‘не достигает результата’, ‘не может воздействовать / управлять’, ‘нестабильность результата’, ‘слабое представление о чём-либо’, ‘незаинтересованность’, ‘пассивность’.

Из «я»-высказываний, содержащих признаки ‘пассивность’ и ‘незаинтересованность’, следует, что дилетант не всегда стремится показать свою осведомлённость и скрыть непрофессионализм; в то же время, причисляя себя к дилетантам, он не приписывает этой группе негативных коннотаций. Любопытно, что наряду с «пассивными дилетантами», образно-метафорические репрезентации обнаруживают противоположную линию поведения активного дилетанта, готового позиционировать себя как специалиста. Данный смысл обнаруживается в контексте *ниспровержение традиционной науки стало модным и даёт хорошие дивиденды искателям публичного успеха* (А. Зализняк. О профессиональной и любительской лингвистике // «Наука и жизнь», 2009). Несмотря на слабую степень образности, этот пример интересен тем, что отражает условия для развития дилетантизма в наше время: благодаря интернет-коммуникации дилетант получает возможность обращаться к широкой аудитории с продвижением своих идей, которые могут противоречить мнению профессионалов и специалистов.

Фразеологические единицы

Неопределённость модели *ДИЛЕТАНТ* придают фразеологизмы – единицы лексического уровня языка, косвенно выражающие смыслы и характеризующиеся асимметрией формы и содержания. Последняя, будучи свойственна всем уровням языка, во фразеологии проявляется наиболее отчётливо. Е. Н. Давлетбаева, Е. С. Панкратова указывают, что «наличие

несоответствий и аномалий является онтологическим свойством фразеологии и проявляется в таких характерных для ФЕ антиномиях, как раздельнооформленность внешней структуры и единство смыслового содержания ФЕ; устойчивость узуальной формы и склонность к окказиональным инновациям» [Давлетбаева, Панкратова 2015 : 290]. Вследствие структурно-семантической сложности фразеологизмов, их использование становится фактором неопределённости модели *ДИЛЕТАНТ*.

Один из смысловых признаков, выраженный на лексико-фразеологическом уровне языка, – ‘не имеет права заниматься чем-либо’. Его иллюстрирует пример *такую деликатную вещь, как научное знание, нельзя отдавать на откуп дилетантам* (И. Панков. Почему человечество всё меньше интересуется тайнами Земли // «Знание-сила», 2012). С семантическим добавлением ‘потому что это опасно’ данный смысл транслирует выражение *дилетанты с гранатой* (Форум: Пришло в личку..., 2012). «Дилетанты с гранатой» – трансформация фразеологической единицы «обезьяна с гранатой», которая определяется в некодифицированном лексикографическом источнике как ‘человек, имеющий в своём распоряжении нечто опасное, но не умеющий с ним обращаться’ [Викисловарь : URL]. Унаследованные от данного фразеологизма смысловые признаки выражения «дилетанты с гранатой» – ‘нельзя доверять’, ‘не умеет’, ‘не знает’, ‘опасен’. В совокупности данные признаки отражают недоверие субъектов речи к деятельности дилетанта.

Словосочетание *игрушка в руках господина случая* (Б. Черных. Весенние костры // Библиотека «Огонек», 1988) является трансформацией фразеологической единицы «игрушка в чужих руках», актуализирует признаки ‘зависит от чего-либо’, ‘не волен действовать самостоятельно’, ‘находится в подчинении’, указывает на уязвимость позиции дилетанта с точки зрения говорящего.

Фразеологизм «не зная броду, лезет в воду» в трансформированном виде *не зная броду, сунулся*, будучи характеристикой дилетанта, вербализует

признак ‘действует решительно’. Данный признак противоположен рассмотренному выше ‘не проявляет воли’, что является ещё одним свидетельством нечёткости, неопределённости представлений о рассматриваемом социальном типе: *не имея серьезных связей в мире нелегальной торговли оружием, не зная броду он сунулся со своим предложением к первым встречным* (В. Абаринов. На кончике «Иглы» // «Совершенно секретно», 2003).

В конкордансе «дилетант» основного корпуса НКРЯ встретились и другие фразеологические единицы: *топчется на месте* (признаки ‘неспособность к профессиональному росту’, ‘не может развиваться’; *на курьих ножках* (обыгрывание другого фразеологизма – «колосс на глиняных ногах», выражающее идею мнимой значимости деятельности дилетантов); *вилять хвостом, от нечего делать*. Их анализ представлен в упомянутой выше статье [Костина, 2020а]. Обращается внимание на амбивалентность оценки образной репрезентации свойств дилетанта. Так, *от нечего делать сочиняющий музыку* в случае положительной коннотации может указывать на потребность расширения кругозора за счёт осваивания новых видов деятельности, в случае отрицательной – немотивированность действий дилетанта.

Перифраза

Перифразой называют «особую разновидность речемыслительной деятельности, связанную с процессом вторичного именованья перифрастического типа» [Синина 2011 : 104]. Будучи разновидностью тропа, перифраза «основана на когнитивно-семантическом механизме установления ассоциаций по сходству и смежности двух понятий – понятия, обозначающего референт, подлежащий перифразированию, и понятия, с помощью которого этот референт иносказательно описывается» [там же]. В выражениях *сумерки природы, поколение пепси* (И. Прусс. Отец, муж, мальчишка // «Знание – сила», 2010) понятие-референт «дилетант» передаётся посредством прецедентных высказываний. *Сумерки, природа* – строчка из песни Булата Окуджавы

«Батальное полотно» (1973), которую он сочинил в ходе работы над романом «Путешествие дилетантов». *Поколение пепси* – отсылка к роману Виктора Пелевина «Generation “П”», в котором автор описывает «пропащее поколение» девяностых годов, а также к рекламному слогану «Новое поколение выбирает Pepsi». Перифрастические выражения, основанные на прецедентных высказываниях, доступны для среднестатистического читателя, рассчитаны на его культурный опыт и ассоциируют нечёткое множество смыслов.

Ирония

Ещё одним фактором неопределённости модели *ДИЛЕТАНТ* является семантическая сложность иронии. Согласно К. М. Шилихиной, иронию можно рассматривать в качестве «прагматического эффекта нетривиальной лексической сочетаемости» [Шилихина 2010 : 67]. Рассмотрим высказывание *здесь чувствуется рука дилетанта, и можно сказать почти безошибочно, что исполнителем этих готических причуд был доморощенный «зодчий»* (Н. Гаврюшин. Суханово: соприкосновение двух миров // «Ландшафтный дизайн», 2002). Столкновение семантически и стилистически несовместимых лексических единиц приводит к ироническому эффекту. Компоненты словосочетания содержат смысловые признаки противоположного свойства: *доморощенный* – ‘дилетантский’, ‘примитивный’; *зодчий* – ‘занимается архитектурой’ ‘имеет знания и опыт в архитектуре’. О том, что в высказывании реализована ирония, а не оксюморон, свидетельствуют кавычки, в которые заключено слово «зодчий».

Итак, функционирование образных средств формирует качество неопределённости модели *ДИЛЕТАНТ*. За счёт включения в репрезентацию представлений о дилетанте метафор, фразеологических единиц, перифрастических и иронических выражений реализуется «функция социальной адаптации <...>, которая позволяет носителям культуры и языка, опираясь на неизменную событийную основу, нежёстко классифицировать социальный мир» [Ирисханова 2014 : 12]. Данная функция не менее

существенна для социальных стереотипов, в том числе представлений о дилетанте, чем функция социального предписания, регулирующая поведение членов социума.

Неопределённость модели формируется в материале анализа следующим образом: 1) как принципиально открытый ряд смысловых признаков в плане содержания образных средств языка; 2) как индивидуальные, «случайные» признаки ('послушный'); 3) как амбивалентные оценки дилетанта в совокупности всех контекстов и неоднозначные оценки в одном и том же контексте; 4) как безоценочные, но при этом оппозитивные смыслы ('не проявляет воли' – 'действует решительно'; 'выражает – скрывает идентичность дилетанта / специалиста').

В конструировании фигуры дилетанта метафорическими средствами участвуют предугадываемые признаки ('не знает', 'не может', 'не умеет', 'не способен', 'нет опыта' и т. п.). С другой стороны, метафорические репрезентации увеличивают диапазон признаков, позволяют включить в их состав такие, как 'находится под влиянием', 'не обдумывает последствия' 'бесцельно делает', 'примитивный', 'остаётся на одном уровне' и т. д. Часть из этих признаков имеет нейтральную или положительную оценочные коннотации ('не постоянный' 'без ограничений', 'имеет много времени', 'подстраивается под обстоятельства и время', 'широко мыслит'). Нейтральная оценка дилетанта типична для «я»-высказываний. Ряд метафорических контекстов актуализирует не отраженный в словарях признак 'всеядность' (предпочтение поверхностных знаний в разных областях глубокому изучению либо освоению какой-либо отдельной области).

Фразеологизмы и их трансформации обогащают модель *ДИЛЕТАНТ* оценочными характеристиками: от недоверия со стороны социума ('не имеет права управлять', 'нельзя доверять') до одобрения дилетанта в его потребности расширить кругозор (*шагает широко, загребая лопастями землю и воздух*).

Широкий спектр смыслов выявляется в перифрастических выражениях на основе прецедентных высказываний, апеллирующих к фоновым знаниям адресата. Ирония передаёт несерьезное отношение членов социума к деятельности дилетанта.

Образность-содержащие контексты передают авторскую оценку феномена дилетанта.

Таким образом, модель *ДИЛЕТАНТ* функционирует в контекстах как изменчивая, подвижная, способная адаптироваться под разных носителей социальных знаний. Неопределённость применительно к данной модели рассматривается не как помеха в ходе усвоения и обработки какой-либо информации, а как преимущество, раскрывающее значимость отдельных элементов социального мира.

2.3.3. «Избыточность» номинаций в минимальном контексте как индикатор неопределённости знаний о дилетанте

Как говорилось выше, фактором динамичности социокультурных моделей является неопределённость их текстовых репрезентаций. О. К. Ирисханова обращает внимание на то, что индикатором неопределённости может выступать «отсутствие жёсткой привязанности к одному обозначению» [Ирисханова 2014 : 12]. Исходя из предположения, что к подобным моделям относится *ДИЛЕТАНТ*, проанализируем такой фактор неопределённости модели, как «избыточность» номинаций.

Цель параграфа – исчислить и проанализировать конструкции, предполагающие неединичное обозначение лица, которое в одном случае обозначено как «дилетант». Рассмотрим высказывания, включающие перечислительные и однородные ряды, в составе которых обнаруживается слово «дилетант», в частности однородные ряды, состоящие из синонимов. Высказывания с указанными конструкциями извлечены методом сплошной выборки из основного корпуса НКРЯ; просмотрено 417 документов с

вхождением леммы *дилетант*, отобрано 13 высказываний (3% от общего числа документов).

3. Ш. Арсланбекова квалифицирует конструкции с многокомпонентными перечислительными рядами как текстообразующие структуры, выявляющие авторские интенции. Их концентрацию в границах одного высказывания исследователь называет приёмом «количественного накопления однотипных лексико-грамматических единиц в многокомпонентные перечислительные ряды» [Арсланбекова 2008 : 20].

Перечислением называется «универсальный синтаксико-семантический приём организации трёх и более функционально однородных элементов любого уровня (от слова до крупных структурно-композиционных единиц) в составе микро- или макротекста посредством их контактного, реже дистантного взаиморасположения, сочинительной связи, специфической перечислительной интонации» [Культура речи 2003 : 460].

Между лексемами – членами ряда существует смысловая связь, о которой Д. В. Беляев говорит следующее: «Все элементы перечислительного ряда относятся к одному логико-понятийному классу (предметов, признаков, классов и т.п.) и равно отнесены с неким понятием более высокого уровня абстракции. Это понятие представляет собой обобщающее слово, которое открывает, а иногда – закрывает перечислительный ряд. Обобщающий компонент может быть лексически выражен или нет, он – обязательный, связующий атрибут перечислительного ряда» [Беляев 2011 : 89]. Сказанное можно расценивать как обоснование некоторой «избыточности» в обозначении объекта, реализованной в минимальном контексте.

Анализ неопределённости модели *ДИЛЕТАНТ*, формируемой перечислительными рядами, одновременно вскрывает её глубинные смыслы. 3. Ш. Арсланбекова отмечает, что данные конструкции углубляют семантику текста и высказывания: «Какими бы ни были структура рядов <...> способы осложнения элементов однородного ряда <...> степень синтаксической сложности однородных семантических блоков, исследуемый стилистический

приём способствует смысловому углублению текста, усложнению семантики высказывания, усилению его экспрессивности и, в конечном итоге, созданию целостного экспрессивно-семантического микрополя» [Арсланбекова 2008 : 22]. Как правило, перечислительные и однородные ряды встречаются в текстах публицистического и художественного стилей, что раскрывает их экспрессивно-оценочный потенциал.

Анализ показывает, что внутри перечислительных рядов «дилетант» сочетается с лексемами, негативно оценивающими человека: *инфантилы, дилетанты и бездельники, чем тут гордиться* (И. Прусс. Отец, муж, мальчишка // «Знание – сила», 2010); *временщики, дилетанты, корыстолюбцы* (А. Бовин. Пять лет среди евреев и мидовцев, или Израиль из окна российского посольства, 1999); *мы вам дадим защиту от недобросовестных людей, от жуликов, от дилетантов, от неграмотных людей* (Л. Поршнева, А. Гусев. «...Мы убеждённые, последовательные...» // «Строительство», 2003). Сигнификативные значения лексем, включенных в один ряд с лексемой «дилетант», не пересекаются с её сигнификатом, однако контекстное окружение сообщает «дилетанту» оценку со знаком минус. В данном случае последняя является «связующим атрибутом», о котором писал Д. В. Беляев в вышеприведенной цитате.

Оценочная установка субъекта речи отмечается также в нескольких высказываниях, где «дилетант» открывает перечислительный ряд: *...это почерк дилетантов по духу, верхоглядов и ленивых умом* (К. Серафимов. Экспедиция во мрак, 1978–1996); *кто-то должен по капле выдавливать из себя дилетанта, неуча, начетчика* (А. Эфрос. Профессия: режиссер, 1987); *Кто я такой, чтобы ручаться и доказывать? Дилетант, самоучка, безумец* (В. Рецепттер. Узлов, или Обращение к Казанове, 1993). Как можно заметить, в данной позиции «дилетант» приобретает различные коннотации. Если в первом и втором примерах контекст ряда сводит понятие «дилетант» к негативной эмоционально-экспрессивной оценке, то в третьем перечислительный ряд семантически более разнороден. В дополнение к

узуальным значениям лексем – членов ряда у них актуализируются периферийные смыслы. «Самоучка» здесь не только человек 'без систематического обучения', но и тот, кто 'обладает самостоятельностью'; «безумец» – тот, кто 'не боится рисковать', 'не ограничен общепринятыми рамками'. Подкрепим наличие данных периферийных смыслов в слове «безумец» известным высказыванием из фильма Т. Бёртона «Алиса в Стране чудес»: «Так и есть – с ума сошла, спятила, чокнулась!.. Открою тебе секрет: безумцы всех умней». Соответственно, и на «дилетант» распространяются положительные смыслы 'мыслит нестандартно', 'не ограничен рамками' и др.

Судя по нашему материалу, сказанное о перечислительных рядах лишь отчасти относится к однородным рядам из двух членов. В сочетаниях с различными характеризующими именами «дилетант» реализует одно из своих узуальных значений: *Сторонники единой социальной науки, авторы теорий социального синтеза, такие как Бродель, Бурдьё или Валлерстайн, сколь странно это ни прозвучит – просвещенные ремесленники и дилетанты* (А. Бикбов, С. Наранович. «Государство – это иллюзия», 2017); *Матёрый, высочайшего ранга военный разведчик Нуган Ханг и не подозревал, какой он дурак и дилетант в финансовых комбинациях* (В. Скворцов. Сингапурский квартет, 2001); *Не выношу внештатных журналистов: любое внештатничество – это любительство, дилетантство* (А. Розенбаум. Бультерьер, 1987–1998). В данных примерах «дилетант / дилетантство» взаимодействуют со стоящими рядом лексемами, объединяются с ними через сходные смысловые признаки. Так, *просвещенные ремесленники* 'действуют по шаблону, без творческой инициативы', что применительно к учёным неприемлемо и может квалифицироваться как дилетантство; *дурак [в чём-то]* – 'не научился, не разбирается'; *любительство и дилетантство* объединяются признаками 'имеет поверхностные знания', 'без профессиональной подготовки'.

В последнем примере членами ряда являются синонимы, что с наибольшей определённостью «создаёт впечатление избыточности»

[Ирисханова 2014 : 12]. Синонимические конструкции выделяют не столько коннотативные, сколько сигнификативные смыслы лексемы «дилетант», в частности подчеркивают отсутствие специального образования, что и отличает дилетанта от профессионала.

Таким образом, модель *ДИЛЕТАНТ* репрезентируется конструкциями, предполагающими неединичное обозначение объекта, что сообщает ей динамичность и неопределенность. Полагаем, что обращение к свойству неопределённости модели является продуктивной процедурой описания глубинных смыслов в её составе, а также потенциальных направлений её развития.

2.4. Частичная порождаемость в текстах

Как один из фрагментов социального знания, модель демонстрирует «способность к частичному производству в контексте текущей деятельности» [Ирисханова 2014 : 12]. В вербальную репрезентацию модели вовлечены как дилетанты, создающие тексты и проявляющие себя как групповая языковая личность (дискурс дилетантов, «я»-высказывания), так и те, кто наблюдает за дилетантами со стороны и сообщает о своих наблюдениях (дискурс о дилетантах, «они»-высказывания).

2.4.1. Дискурс дилетантов: межтекстовый анализ непрофессиональной прозы (на примере детективного рассказа)

В данной части работы рассмотрен непрофессиональный детективный рассказ, что неслучайно с точки зрения выбора материала для исследования дискурсов дилетантов. С одной стороны, именно в писательстве дилетант ярче всего демонстрирует черты языковой личности, с другой стороны, жанр детектива – один из наиболее популярных в современной художественной литературе и культуре: детективный сюжет или, по меньшей мере, его

вкрапления встречаются в журналистике, в том числе на телевидении. Возможно, феномен популярности детектива связан с качественными характеристиками современной социокультурной среды. Данное предположение подтверждается исследованием коммуникативно-прагматических и жанрово-тематических особенностей современных детективных рассказов, предпринятым С. В. Серебряковой и А. В. Кравцовой. Авторы утверждают следующее: «Жанр детектива определяется как один из самых продуктивных жанров современной массовой культуры, органично сочетающий обыденный и элитарный типы культуры в художественной реализации. Достаточно жёсткие тематико-стилистические каноны [детективных рассказов – В. К.] обусловлены *содержательно-композиционными стереотипами и эстетическими шаблонами*, в своей совокупности они создают в сознании читателя определённые «схемы действия» – жанровые и прагмакоммуникативные ожидания» [Серебрякова, Кравцова 2019 : 164] (курсив наш – В. К.). Кроме того, в исследованиях разных лет [Кестхейи 1989; Ван Дайн 1990; Кириленко 2012; Бугорская 2013; Норец 2015; Серебрякова, Кравцова 2019 и др.] неоднократно предпринимаются попытки нормировать произведения детективного жанра, что позволяет проследить в непрофессиональных текстах возможные отклонения от традиционных канонов.

Методом исследования является разновидность дискурсивного анализа – межтекстовый анализ на основе категорий интертекстуальности и интердискурсивности [Чернявская 2009]. Решались такие задачи, как определение качественных характеристик текстов и степени их соответствия нормам детективного жанра, а также выявление симптоматических признаков современной прозы. Проанализировано четыре текста, размещенных на портале «Проза.ру» в январе – апреле 2017 года. Для удобства представления материала в исследовании тексты пронумерованы: текст № 1 – Любовь-смерть (автор Илья Шубин, дата публикации – 3 января); текст № 2 – Фантастические

каникулы или детектив с привидением³ (автор Анна Кул, дата публикации – 1 февраля); текст № 3 – Хроники красного литейщика. городские легенды (автор Владимир Самсонов, дата публикации 1 марта); текст № 4 – Нуль панихиду служил (автор Козьма, дата публикации 2 апреля).

В ходе межтекстового анализа выявлен ряд особенностей непрофессионального детективного рассказа.

Качественные характеристики текстов

Во-первых, отмечается низкий уровень речевой грамотности. Наиболее регулярны пунктуационные ошибки, в частности отсутствие знаков препинания: *Пробираясь через толпы людей я увидел что полицейский охраняет входную дверь в подъезд*. Наряду с пунктуационными, встречаются ошибки орфографические (*мощность, чучуть, бугалтером, кароче* и др.) и грамматические (*выйдя с подъезда, глаза цветом моря*). Тот факт, что авторы недостаточно владеют нормами письменной речи, оказывает влияние на восприятие текста, по крайней мере грамотным читателем: внимание переключается с развития действия в тексте на изъяны его исполнения.

Использование жаргонной лексики, грубость речи, оценка событий «в лоб», как правило, не мотивированы и снижают эстетическую ценность текста. Использование жаргонизмов частично оправданно в диалогах, содержащих речевые характеристики героев, например в следующем:

– *Чего кипешуете?* – *отозвался сонный Пират, ткнув Художника протезом пластиковой кисти.* – *Раз уж подрядились, будьте любезны.* (Текст № 3).

Другой примечательной особенностью, отражающейся на качестве непрофессионального детективного рассказа, является введение в текст дополнительной информации, слабо связанной с сюжетом, в том числе второстепенных персонажей, подробных описаний обстановки, сведений из биографии героев и др. Как следствие, пропадает динамика произведения,

³ Авторская пунктуация сохранена.

сюжет оказывается затянутым. Например, рассказ Ильи Шубина «Любовь-смерть» начинается с описания персонажей, не имеющих отношения к дальнейшим событиям (истории отца и тренера главного героя). Эта черта прослеживается во всех произведениях.

Персонажи могут совершать действия, отвлекающие от основной сюжетной линии. Яркий пример – рассказ Анны Кул «Фантастические каникулы или детектив с привидением». Родители семиклассницы Маруси активно поощряют и развивают её ночные кошмары. Из них в дальнейшем вырастает детективный сюжет произведения. Несмотря на принадлежность рассказа не только к детективному, но и к фантастическому жанру, такое поведение родителей сложно назвать естественным и адекватным, следовательно, читатель перестраивается от целостного восприятия текста к размышлению о действиях персонажей.

Указанные свойства проанализированных текстов противоречат представлению о «хорошем рассказе». Как справедливо отмечает писатель М. Веллер, «...рассказ из множества событий отбирает одно-два, но компоует и излагает их так, как обычному человеку не пришло бы в голову: лаконично, через деталь, несколькими штрихами создавая цельную картину. Рассказ – отчасти стихотворение в прозе, отчасти роман в миниатюре» [Веллер, 2006 : 3]. Далее он говорит о сложности этого жанра: «Необходимость тщательной отделки, точность построения, высокая напряженность текста, многозначность смысла и дали основания многим большим писателям назвать рассказ «труднейшим из прозаических жанров» [там же]. Отсутствие данных характеристик в проанализированных непрофессиональных детективах сказывается на их качестве.

В ходе анализа зафиксировано снижение значимости диалогов. «Диалог как основная и естественная форма общения представляет собой динамическую структуру, которая определяется прежде всего коммуникативной сущностью» [Хисамова 2013: 245]. Диалог в художественном тексте полифункционален, ориентирован на

самохарактеристику героев. К числу основных функций диалога относят следующие: «создание образа, портрета (портрет выступает одним из основных средств индивидуализации персонажа), представление психологического состояния внутреннего мира героя, то есть психологизм (внутренние диалоги и внешняя речь могут быть характеристикой персонажа). Диалог может служить чисто информативным целям – выяснять прошлое героя, предысторию событий, характеризовать действующих лиц, способствовать развитию сюжета, создавать и раскрывать тайны и сложности отношений героев. В прозе диалог может быть частью сюжетных элементов, он разбавляет повествование» [Ахмедова 2016: 250].

Говоря о роли диалога в художественном произведении, Г. Г. Хисамова отмечает, что «установка на объективное изображение действительности приводит писателя к тому, что он выражает себя преимущественно через диалоги персонажей, что способствует объективации повествования: устраняется субъективность рассказчика, доминирует точка зрения и слово героя. Диалог в этом случае обладает высокой степенью информативности: он движет действие, развивает сюжет, выявляет взаимоотношения персонажей, определяя их линию поведения» [Хисамова 2013: 245].

В исследуемых рассказах авторы не используют возможности диалога в полной мере. Главной функцией разговоров между персонажами становится передача информации; нередко эта информация не является обязательной и нарушает целостность текста. В качестве примера успешного построения диалогов можно назвать текст № 2. Здесь, помимо информативной функции, выделяется перенесение нарратива от одного хронотопа (современность) к другому (прошлое).

Ср. диалог из нашего времени (1) и диалог из прошлого (2):

(1)

– *Вы должны понять, кто это, – пояснила Оля.*

– *А у тебя есть фотографии или рисунки предполагаемого преступника? – с надеждой поинтересовалась Маруся.*

(2)

– Здравствуйте, барышня! Не могли бы вы сообщить хозяину дома, что к нему прибыл гость?

Оленька, наклонив голову и от любопытства слегка высунув язычок, сообщила:

– А хозяин этого дома – мой батюшка. Но его сейчас нету. Если изволите, я кликну бабушку, Варвару Петровну.

– Будьте столь любезны.

В данном рассказе коммуникация героев передает атмосферу их отношений: дружеские чувства, неприязнь, любезность, благодарность и др. Однако и здесь диалоги часто содержат «ненужную» информацию, которая увеличивает объём текста, но не смысловое пространство. Таким образом, авторы понимают потребность введения диалогов для повышения художественности текста, но не всегда способны в полной мере реализовать их потенциал.

Владение нормами детективного жанра

Традиционно в детективе имеет место противостояние добра и зла, реализованное с помощью раскрытия преступления. При этом значительная роль отводится психологическим и воспитательным аспектам: развязка детективной истории должна показывать перевес сил в сторону добра, обязательность наказания зла. В этом смысле исследуемые рассказы отвечают нормам детективного жанра. Встречаются отступления от других, более частных канонов детектива.

Одно из таких отступлений – слияние главных ролей в одном персонаже. Согласно правилу, выдвинутому С. С. Ван Дайном, «ни сам сыщик, ни кто-либо из официальных расследователей не должен оказаться преступником» [Ван Дайн, 2011: URL]. М. В. Норец, описывая композиционную структуру детектива, указывает на её взаимосвязь с «персонажной парадигмой»: «с одной стороны – отрицательный персонаж(и) (преступник и его сообщники),

с другой стороны – положительный герой(и) (расследователь, его помощники и заказчики расследования)» [Норец 2015: 433].

В тексте № 1 данные предписания не работают: главный герой, так называемый истец, убедившись в бездействии правоохранительных органов, сам становится сыщиком, а после, увлѣвшись мстью, принимает на себя роль преступника.

Н. В. Бугорская обращает внимание на тот факт, что «детективные истории – это истории не о восстановлении справедливости, а истории о способах установления истины (в гносеологическом, а не этическом смысле слова)» [Бугорская 2013 : 103]. В связи с этим классическая подача улики и зацепок в детективном жанре предполагает честную игру между читателем и автором, сыщиком и преступником; вещественные доказательства в конечном счѣте должны послужить ключом к разгадке тайны. Примечательно, что в современном непрофессиональном детективе не все авторы придерживаются традиционного подхода к вводу улики в текст. Так, в тексте № 3 улики отсутствуют, т. к. в них нет необходимости. Автор не вовлекает читателя в выяснение обстоятельств, а преступники (их там несколько) известны изначально. Отсюда вытекает ещё одно несоответствие детективу в классическом понимании – отсутствие интриги.

По мнению С. В. Серебряковой и А. В. Кравцовой, «неотъемлемой частью любого детектива становится загадка или тайна, а его целью и развязкой – решение загадки или раскрытие упомянутой тайны, преступления» [Серебрякова, Кравцова 2019 : 166]. Авторы отмечают, что в отличие от мистики в детективе имеется логическое объяснение, а решение загадки «связано с мыслительно-логическими процессами» [там же]. От профессионализма автора зависит воздействие загадки-интриги на восприятие рассказа читателем. В текстах № № 1, 2 интрига характеризуется как слабая, размытая, не обеспеченная логикой раскрытия преступления. В тексте № 4 интрига организована относительно удачно, что принципиально значимо для управления вниманием читателя от начала до конца нарратива. Однако в

данном рассказе отсутствует убийство, которое в детективе придает сюжету особенную напряжённость.

Далее, межтекстовое сопоставление подтверждает тенденцию к передаче роли главного сыщика сразу нескольким персонажам, что не свойственно классическому детективу. Авторы рассказов № 1 и № 3 в качестве представителей «добра» используют размытые фигуры членов следственной группы. Таким образом, возникает потребность в детализации вспомогательных персонажей, что приводит к увеличению объёма текста и отвлечению читателя от основного замысла.

Подводя итог выявленным несоответствиям непрофессиональных детективов общепринятым законам детективного жанра, отметим, что выявленные отступления от норм детектива, возможно, объясняются не только непрофессионализмом авторов, но и их стремлением избежать штампов, создать нечто отличное от классической литературы этого жанра.

Признаки современной прозы

Непрофессиональный детектив активно допускает присоединение к тексту элементов, характерных для других жанров (фантастики, хроники, любовного романа и др.), что способствует жанровому смешению внутри одного произведения. Исследуя феномен жанрового смешения, С. Ш. Шарифова понимает под ним «объединение в одном художественном произведении элементов двух или более жанров, при котором «жанровые признаки» одного из жанров остаются доминирующими» [Шарифова 2010 : 16]. В рассмотренных текстах свойства детектива доминируют, но одновременно происходят и жанровые трансформации. Например, для придания динамичности рассказу, описывающему быструю и последовательную смену событий, автор текста № 3 избирает хроники. Здесь же имеет место личная трагедия, представленная в виде легенды о Тоннельщике. Комбинация жанров передаёт атмосферу провинциального города с его суетой, слухами, коррумпированностью и т. д. Отметим, что заглавие произведения «Хроники красного литейщика. Городские легенды» в

точности отражает его жанровую специфику. Другое произведение с «говорящим» о жанре заглавием – текст № 2. В данном случае автор сознательно нарушает границы реальности, вкрапляя в текст элементы фантастики. Фантастические вставки создают эффект таинственности, вызывают интерес у читателя. Встречаются и другие примеры смешения жанров: мотивы приключенческой литературы; выстраивание любовной линии, в целом не характерной для детектива, и т.д.

Жанровое смешение может рассматриваться как инструмент обогащения детективной композиции. Вместе с тем при высокой степени влияния отдельных жанров возникает риск трансформации семантического ядра детектива. Впоследствии произведение, задуманное как детектив, может преобразоваться в иной жанр.

Другим признаком современной прозы в рассмотренных детективных текстах является деление небольшого по объёму произведения на мелкие главки. Отчасти это связано с наблюдаемой тенденцией «слайдового» восприятия информации. Надо сказать, что дробление текста открывает новые возможности: повествование от лица разных персонажей (текст № 1), отсутствие необходимости «сглаживать» переходы от одного события или персонажа к другому (тексты №№ 3, 4), смена хронотопа (текст № 2). За рядом преимуществ разделения текста на небольшие части кроется сложность их смыслового объединения в финале детектива.

На основе межтекстового анализа можно сделать следующие выводы. К качественным характеристикам непрофессионального детективного текста относится низкая речевая грамотность (пунктуационные, орфографические, грамматические ошибки), наличие информации, не связанной с выполнением фабульных, сюжетных, эстетических функций; слабое использование возможностей диалога. В проанализированном материале не соблюдаются законы детективного рассказа, что выражается в ослаблении интриги, отсутствии загадки, «тайны», отсутствии или «невыгодной» подаче улик, в несоблюдении ролевых функций сыщика. В то же время в рассмотренных

текстах проявляются некоторые признаки современной прозы, а именно интеграция жанров и такая особенность внешней композиции, как деление текстов на небольшие фрагменты.

Непрофессиональная проза в детективном жанре, размещённая на интернет-портале, является одной из многих дискурсивных практик, отражающих самореализацию современного человека. Так как сфера деятельности в данном случае связана с писательством, дилетант проявляется в ней как групповая языковая личность, что в целом ему несвойственно.

2.4.2. Новый социальный тип «неспециалист» в «я»-высказываниях и «они»-высказываниях⁴

В последнее десятилетие на фоне сущностных изменений многих профессиональных областей жизни усиливается влияние так называемых «гибких навыков» (soft skills). L.H. Lippman., R. Ryberg, R Carney, A. Kristin характеризуют данные навыки как «надпрофессиональные», но при том значимые для карьеры и успешной работы: «Soft skills – комплекс неспециализированных, важных для карьеры надпрофессиональных навыков, которые отвечают за успешное участие в рабочем процессе, высокую производительность и являются сквозными, то есть не связаны с конкретной предметной областью» [цит. по: Бацунов 2018 : 200]. Российские специалисты в сфере образования выражают в этом смысле солидарность с зарубежными коллегами. Согласно Д. С. Ермакову, «гибкие навыки» – это «комплекс... навыков, обеспечивающих успешность, высокую эффективность деятельности (учебной, производственной и пр.), в том числе в незнакомой, меняющейся среде [Ермаков 2020 : 106]. Исследователь называет целый ряд

⁴ В основу данного раздела легла наша статья: Костина В. А. Анализ дискурса о новом социальном типе: кто пришел на смену дилетанту // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. – 2022. – № 2 (35). – С. 87–92.

позитивных последствий их приобретения – умение ориентироваться в информационном потоке, критически мыслить, коммуницировать, сотрудничать, принимать решения, учиться и переучиваться и др. [там же]. Существует мнение, что полезность soft skills практически универсальна: они «помогают эффективно и самостоятельно действовать в разных рабочих ситуациях ... мало зависят от сферы их приобретения и применения» [Что такое Soft Skills навыки и как их развивать : URL].

В данных условиях дилетант трансформируется, приобретает черты нового социального типа, который становится альтернативой специалисту на иных, нежели ранее, основаниях и упрочивается в сфере социальных знаний. Так как названия для него в современном русском языке не существует, предложим искусственную номинацию «неоспециалист»⁵. Согласно Б. Ю. Норману, искусственная номинация – это «лексическая единица, отсутствующая в данном языке и, соответственно, не фиксируемая толковыми словарями данного языка» [Норман 2010 : 653]. В нашем случае, благодаря своей внутренней форме, данная номинация отражает определённые сдвиги в современном социокультурном пространстве, вставая в один ряд с понятиями «новая чувствительность», «новая эмоциональность», «новая этика» и т.д.

Материалом исследования в данном параграфе явились публикации из открытых интернет-источников. Отбор публикаций производился методом сплошной выборки из пяти первых страниц в поисковых системах «Яндекс» и «Google». Формулировки поисковых запросов повторяли наиболее яркие смысловые признаки понятия «дилетант», выявленные по словарям и НКРЯ (параграфы 2.1–2.3): ‘без образования’, ‘не разбирается’, ‘мыслит широко’ [Костина 2020]. Для выявления возможного круга говорящих использовались разные варианты типов высказывания по Г. Я. Солганику [Солганик 1997].

⁵ Реальным словом, которое могло бы претендовать на это место, является «эксперт». Считаем, однако, что функционирование слова «эксперт» в новых значениях ограничено рекламными текстами, а его семантика, связанная с нетрадиционными контекстами, ещё недостаточно описана.

Так, при поиске текстов по признаку 'не разбирается' вводились запросы «я не разбираюсь», «ты не разбираешься», «он/она не разбирается», «они не разбираются». Отобрано 12 статей, в которых в качестве реакций на запросы встречались данные выражения, а также выражения «не понимает», «не знает», «не имеет / не имею образования» и т.д. В поле зрения оказались новостные порталы, сайты периодических изданий, блоги, а именно: The Village, Forbes, Газета.ru, Яндекс.Дзен, АПН, Москвич Mag и др. Было установлено, что в 75 % текстов субъектом речи являются представители неспециалистов, в 25% – те, кто к ним не относится (профессионалы и немаркированные по релевантным признакам наблюдатели). «Я»-высказывания представлены самопрезентацией, мотивирующей речью, мотивационной программой (фрагмент книги), статьёй, обзором; «они»-высказывания – интервью и комментариями. Такая жанровая организация дискурса отражает различные «дискурсивные компетенции» языковых личностей [Федулова 2014 : 18], для которых актуален феномен неспециалиста. Анализ сосредоточен на «я»-высказываниях, «они»-высказывания приводятся для сопоставления.

Использован метод фреймирования по совокупности текстов, объединенных в дискурс неспециалиста. Главной задачей применения метода, как справедливо считает Н. А. Костомарова, является структурирование речевого материала: «Существенное отличие семантического фрейма от такого понятия, как концепт, заключается в том, что концепт может выражать любую единицу знания, в том числе и неструктурированного. Фрейм, в свою очередь, это всегда структурированная единица знания, в которой выделяются определённые компоненты и отношения между ними» [Костомарова 2015 : 24]. Формы дискурса, существующие в когнитивной базе говорящего, могут структурироваться на основании различных параметров: «Внутреннюю парадигматику дискурса, прежде всего, образуют предметно-тематические параметры – понятно, с учётом их понятийного осмысления. Впрочем, сюда же могут подключаться

прагматические, аксиологические, а также жанрово-стилистические параметры, которые обуславливают прагматику и эстетику всякого текста» [Федулова 2014 : 16].

В настоящем разделе диссертации фрейм ‘Профессиональная деятельность неспециалиста’ построен с ориентацией на данные, полученные ранее в отношении «дилетанта» [Костина 2020] и с учётом маркеров определённых значений в текстах. В схему описания вошли девять слотов, представленных на разных уровнях абстракции, и их текстовые реализации⁶.

1. Сфера деятельности: гуманитарий

Субъект обозначается через отсылку к сфере деятельности: *Меня интересует довольно узкий круг вещей, но я точно скажу, что в России не учат дизайнеров, фотографов, художников, режиссёров, сценаристов, менеджеров. Почти все приличные люди в большинстве этих специальностей – самородки* (Василий Эсманов, The Village, 2009). По мнению автора статьи, без образования можно обойтись в гуманитарной сфере деятельности, в отличие от точных наук и медицины: *Диплом врача, физика, математика даёт уже более серьёзные перспективы...* (там же). Перечень занятий, где вполне можно пренебречь образованием, в другом тексте продолжен *звукорежиссурой, аранжировкой, саундпродюсированием и всем, что связано с музыкой* (Алексей Файзулин, Тинькофф-журнал, 2018). Для «я»-высказываний, репрезентирующих слот ‘сфера деятельности’, характерна ироническая оценка оппонентов. В следующих высказываниях о деятелях из области живописи (Аркадий Шварцер, АПН, 2021) оценка выражена риторическим вопросом, эпатажным сопоставлением образованного теоретика искусства с незадачливым дегустатором вин, антитезой лох – жрец:

Некий человек выучил фамилии художников, их биографии, все стили и соответствующие им эпохи, заучил терминологию и что – он разбирается?;

⁶ Орфография и пунктуация авторов сохранены.

Память хорошая, а вкуса нет – ну не может человек на вкус отличить вино от ослиной мочи. Вопрос: он знаток вин? (Аркадий Шварцер, АПН, 2021); Тебя боги не услышат, ты – лох, дай денег жрецу, и он донесёт по инстанции. Ты не разбираешься в себе и своих проблемах, ты – лох, дай денег психологу или психоаналитику, и он всё про тебя объяснит.

Отношение к деятельности: удовольствие, интерес

Слот номинируется лексикой со значением эмоциональной вовлечённости в деятельность: «затягивало мое хобби»; « [об образовании] ... я решил, что хватит тратить время и деньги на то, что не приносит удовольствия» (Алексей Файзулин, Тинькофф-журнал, 2018). Образ неспециалистов наполняется смыслами, свойственными значению «любитель» [Костина 2020а]: 'любит делать что-либо', 'получает удовольствие'.

Проживание деятельности: личная история

Общей особенностью высказываний неспециалистов становится выраженная самопрезентация, открытость «я». Самопрезентация происходит в форме личной истории – нарратива о пути получения опыта. Стиль текстов – непринуждённый, близкий к разговорному: *У меня понимание того, чем я хочу заниматься пришло классе так в восьмом-девятом, потом, за полгода до окончания школы, я получил приглашение от Тёмы Лебедева работать в студии, закончил школу и приехал в Москву (Антон Герасименко, The Village, 2009); Я учился в МГИМО: один раз меня выгнали, два раза сам бросал (Василий Эсманов, The Village, 2009); Вернувшись в Китай, я пригласил друзей к себе домой, чтобы сообщить им, что я собираюсь отчислиться из университета и начать работу в Интернете (Джек Ма, Forbes, 2021).*

Для сравнения приведём реакцию на самопрезентацию неспециалистов представителя тех, для которых этот новый тип – «обычные дилетанты»: *Мораль сей басни такова: если ты в чём-то не разбираешься, скажи об этом честно. Не кичись, не скрывай свою неосведомлённость. Просто скажи: «Я в этой теме не сильна, простите». И тогда тебя невозможно будет задеть,*

подколоть или унизить. Честность – это про силу и спокойствие (Антон Борисов, Газета.ру, 2021). Фрагмент открывается шутливой фразеологической прамбулой, которая оценочно окрашивает дальнейшие рассуждения. Перечислены варианты развёртывания события, которые не случились в описанной ситуации (*скажи об этом честно, не скрывай неосведомлённость* и пр.). Таким образом до адресата доводится информация: неспециалист, о котором идёт речь, по сути, дилетант: не разбирается, кичится, скрывает.

Личные качества: soft skills

К гибким навыкам относят коммуникабельность, креативность, критическое мышление, умение работать в команде, способность к самоорганизации, умение быть лидером и т.д. О данных качествах в разных лексических репрезентациях говорится в «я»-высказываниях. Согласно авторам-неспециалистам, soft skills влияют на успех деятельности и оценку со стороны работодателя: *...в такой ситуации [в условиях обучения в рамках рабочего процесса] сложно быть лентяем* (Антон Герасименко, The Village, 2009); *я бы скорее нанял на работу человека с горящими глазами, но без диплома, чем дипломированного, но безынициативного специалиста* (Алексей Файзулин, Тинькофф-журнал, 2018); *...Если у вас есть мечта, желание, у вас есть хорошая команда и стремление, то вам море по колено* (Джек Ма, Forbes, 2021).

Эмотивные средства (*сложно быть лентяем, с горящими глазами* и др.) акцентируют положительную оценку обладателя комплекса гибких компетенций: он глубоко погружён в рабочий процесс, инициативен, стремится работать. исключительно положительные коннотации в приведённом контексте имеет фразеологизм «*море по колено*», который в словаре определяется как экспрессивный разговорный со значением «ничто не страшно для кого-либо; всё нипочём кому-либо» [Фразеологический словарь 2008].

Слот ‘личные качества: soft skills’ заполнен словами и выражениями из текстов, частично полученных по поисковому запросу ‘мыслит широко’. В

соответствующих высказываниях неспециалисты дают рекомендации новичкам и «неуверенным» профессионалам, при этом тема широкого мышления раскрывается главным образом через семантику творчества. Творческое начало, творческое мышление – вариации креативности, одной из основных компетенций, относящихся к soft skills: *...Это мысленная установка [широкое мышление], которая открывает ваше творческое начало, позволяет достичь своего видения и помогает ежедневно улучшать свою жизнь; творческое мышление, «взгляд новичка»* (Катя Верресен, Ecology.md, 2018); *Я широко мыслю и потому позволяю себе принимать даже больше того, о чём мечтаю!* (Ангелина Могилевская, 365 ступеней к молодости, 2010).

Образование: ценность самообразования

Вершинный слот ‘образование’ конкретизируется в терминальном слоте номинациями «самообразование», «образованность»; соответствующие понятия оказываются более важными, чем «организованное» получение знаний. Так, для автора не имеет ценности образование, полученное при помощи образовательных «церемоний» в «учреждениях»: *Важна просто образованность. Сейчас можно быть полиматом, практически не выходя из квартиры. В мире TED'a, «Теорий и Практик», «Википедии» и «Гугла» сама образовательная церемония в учреждениях почти теряет свой смысл* (Антон Герасименко, The Village, 2009). В следующих примерах признаётся польза образовательных учреждений, но, по мнению авторов, она состоит в связях, а не в знаниях: *Существует необходимость в том, чтобы получать совместные знания. Институт в основном сейчас даёт связи; много теории, мало практики; знание ради знания* (Василий Эсманов, The Village, 2009); *Если бы я сейчас пошёл учиться, то не столько ради знаний, сколько ради связей. По-моему, это одно из неоспоримых преимуществ высшего образования над самообразованием* (Алексей Файзулин, Тинькофф-журнал, 2018).

Документ об окончании образования для представителей нового социального типа не имеет ценности, его наличие необязательно. В

соответствующих «я»-высказываниях диплом оказывается в оценочно-негативных контекстах (*Но проблема в том, что в голове людей образование прочно увязано с получением диплома, что когда-то было справедливо, но последние лет, наверное, 10 совсем не так* (Василий Эсманов, The Village, 2009)), в том числе саркастических контекстах (*Диплом способен дать архитектору возможность построить здание, у которого будет алиби. Дизайнеру – думаю, ничего* (Антон Герасименко, The Village, 2009)). В последнем примере автор пытается опровергнуть распространенную точку зрения о том, что диплом необходим техническим специалистам; здесь термин из юридической сферы «алиби» нужен, чтобы сказать: диплом не гарантирует качества работы, а является лишь оправданием ошибок из-за некачественного образования. Для дизайнера, по мнению автора, значимо только самообразование.

Похожее положение дел можно проследить и в других примерах: *Пресловутая «корочка» нужна лишь для подтверждения факта полноценной социализации человека в коллективе (это напоминает советский анекдот про справку о том, что человек – не верблюд)* (Яндекс Дзен, 2021). Здесь автором используется лексика с ироническим оттенком. Метонимический перенос («корочка») при совместном употреблении с лексемой *пресловутая* («Пресловутый – вызвавший много толков, получивший отрицательную или сомнительную известность» [БТС 1998]) предполагает ироническую оценку автора к документу об образовании как свидетельству полученных систематических знаний. Данное заключение подтверждается и следующим примером: *Я не мог понять, зачем будущему переводчику с китайского постоянно пересдавать зачёт по античной культуре и мифологии Древней Греции или как успеваемость по физкультуре может повлиять на дальнейшую карьеру* (Алексей Файзулин, Тинькофф-журнал, 2018).

Получение опыта и навыков неспециалистами оценивается выше, чем получение знаний в образовательном учреждении. Данное обстоятельство связано с временными затратами (*Посещение института начало мешать*

получению нужных рабочих знаний) (Василий Эсманов, The Village, 2009), отсутствием интереса к выбранному направлению обучения (*Первые два курса было интересно. А дальше, когда пошла специализация – вообще никак; Хотя были и хорошие преподаватели. <...> Но все остальное – за гранью добра и зла*) (там же).

На платформе Яндекс Дзен имеются высказывания о людях недоучившихся или без образования: *не падают под жестокими ударами судьбы; привыкли к суровой критике; пристроиться там, где ботаник-очкарик не выдержит и сломится; отсутствие такового [образования] не является приговором и порой даже более полезно, чем вредно* (Яндекс Дзен, 2021). Речь идёт о тех случаях, когда двоечник становится успешнее отличника. Посредством устойчивых коллокаций *удары судьбы, суровая критика, не приговор* авторы транслируют позитивное отношение к успешным представителям нового социального типа.

В разных вариантах вербализуется идея о внеинституциональном обучении: *...Сейчас хорошие школы должны предлагать массу организационных и культурных **надстроек к образовательному процессу*** (Антон Герасименко, The Village, 2009). Речь идёт о самостоятельном развитии и возможности для будущего специалиста отбирать информацию, которая необходима для дальнейшего самосовершенствования.

Методика самообразования: опыт

Представители нового социального типа отмечают положительный результат получения полезных знаний и навыков во время рабочего процесса: *...ты сам выбираешь, какие знания и когда получать, а вместо экзаменов и оценок – реальные заказы и деньги* (Алексей Файзулин, Тинькофф-журнал, 2018); *я не успел даже попытаться получить высшее образование. У меня сложилась идеальная ситуация – **очень круто работать и получать знания одновременно*** (Антон Герасименко, The Village, 2009). В последнем тексте речь о графическом дизайне – профессии, для которой необходимо не только

знание современных технологий (в том числе программного обеспечения), но и практических навыков.

Я считаю, что лучший способ получить знания – находиться в профессиональной среде и экспериментировать. Данный пример призван подтвердить способность неспециалиста экспериментировать, действовать методом проб и ошибок, открывать новое.

Семантически положительный эффект достигается за счёт художественных приёмов (*реальные заказы, идеальная ситуация*), частиц и наречий, усиливающих значение транслируемой мысли (*даже попытаться, очень круто*).

Направленность деятельности: практика

Неспециалисты ставят самообразование во время практической деятельности на порядок выше теоретических знаний, которым обучают в образовательных учреждениях: *за два-три месяца активной работы я получил больше знаний, чем те, кто пытался учить меня в институте* (Василий Эсманов, The Village, 2009). Использование частицы *только* в значении «исключительно» предполагает, что практика, в отличие от систематического обучения, не даёт «лишней» информации: *я расту с каждым выполненным заказом, получая только необходимые навыки* (Алексей Файзулин, Тинькофф-журнал, 2018).

Позиция профессионалов (например, юристов) существенно отличается от точки зрения неспециалистов: образование – в числе главных требований для работы. *<...> человек без непрерывного опыта оперативной работы на протяжении определенного срока тоже не может стать частным детективом. Кроме того, нужно юридическое образование. Это основные требования* (Ксения Добрынина, Москвич Маг, 2021). Значимость образования достигается за счёт парцелляции: предложения разделены на чёткие смысловые сегменты. Интересно, что в понимании автора одно без другого не может существовать: *<...> иногда даже попадаешь к какой-то судье и не понимаешь, с какой планеты человек. Дрова на даче рубила,*

переделалась и пришла в суд села. Она всю жизнь страховыми спорами занималась, а тут к ней пришли сумасшедшие родители, которые делят ребёнка. Она в этом даже не разбирается (там же). Текст составлен в разговорном стиле, неопределённое местоимение передаёт пренебрежительный оттенок, частица *даже* усиливает негативный смысл. Наличие юридического образования у судьи подразумевается, но судя по экспрессивно-окрашенной лексике, его не достаточно для профессионального ведения дел.

Особенности мышления: широкое мышление

Тема широкого мышления раскрывается главным образом через семантику творчества, интенция соответствующих высказываний – побудительная (рекомендация, совет, призыв). Творческое начало, творческое мышление – вариации креативности, одной из основных компетенций, относящихся к soft skills (8 – 9): (8) ...*Это мысленная установка [широкое мышление], которая открывает ваше творческое начало, позволяет достичь своего видения и помогает ежедневно улучшать свою жизнь; творческое мышление, «взгляд новичка»* (Катя Верресен, Ecology.md, 2018); (9) *Я широко мыслю и потому позволяю себе принимать даже больше того, о чём мечтаю!* (Ангелина Могилевская, 365 ступеней к молодости, 2010). Определённый строй мышления неспециалистов охватывает широкую сферу действия: как и сколько информации они получают и воспринимают, какие компетенции им необходимы, какие реакции вызывает их отношение к профессиональной деятельности, как они мыслят.

Если бы я должен был заметить что-то новое, что бы это было? (Катя Верресен, Ecology.md, 2018). Вопросительная конструкция предполагает размышление и нацелена на расширение кругозора. Употребление прилагательного *должен* в значении «обязан сделать что-л.» предполагает необходимость действия. Это не единственный пример, когда неспециалист выступает как деятельностная личность: *когда Вы видите, слышите и чувствуете свою мечту, то Вы просто обязаны следовать за ней, каким бы*

сумасшествием это не казалось другим; когда что-либо потенциально может послужить на пользу всему человечеству, то люди просто **обязаны мыслить масштабно** (Аудио-гипноз.рф, 2020).

*«Хочется такой школьный урок, на котором в течении 45 минут тебе дают небольшие факты-зацепки **из разных сфер**».* (Антон Герасименко, The Village, 2009). Данная позиция основывается на значимости широкого кругозора, возможности заниматься несколькими сферами одновременно. Важно, что при таком обучении развиваются не специальные умения, а универсальные компетенции (например, креативность или эффективная коммуникативность) и личностные качества (например, лидерские). Причём требование мультидисциплинарности образования или самообразования обусловлено популярностью digital-среды. В примере *профессия дизайнера очень остра тем, что является мультидисциплинарной, то есть постоянно нужно впитывать информацию из **разных сфер**, чтобы выдавать свежий результат* (Антон Герасименко, The Village, 2009) прослеживается явная причинно-следственная связь между «постоянно впитывать информацию» и «выдавать свежий результат». Для данной сферы не подходит узкоспециальное образование с отточенными механизмами. Молниеносная работа цифровых каналов выдвигает на первый план креативность мышления и быструю ориентацию в мировом информационном потоке. Поэтому умение неспециалиста «хвататься за всё» и получать результат набирает все большую популярность во многих сферах.

Схожая позиция: *кто-то называет это «**взглядом новичка**», но сама концепция **выходит за рамки** банального невежества в вопросе; воспринимать суждения и предположения, **не сужая** свой взгляд **никакими ограничениями*** (Катя Верресен, Ecology.md, 2018). Неоспециалист, придерживающийся такой концепции, имплицитно противопоставлен дилетанту в традиционном понимании.

Существует и резко негативная точка зрения, причём высказанная не неоспециалистами, а узкими специалистами о представителях нового

социального типа, «широких» специалистах: *Люди занимаются всем и ничем одновременно. Мне кажется, быть мастером одновременно по всем видам спорта невозможно. Нужно быть специалистом в какой-то своей узкой деятельности* (Ксения Добрынина, Москвич Маг, 2021). Кроме того, профессионалы критикуют неспециалистов, рассуждающих на злободневные темы. Так, «бум» в Интернете вызвали слухи и высказывания непрофессионалов о вакцинации (*Рассуждать о том, что ты не знаешь, в чем не разбираешься, – это невежество. Если есть вопросы, обратитесь к специалисту. Есть врачи-иммунологи, доктора, которые занимаются вакцинацией. Они прошли обучение, они компетентны* (Марина Бойцова, СПб Дневник, 2021)). Здесь имплицитное противопоставление: доктора – занимаются вакцинацией (опыт), прошли обучение, компетентны, остальные – некомпетентны.

Результат деятельности: доход

Дискурс о неспециалистах предполагает наличие в текстовых репрезентациях информации не о результатах деятельности, а о самом процессе, в то время как тексты неспециалистов о себе уместно рассматривать в контексте самопрезентационного дискурса. Их личное отношение к отсутствию образования порождает желание поделиться положительным опытом, полученным вопреки общепринятым нормам. Одним из компонентов деятельности неспециалиста является создание позитивного имиджа, т.к. «сегодня умение сформировать индивидуальный имидж является важной составляющей воспитанности современной личности, в этой связи в последнее время все больше людей рассматривают самопрезентацию как одно из определяющих средств достижения социального успеха» [Медведева, 2013 : 3].

Если сравнивать с вакансиями преподавателей и переводчиков с китайского, то я получаю в полтора-два раза больше;

Сейчас в моей клиентской базе около 400 человек, средний доход – где-то 150 тысяч в месяц. И это далеко не предел: в особо удачные месяцы и сейчас выходит больше 200 тысяч;

Если спрос вырастает, у меня есть выбор: либо работать больше, либо уравновесить его, подняв цены, и получать больше при меньшем объёме работы. Наёмные сотрудники такого, как правило, лишены (Алексей Файзулин, Тинькофф-журнал, 2018).

Подобные «истории успеха» чаще всего встречаются в сфере бизнеса, предпринимательства. Например, Джек Ма, основатель Alibaba, в мотивационных речах делится историей своего бизнеса: *В результате через пять-шесть лет все мы неожиданно разбогатели, и у всех нас появилось чувство выполненного долга. Почему? Я думаю, это потому, что мы верили, что мы обычные люди и работаем командой. Поэтому я считаю, что предпринимателям чрезвычайно важно обрести мечту, дать себе обещание и сохранить настойчивость (Джек Ма, Forbes, 2021).*

В тексте используются личные и определительные местоимения в разных грамматических формах – *мы, все мы, всех нас*. Данные средства указывают на групповую идентичность, которая выражается, в том числе, с помощью номинативных форм *обычные люди, команда, предприниматели*. Исходя из контекста, понимаем, что речь идёт о команде людей без специального образования, которые добились своих целей благодаря личным качествам.

Фреймирование профессиональной деятельности неспециалиста показало специфические дискурсивные особенности их текстов. Ими являются демонстрация успешности, несмотря на неоконченное образование или полное его отсутствие, оптимизм, желание обучаться во время рабочего процесса, открытость. Во мнениях о деятельности представителей нового социального типа со стороны образованных специалистов прослеживаются резко негативные тенденции: непризнание, критика.

В результате исследования составлен фрейм «Профессиональная деятельность неспециалиста» (табл. 1). Во фрейм включено девять вершинных слотов с высоким уровнем абстракции. Каждый вершинный слот уточняется факультативными узлами (терминалами) (soft skills, интересы, ценность образования и пр.). В качестве примеров приведены текстовые репрезентации каждого терминала.

Таблица 1. Фрейм ‘Профессиональная деятельность неспециалиста’

Вершинные слоты	Терминальные слоты	Текстовые репрезентации
Сфера деятельности	→ Гуманитарий	– <i>Тебя боги не услышат, ты – лох, дай денег жрецу, и он донесёт по инстанциям. Ты не разбираешься в себе и своих проблемах, ты – лох, дай денег психологу или психоаналитику, и он всё про тебя объяснит</i> (Аркадий Шварцер, АПН, 2021).
Отношение к деятельности	→ удовольствие, интерес	– <i>затягивало моё хобби;</i> – <i>я решил, что хватит тратить время и деньги на то, что не приносит удовольствия</i> (Алексей Файзулин, Тинькофф-журнал, 2018).
Проживание деятельности	→ Личная история	– <i>Я учился в МГИМО: один раз меня выгнали, два раза сам бросал</i> (Василий Эсманов, The Village, 2009). – <i>Вернувшись в Китай, я пригласил друзей к себе домой, чтобы сообщить им, что я собираюсь отчислиться из университета и начать работу в Интернете</i> (Джек Ма, Forbes, 2021).
Личные качества	→ Soft skills	– <i>я бы скорее нанял на работу человека с горящими глазами, но без диплома, чем дипломированного, но безынициативного специалиста</i> (Алексей Файзулин, Тинькофф-журнал, 2018).

		– я широко мыслю и потому позволяю себе принимать даже больше того, о чём мечтаю! (Ангелина Могилевская, 365 ступеней к молодости, 2010).
Образование	→ ценность самообразования	– Пресловутая «корочка» нужна лишь для подтверждения факта полноценной социализации человека в коллективе (это напоминает советский анекдот про справку о том, что человек – не верблюд) (Яндекс Дзен, 2021). – Посещение института начало мешать получению нужных рабочих знаний) (Василий Эсманов, The Village, 2009).
Методика самообразования	→ Опыт	– ты сам выбираешь, какие знания и когда получать, а вместо экзаменов и оценок – реальные заказы и деньги (Алексей Файзулин, Тинькофф-журнал, 2018). – У меня сложилась идеальная ситуация – очень круто работать и получать знания одновременно (Антон Герасименко, The Village, 2009)
Направленность деятельности	→ Практика	– за два-три месяца активной работы я получил больше знаний, чем те, кто пытался учить меня в институте (Василий Эсманов, The Village, 2009). – я расту с каждым выполненным заказом, получая только необходимые навыки (Алексей Файзулин, Тинькофф-журнал, 2018).
Особенности мышления	→ Широкое мышление	– люди просто обязаны мыслить масштабно. (Аудио-гипноз.рф, 2020). – Хочется такой школьный урок, на котором в течении 45 минут тебе дают небольшие факты-зацепки из разных сфер (Антон Герасименко, The Village, 2009).

Результат деятельности	→ Доход	<p>– Если сравнивать с вакансиями преподавателей и переводчиков с китайского, то я получаю в полтора-два раза больше (Алексей Файзулин, Тинькофф-журнал, 2018).</p> <p>– В результате через пять-шесть лет все мы неожиданно разбогатели, и у всех нас появилось чувство выполненного долга (Джек Ма, Forbes, 2021).</p>
------------------------	---------	--

Сконструированный фрейм позволяет вывести и прокомментировать определение неспециалиста. **Неспециалист** – тот, (1) чья деятельность относится, как правило, к гуманитарным отраслям знания, (2) кто получает от неё удовольствие, (3) открыто делится личной историей, (4) ценит образованность, а не образование, (5) нацелен на практическую деятельность, получение опыта, (6) активно развивает гибкие навыки и способность широко мыслить.

1. Неспециалист тяготеет к творческим специальностям: дизайнер, фотограф, художник, режиссёр, сценарист, менеджер, музыкант, психоаналитик, знаток вин, искусствовед.

2. Субъективная модальность высказываний неспециалиста о своей деятельности предполагает в нём сходство с любителем. В корпусе текстов встречаются репрезентанты *хобби, увлечение*, имеющие смежные смысловые признаки.

3. Для дискурса неспециалиста характерны определённые жанровые проявления. Важность пути получения опыта проявляется в выборе таких жанров, как мотивационная речь и самопрезентация.

4. Неспециалист не считает системное образование необходимостью, воспринимает его как бесполезную трату времени. Самосовершенствование, саморазвитие, в том числе с помощью онлайн-сервисов, получение практического опыта – его главные приоритеты. Самостоятельное обучение вытесняет из коммуникативного пространства неспециалиста статусно-

ролевые отношения, присущие образовательному социальному институту. Дискурс неспециалиста – не институциональный; он включает в себе идею «особой значимости внеинституциональных социальных практик в парадигме человеческого существования – как универсальной предпосылки всех форм человеческой активности, имеющей специфическую структуру» [Тубалова 2016 : 12].

5. Неспециалист избирает в качестве методики образования получение знаний в процессе активной работы, склонен экспериментировать.

6. Неспециалист стремится развивать гибкие навыки, поскольку они «не зависят от сферы предмета деятельности, профессии, рабочего места, <...> динамичны, т.е. могут и должны совершенствоваться с течением времени («образование на протяжении всей жизни»), а также в зависимости от ситуации и контекста, выступая не в роли алгоритмов, инструкций, а скорее как рамки, фреймы, паттерны поведения, наполняющиеся актуальными смыслами и задающие непрерывный поиск таких смыслов» [Ермаков 2020 : 107]. Такие свойства неспециалиста, как *инициативность, умение работать в команде, креативность, творческое мышление*, представляют его как сторонника мультидисциплинарного подхода к обучению и работе.

Завершим этот параграф важным, на наш взгляд, промежуточным выводом. Упрочение в системе социальных знаний фигуры неспециалиста влияет на лингвистический статус дилетанта: лексема «дилетант» приобретает признаки нотиолизма. Говоря о трансформациях лексики и устаревании понятий, Б. Ю. Норман отмечает, что «“становление неактуальным” характеризует уже не столько саму реалию, сколько носителя языка, его взгляды. Говоря по-иному, отнести устаревающее слово к тому или иному подклассу – значит учесть не только положение обозначаемой реалии в мире предметов, но и место понятия об этой реалии в мире человеческого знания!» [Норман 2016 : 26]. Б. Ю. Норман предлагает в указанной ситуации использовать термин «нотиолизм» – «слово, уходящее из лексикона по причине утраты носителем языка соответствующего понятия, при том что сама

реалия (референт, денотат) как элемент объективной действительности сохраняется» [Норман 2016 : 27]. Автор считает номиологизмы неочевидными (в отличие от материальных изменений культуры социума) свидетельствами перестройки концептуального аппарата языкового коллектива [Норман 2016 : 27].

Устаревание понятия – долгий процесс, и номинации дилетанта ещё далеко до архаизма, однако, как будет показано в 3-ей главе, симптомы этого процесса имеют место.

2.5. Выводы

Глава «Лингвистическое моделирование социального типа *дилетант* по результатам наблюдения за языком и речью» посвящена реконструкции модели *ДИЛЕТАНТ* с опорой на её свойства. Проанализировано номинативное поле концепта ‘дилетант’, в ядерную зону которого вошли синонимы ключевого понятия, продублированные в словарях: *непрофессионал; неспециалист; любитель; неопытный; профан; графоман*. Периферию составили синонимические ряды ядерной зоны (*аматёр, рифмоплёт, незнаток*). На всех уровнях номинативного поля концепта проявилась сема ‘сфера деятельности’. Наиболее часто дилетантизм проявляется в науке, искусстве (в том числе литературном творчестве, музыке).

С помощью лексикографических источников сформированы когнитивные признаки концепта ‘дилетант’: ‘без систематических знаний’, ‘плохо разбирается’, ‘имеет поверхностные знания’, ‘без специальной / профессиональной подготовки’, ‘наслаждение’, ‘любит что-либо’, ‘занимается чем-либо для себя’, ‘хобби’. Смысловое пространство концепта определилось следующими составляющими: отсутствие специальных знаний; отсутствие опыта (практической подготовки); любимое дело, увлечение.

На этапе анализа текстовых репрезентаций выявлены признаки ‘непрофессионал’ и ‘неспециалист’, олицетворяющие качественную неоднородность и структурную сложность модели *ДИЛЕТАНТ*. Первый

признак проявился в контекстах о недостатке опыта, практических навыков, второй – об отсутствии образования и систематических базовых знаний.

Исходя из замечания О. К. Ирисхановой о том, что точные репрезентации (в нашем случае – словарные дефиниции) «не всегда являются целью познания» и что иногда необходимы репрезентации, приблизительно или даже искаженно указывающие на свойства объектов, исследован фактор неопределённости модели *ДИЛЕТАНТ* [Ирисханова 2014 : 13]. Образность-содержащие контексты (индикатор неопределённости) расширили смысловое пространство модели признаками ‘всеядность дилетанта’, ‘без ограничений’, ‘широко мыслит’ и др., акцентировали внимание на деятельностном аспекте.

Свойство неопределённости проявилось в контекстах, содержащих метафоры, фразеологические единицы, перифразы, иронию. Совокупность всех перечисленных средств, находящихся в материалах НКРЯ в непосредственной близости от леммы «дилетант», позволила сконструировать фрагмент национальной языковой картины мира, связанный с образным осмыслением социального типа. При этом модель охарактеризована как вариативная, изменчивая, подвижная, выполняющая функцию социальной адаптации и «подстраивания» под представления любого носителя языка и культуры. Фактор неопределённости в такой модели раскрывает значимость отдельных элементов социального мира.

Другой индикатор неопределённости – избыточность номинаций в перечислительном ряду, обращение к которой стало продуктивной процедурой описания глубинных смыслов модели. Кроме «ожидаемых» признаков (‘не знает’, ‘не умеет’), на данном этапе модель *ДИЛЕТАНТ* дополнилась признаками с положительным фоном ‘мыслит нестандартно’, ‘не ограничен рамками’, ‘открыт для новых знаний’.

Исследование свойства частичной порождаемости в текстах позволило говорить о неоднородности и разноплановости модели: во внутритекстовых связях слова «дилетант» проявился смысл ‘разная степень дилетантизма’ (от *полного* дилетанта до *образованного*); сфера деятельности дилетанта

отразилась на структуре смысловых признаков модели (введение в текст таких синонимов, как *непрофессионал* и *неспециалист*); оценочной характеристике дилетанта оказался свойствен разный уровень экспрессивности.

Анализ дискурса непрофессионального детективного рассказа показал, как дилетант проявляет себя с речевой стороны, тем самым приобретая черты языковой личности. Непрофессиональная проза определена как часть текущих социальных и дискурсивных практик, порожденных условиями интернет-коммуникации, а также как симптоматичное проявление самореализации дилетанта.

Трансформации социального типа *дилетант* смоделированы во фрейме «Профессиональная деятельность *неоспециалиста*». Особый интерес здесь вызвали жанры, которыми представлены «я»- и «они»-высказывания. В первом случае – это самопрезентация, мотивирующая речь, мотивационная программа (фрагмент книги), статья, обзор; во втором – интервью и комментарии. В жанровом построении дискурса отразились способности языковых личностей, для которых актуален феномен неоспециалиста, организовывать языковой материал в связный текст, а также логично и убедительно выстраивать речь. В роли неоспециалистов выступили в большей степени представители творческих специальностей (дизайнер, музыкант). Сделан вывод, что самостоятельное обучение вытесняет из коммуникативного пространства неоспециалиста статусно-ролевые отношения, присущие образовательному социальному институту. В качестве методики самообразования предпочтение отдаётся приобретению знаний во время практики. В речевой самопрезентации неоспециалист проявился как сторонник мультидисциплинарного подхода к получению знаний, что коррелирует с выявленными ранее смысловыми признаками ‘всеядность дилетанта’, ‘мыслит широко’.

Глава 3. Лингвистическое моделирование социального типа *дилетант* по экспериментальным данным

3.1. Семантический гештальт ассоциативного поля *дилетант*

Материал для создания ассоциативного поля «дилетант» получен с помощью свободного ассоциативного эксперимента с авторским дополнением, а именно расширением возможности ассоциирования. Вместо просьбы указать одну ассоциацию на слово-стимул «дилетант» анкета имела вид: «Напишите первое, что приходит на ум, когда Вы слышите слово «дилетант». Пожалуйста, не задумывайтесь над ответом». Респонденты получили возможность замещать краткие реакции более подробными, что позволило расширить эмоционально-оценочную составляющую ответов.

Эксперимент проведён в августе – октябре 2022 года. Выборка респондентов составила 300 человек: по 75 мужчин и женщин в возрасте 18 – 35 лет, по 75 мужчин и женщин старше 35 лет.

Структурирование ассоциативного материала методом семантического гештальта позволило представить семантические зоны, выделяемые из общего круга лексики, использованной участниками опроса, как целостную систему, упорядочивающую разнообразие представлений о дилетанте. Таким образом, на основе полученных материалов смоделированы два ассоциативных поля слова-стимула «дилетант». Каждое ассоциативное поле представлено в виде семантического гештальта.

Материал распределён по ассоциативным полям в соответствии с возрастными показателями (реакции респондентов 18 – 35 и старше 35 лет). Наименования зонам присвоены по наиболее частотной реакции (например, *непрофессионал*) либо по обобщающей реакции, находящейся в пределах одной семантической зоны (*личные качества*). Последовательность зон выстроена в соответствии с суммарной частотой формирующих её реакций. Включение реакций в ту или иную зону обусловлено их языковым значением,

а также выявленными в параграфах 2.1 – 2.3 смысловыми признаками понятия «дилетант». Внутри зоны реакции сгруппированы по убыванию частоты.

Ассоциативное поле *дилетант* (респонденты 18 – 35 лет)

Получено реакций на слово-стимул «дилетант» – 150. В реакциях сохранена авторская орфография и пунктуация.

ДИЛЕТАНТ – новичок (12); непрофессионал (11); неопытный (9); любитель (8); неумеха (6); не разбирается (2); нейтральная (2); обманщик (2); пренебрежение (2); тупой (2); без опыта человек; без профессионального образования; бесполезный; боль (отчаяние, смирение); военный; всё равно; выпендрёжник; высокомерный; герой из русской классики; глупец; глупый; девственный; диалект; журнал; интеллигент; компетенция человека в каком-либо вопросе, оставляющая желать лучшего; поверхностное знание; лошара; малоопытный; мошенник; наивный человек; начальный уровень работника; не знаю что это; не компетентен в определённом вопросе; не опытный; не очень хороший человек; не смыслящий (не знает, о чем говорит, малоопытен); не умеет, не разбирается; невежа; невежество, самонадеянный; негативное; недоверие; неквалифицированный специалист, возможно скрывающий неопытность; некомпетентность; некомпетентный; ненадежный; неопытность; неосведомленный; несведущий в каком то деле; неумелый, новичок; неумеющий что-то; неумеха, обманщик; новичок в каком либо деле с малым опытом; новичок, неопытный; новичок, неподготовленный человек; ну дилетант и дилетант, че бубнеть то; обман; обманщик, человек строящий из себя больше, чем есть на самом деле; обычный человек; осторожность; ответственный; ошибка; педантичный человек; плохо; поверхностно осведомлённый человек; положительно; положительная; представляется какой-то скрытный, подозрительный человек; представляется человек, который является каким-то шпионом, или косячником; преступник; придирчивый; приходит на ум, что кто-то в чем-то накосячил) :D; простак; против правил; профан; профессионал своего дела, правильный; расстрел; самоучка; скрупулёзный; слабак; слабо разбирающийся в теме человек;

смущение; совсем не профи, я бы к нему не обратилась; студент; так нас вечно, и не только, называла начальным класс рук; тот, кто делает вид, что выполняет работу хорошо, но при этом ничего в ней не понимает; удивление; умный человек; халтура, небрежность; хорошее впечатление; человек; человек, впервые делающий дело; человек, качество работы которого зависит от уровня его познаний; человек, который делает вид, что смыслит в какой-л деятельности на более высоком уровне, чем это есть на самом деле; человек, который не имеет достаточных знаний и/или умений в определённой области; человек не опытный в каком-либо деле; человек, плохо знающий что-либо; человек плохо разбирающийся в чем либо; человек с ошибочным мнением о себе; человек что-то изучающий; что-то непрофессиональное, любительское. Ну и Шлиман конечно; что-то простое и не ответственное; что-то умное; это не очень хороший работник; это я.

Семантический гештальт ассоциативного поля *дилетант*
(респонденты 18 – 35 лет)

Состоит из семи семантических зон (в реакциях сохранена авторская орфография и пунктуация):

1) **новичок** (12) – девственный; начальный уровень работника; новичок в каком либо деле с малым опытом; новичок, неопытный; новичок, неподготовленный человек; студент; человек, впервые делающий дело; человек что-то изучающий (1).

2) **непрофессионал** (11) – любитель (8); без профессионального образования; компетенция человека в каком-либо вопросе, оставляющая желать лучшего; некомпетентность; некомпетентный; самоучка; совсем не профи, я бы к нему не обратилась; человек, качество работы которого зависит от уровня его познаний; человек, который не имеет достаточных знаний и/или умений в определённой области; что-то непрофессиональное, любительское. Ну и Шлиман конечно; это не очень хороший работник (1).

3) **неопытный** (9) – без опыта человек; малоопытный; не опытный; не смыслящий (не знает, о чем говорит, малоопытен); неопытность; человек не опытный в каком-либо деле (1).

4) **неумеха** (6) – не умеет, не разбирается; неумеющий что-то; приходит на ум, что кто-то в чем-то накосячил) :D; профан; халтура, небрежность (1).

5) **не разбирается** (2) – поверхностное знание; не компетентен в определенном вопросе; неосведомленный; несведущий в каком то деле; поверхностно осведомлённый человек; слабо разбирающийся в теме человек; человек, плохо знающий что-либо; человек плохо разбирающийся в чем либо (1).

6) **обманщик** (2) – мошенник; недоверие; неквалифицированный специалист, возможно скрывающий неопытность; неумеха, обманщик; обман; обманщик, человек строящий из себя больше, чем есть на самом деле; представляется какой-то скрытный, подозрительный человек; представляется человек, который является каким-то шпионом, или косячником; преступник; тот, кто делает вид, что выполняет работу хорошо, но при этом ничего в ней не понимает; человек, который делает вид, что смыслит в какой-л деятельности на более высоком уровне, чем это есть на самом деле (1).

7) **личностные качества** – пренебрежение (2), тупой (2); бесполезный; выпендрёжник; высокомерный; глупец; глупый; интеллект; лошара; наивный человек; невежа; невежество, самонадеянный; не очень хороший человек; негативное; ненадежный; осторожность; ошибка; плохо; придирчивый; простак; против правил; скрупулёзный; слабак; человек с ошибочными мнением о себе; что-то простое и не ответственное (1).

В отдельные группы вошли реакции, дополняющие семантический гештальт, но не вошедшие в основные семантические зоны:

– нейтральная оценка: *нейтральная (2); всё равно; журнал; ну дилетант и дилетант, че бубнет то; обычный человек; человек (1);*

– реакции, ярко выражающие эмоцию респондента на слово-стимул, но не значение понятия «дилетант»: *боль (отчаяние, смирение); положительно;*

положительная; смущение; так нас вечно, и не только, называла начальный класс рук; удивление; это я (1);

– реакции, антонимичные понятию «дилетант»: *ответственный; педантичный человек; профессионал своего дела, правильный (1);*

– сопоставимые со словом-стимулом не по семантике, а по звучанию: *диалект (1);*

– немотивированные либо слабомотивированные реакции: *военный; герой из русской классики; не знаю что это; расстрел; что-то умное (1).*

Наиболее частотная реакция респондентов 18 – 35 лет – **новичок** (12), поэтому она называет первую семантическую зону. Реакции данной зоны (всего 20 реакций) оценивают дилетанта нейтрально, как человека, находящегося в начале пути, начинающего заниматься чем-либо.

В зону **непрофессионал** (11) входит 29 реакций, которые репрезентируют уровень вовлеченности дилетанта в профессию, что частично отражает смысловой признак, выявленный в параграфе 2.4, ‘степень дилетантизма’: *совсем не профи; любитель; не имеет достаточных знаний.*

Один из респондентов привёл пример исторической личности, ставшей, по его мнению, воплощением дилетантизма: *Ну и Шлиман конечно* [Генрих Шлиман – немецкий предприниматель и археолог-самоучка, разрушивший несколько культурных слоёв Трои, чтобы добраться до кладов – В. К.]. Тем не менее, в целом респонденты 18 – 35 лет не связывают дилетанта с конкретной профессией. В Русском ассоциативном словаре слово-стимул *профессионал* (*непрофессионал* отсутствует) даёт реакции, называющие конкретные профессии или занятия, например, *убийца (5), боксёр (4), актёр (2), вор (2)*, либо содержащие признак ‘сфера деятельности’ – в своём деле (5), дело (5). В данной семантической зоне указание на сферу деятельности присутствует в 2-х случаях их 29-ти: *компетенция человека в каком-либо вопросе (1); человек, который не имеет достаточных знаний и/или умений в определённой области (1).* В трёх реакциях отражён смысловой признак ‘нет компетенций’, что

может свидетельствовать о возрастающей роли компетенций как смыслового компонента *профессионала* и *специалиста*.

В целом зона **непрофессионал** носит негативный характер, за исключением реакции *любитель*, которая может иметь как положительные, так и отрицательные коннотации.

Реакции, вошедшие зону **неопытный** (9), характеризуют дилетанта как человека, не набравшегося опыта. Всего в зоне 15 реакций, указывающих на отсутствие или недостаток опыта, в том числе на недостаток знаний (*не смыслящий (не знает, о чем говорит, малоопытен)* (1)), признак ‘сфера деятельности’ (*человек не опытный в каком-либо деле* (1)).

Реакции (11 реакций), включённые в семантическую зону **неумеха** (6), репрезентируют смыслы ‘не умеет’ (*неумеющий что-то* (1)), ‘делает плохо’ (*халтура, небрежность* (1)). Часть из них имеет яркую эмоционально-оценочную коннотацию, выражающую неодобрение: *кто-то в чём-то накосячил* :D (1), *профан* (1).

Зона **обманщик** (2) содержит реакции, отождествляющие дилетанта с нечестным человеком (*мошенник* (1), *неумеха, обманщик* (1), *представляется какой-то скрытный, подозрительный человек* (1)). Всего в зону включено 12 реакций, выражающих недоверие респондентов. Стоит отметить, что в исследованиях, проведённых до ассоциативного эксперимента, внимание на дилетанте как обманщике не заострялось, что можно трактовать как тенденцию, характерную для возрастной категории 18 – 35 лет.

Реакции в семантической зоне **не разбирается** (2) – всего 10 реакций – отрицательны по эмоциональной окраске, однако не содержат экспрессивной лексики. Они отражают выявленные ранее смыслы, характеризующие дилетанта: ‘не / слабо разбирается’, ‘имеет поверхностные знания’, ‘нет знаний’.

В семантическую зону **личностные качества** вошло 28 реакций. Большинство реакций в той или иной мере соответствуют лексикографическому значению слова *пренебрегать* («проявлять

высокомерно-презрительное отношение, относиться с пренебрежением, без должного уважения к кому-либо, чему-либо» [БТС 1998: 964]). Реакции данной зоны (в сравнении с другими зонами) содержат наибольшее количество стилистически маркированной экспрессивной лексики, в том числе *тупой* (2), *глупец* (1), *невежа* (1), *простак* (1) и др. С другой стороны, в зоне присутствуют реакции со знаком полюс: *скрупулёзный* (1); *против правил* (1).

Структурирование реакций ассоциативного поля *дилетант* в виде семантического гештальта позволило выявить неоднозначность отношения респондентов к объекту исследования. Гештальт включает семь семантических зон, из которых только четыре выражают однозначную негативную оценку. Зоны **новичок** и **неопытный** состоят из реакций, предполагающих определённую стадию развития дилетанта. Зона **непрофессионал** включает реакции *любитель* (8), которые могут иметь как положительный, так и отрицательный подтекст. Для некоторых реакций, в том числе выделенных в особые группы, характерны коннотации, тяготеющие, скорее, к положительному полюсу: *против правил* (1), *скрупулёзный* (1), *положительно* (1), *это я* (1).

Ассоциативное поле *дилетант* (респонденты старше 35 лет)

Получено реакций на слово-стимул «дилетант» – 150. В реакциях сохранена авторская орфография и пунктуация.

ДИЛЕТАНТ – непрофессионал (16); новичок (12); любитель (7); неопытный (7); неспециалист (4); неумеха (4); неуч (4); несведущий человек (3); начинающий (2); недоучка (2); незнайка (2); некомпетентный человек (2); профан (2); человек, который не разбирается в вопросе (2); безпринципный; выдаёт себя за другого. Пытается выглядеть лучше не являясь таким; дилетант; дилетант делает с удовольствием, любит доказывать свою точку зрения; журнал; знающий неглубоко; лажа; лох; мало знающий, не профессионал; мало понимает; малозначащий; много читающий, умный; молодой; начинающий (непрофессиональный); начинающий, новичок в чем-то;

не знающий; не знающий человек; не образованный; не понимающий; не разбирается в чем-то; не разбирающийся в теме; не умелый; невежда; недоспециалист; незнание; незнающий (неумелый, не разбирающийся); незнающий, профан; не знающий свое дело человек; не компетентный; не компетентный в данной области, человек; не осведомлённый; не профессионал. Политическая элита РФ. Программист 1С; некомпетентность; некомпетентный в чем-либо; некомпетентный человек, любитель; некомпетентный человек. Причем в отрицательной окраске; некто, убеждённый в умелости и важности своего высказывания, хотя явно видно, что он видит только «вершину айсберга» и не имеет понятия обо всей широте рассматриваемого явления; неосведомлённый; неполностью знающий предмет исследования; непрофессионал, графоман; непрофессионал, самоучка; непрофессионализм, инфантильность, самоуверенность; непрофессиональный человек; неумеха с ЧСВ [чувство собственной важности – В.К.]; неуч, незнающий азов; ничего; новичек; новичок, ничего не знающий, но рвущийся в бой; нормальная; обладающий поверхностными знаниями; ответственный человек; отрицательная; отстранение; отсутствие опыта в определенных вопросах; поверхностно; поверхностно в теме; поверхностный; поверхностный человек; положительная; презрение; простак, обыватель, новичек; простой человек; профан, непрофессионал; профанация; пустомеля; пытающийся показать\взять работу, где требуются определенные компетенции, которых у него на самом деле нет; разбирающийся в чем то поверхностно; реакция не полного доверия; случайный человек; стажёр; творческий человек; человек без глубоких знаний; человек, знающий немного о многом; человек, имеющий основные, возможно поверхностные знания во многих отраслях; человек который не обладает информацией и опытом в обсуждаемом вопросе; человек, который осуществляет профессиональную деятельность без соответствующих навыков и компетенций; человек не разбирающийся в профессии; человек, несведущий в каком-либо вопросе;

человек, обладающий поверхностными знаниями; человек, плохо разбирающийся в вопросе; человек узкого кругозора (1).

Семантический гештальт ассоциативного поля *дилетант* (респонденты старше 35 лет)

Состоит из семи семантических зон (в реакциях сохранена авторская орфография и пунктуация):

1) **непрофессионал** (16) – любитель (7); неумеха (4); профан (2); мало знающий, не профессионал; не умелый; не знающий свое дело человек; не профессионал. Политическая элита РФ. Программист 1С; некто, убеждённый в умелости и важности своего высказывания, хотя явно видно, что он видит только «вершину айсберга» и не имеет понятия обо всей широте рассматриваемого явления; непрофессионал, графоман; непрофессионал, самоучка; непрофессионализм, инфантильность, самоуверенность; непрофессиональный человек; профан, непрофессионал; пытающийся показать\взять работу, где требуются определенные компетенции, которых у него на самом деле нет; человек который не обладает информацией и опытом в обсуждаемом вопросе; человек, который осуществляет профессиональную деятельность без соответствующих навыков и компетенций; человек не разбирающийся в профессии (1).

2) **новичок** (12) – начинающий (2); молодой; начинающий (непрофессиональный); начинающий, новичок в чем-то; новичек; новичок, ничего не знающий, но рвущийся в бой; простак, обыватель, новичек; стажёр (1).

3) **неспциалист** (4) – неопытный (7); неуч (4); недоучка (2); не образованный; недоспециалист; неуч, незнающий азов; отсутствие опыта в определенных вопросах (1).

4) **не разбирается** – несведущий человек (3); незнайка (2); человек, который не разбирается в вопросе (2); знающий неглубоко; мало понимает; не знающий; не знающий человек; не понимающий; не разбирается в чем-то; не разбирающийся в теме; невежда; незнание; незнающий (неумелый,

неразбирающийся); незнающий, профан; не осведомлённый; неосведомлённый; неполностью знающий предмет исследования; обладающий поверхностными знаниями; поверхностно; поверхностно в теме; поверхностный; поверхностный человек; разбирающийся в чем то поверхностно; человек без глубоких знаний; человек, несведущий в каком-либо вопросе; человек, обладающий поверхностными знаниями; человек, плохо разбирающийся в вопросе; человек узкого кругозора (1).

5) **некомпетентный человек** (2) – не компетентный; не компетентный в данной области, человек; некомпетентность; некомпетентный в чем-либо; некомпетентный человек, любитель; некомпетентный человек. Причем в отрицательной окраске (1).

б) **субъективная оценка личности** – безпринципный; дилетант делает с удовольствием, любит доказывать свою точку зрения; лох; малозначащий; много читающий, умный; неумеха с ЧСВ; ответственный человек; отрицательная; отстранение; положительная; презрение; профанация; пустомеля; творческий человек (1).

В отдельную группу вошли реакции, соотносимые с выявленным ранее (параграф 2.3.1) смысловым признаком дилетанта 'мыслит широко': человек, *знающий немного о многом; человек, имеющий основные, возможно поверхностные знания во многих отраслях* (1).

Реакции, сопоставимые по семантике с зоной **обманщик** в ассоциативном поле респондентов 18 – 35 лет: *выдаёт себя за другого. Пытается выглядеть лучше не являясь таким; лажка; реакция не полного доверия* (1).

Слабо мотивированные реакции, а также нейтральные реакции, не вошедшие в основные семантические зоны: *дилетант; журнал* (существует журнал «Дилетант»); *ничего; нормальная; простой человек; случайный человек* (1).

В семантическую зону **непрофессионал** вошло 43 реакции, связанные с родом занятий, трудовой деятельностью. Причём некоторые из них указывают

на конкретные направления деятельности: *политическая элита РФ, программист ИС, графоман*. Кроме того, реакции группы респондентов старше 35 лет более глубоко характеризуют дилетанта с позиций профессионализма, встречаются развёрнутые реакции-определения: *некто, убеждённый в умелости и важности своего высказывания, хотя явно видно, что он видит только «вершину айсберга» и не имеет понятия обо всей широте рассматриваемого явления* (1). В данной реакции прослеживается иносказательно выраженный смысл ‘узкий кругозор’. В двух реакциях зоны репрезентируется смысл ‘некомпетентность дилетанта’: *пытающийся показать / взять работу, где требуются определенные компетенции, которых у него на самом деле нет; человек, который осуществляет профессиональную деятельность без соответствующих навыков и компетенций* (1). Общий коннотативный фон зоны отрицательный, нейтральные или положительные смыслы могут репрезентироваться в реакциях *любитель* (7), *самоучка* (1).

Общее количество реакций в зоне **новичок** – 21, из которых 19 не окрашены эмоционально. Субъективное отношение к дилетанту наблюдается в реакции *новичок, ничего не знающий, но рвущийся в бой* (1), которую можно рассматривать частично в положительном (готов приступить делу) и в большей степени в отрицательном («не знаю броду, не суйся в воду») значении. «Новичок» в перечислительном ряду носит негативный характер: *простак, обыватель, новичек* (1).

Семантическая зона **неспециалист** (всего 21 реакция) присутствует только у респондентов старше 35 лет. В данную зону вошли реакции, связанные с отсутствием образования (*недоучка* (2); *не образованный*), опыта (*неопытный* (7)) и знаний (*неуч* (4)), не привязанных к определённой профессии. Здесь же проявляется ‘степень дилетантизма’: *недоспециалист* (1), *неуч, незнающий азов* (1).

Семантическая зона **не разбирается** включает 33 реакции и репрезентирует смыслы ‘не знает’, ‘не понимает’, ‘не / слабо разбирается’

(*знающий неглубоко* (1), *мало понимает* (1), *не разбирается в чем-то* (1)). В семи реакциях актуализирована лексема *поверхностно*: *обладающий поверхностными знаниями* (1), *поверхностный человек* (1), *разбирающийся в чем то поверхностно* (1). Часть реакций представлена в виде перечислительных рядов: *незнающий (неумелый, не разбирающийся)* (1), *незнающий, профан* (1).

В реакциях респондентов старше 35 лет отмечается некомпетентность как качество, понижающее уровень профессионализма. Реакции, в которых называется *работа, профессия*, отнесены к зоне **непрофессионал**, более обобщённые реакции выделены в семантическую зону **некомпетентный человек** (8 реакций). Один из респондентов указал на «окраску» своей реакции: *некомпетентный человек. Причем в отрицательной окраске* (1). При перечислении (*некомпетентный человек, любитель* (1)) лексема *любитель* приобретает негативный контекст.

Семантическая зона **субъективная оценка личности** (14 реакций) названа не по частотности реакции, а по обобщающей семантике, предполагающей различные характеристики личности. В неё вошли реакции с яркими отрицательными коннотациями, в том числе жаргонная лексика (*лох* (1)), просторечия (*неумеха с ЧСВ* (1), *пустомеля* (1)), лексика эмоций (*презрение* (1)) и реакции, передающие общий коннотативный фон: *положительная, отрицательная, отстранение* (1).

С помощью метода семантического гештальта ассоциативное поле *дилетант* представлено как целостная структура, отражающая определённый фрагмент языкового сознания.

Семантические зоны в гештальтах сходны по значению, следовательно, респонденты разных возрастных категорий имеют сходную языковую картину мира. Однако нельзя не заметить незначительные сдвиги в реакциях. Сравнив семантические гештальты ассоциативного поля *дилетант* двух возрастных категорий (18 – 35 и старше 35 лет), можно сделать вывод, что респонденты по-разному расставляют акценты. В реакциях опрошенных 18 – 35 лет *опыт*

выделяется как обособленная категория, значимая для характеристики дилетанта. Совокупность реакций респондентов старше 35 лет дополнительно указывает на такой аспект, как *образованность*. Данный аспект позволяет выделить зону **неспциалист**.

У респондентов старше 35 лет более определённо представлены эмоциональные реакции с положительными или отрицательными коннотациями. В исследовании подавляющее количество реакций имеют отрицательную семантику. Однако респонденты старшей группы более мотивированно называли ассоциации, имеющие позитивную направленность. Реакции *много читающий, умный (1), творческий человек (1)* можно косвенно соотнести с признаком 'мыслит широко', *дилетант делает с удовольствием, любит доказывать свою точку зрения (1)* – с ядерной лексемой дилетанта «любитель».

Часть реакций обеих возрастных категорий представляет собой перечислительные ряды. В семантических зонах такие реакции распределены по первому слову / словосочетанию. В «связке» могут находиться понятия с разной семантикой: *некомпетентный человек, любитель (1)*. Реакции могут быть организованы в виде однородных рядов с близкими по смыслу понятиями: *незнающий (неумелый, неразбирающийся) (1)*.

В обоих семантических гештальтах прослеживаются выявленные ранее смысловые признаки понятия «дилетант», в том числе признак 'сфера деятельности'. Выделяется признак 'степень дилетантизма' (*не знающий (1); мало понимает (1); недоспециалист (1); неполностью знающий (1); поверхностно в теме (1); знающий немного о многом (1)* и т.д.). Кроме того, встречаются признаки 'не знает', 'не / слабо разбирается', 'мыслит широко'.

Семантическая зона **непрофессионал** присутствует в гештальтах двух возрастных групп. Респонденты 18 – 35 лет дают более «обобщённые» реакции, связанные с *делом, вопросом*. Респонденты старше 35 лет конкретизируют вид деятельности (*графоман, программист*).

Реакции, связанные с «компетентностью» дилетанта, выделены у старшей группы в отдельную зону; встречаются 8 раз, как совместно с другими понятиями, характеризующими дилетанта, так и обособленно от них. В группе респондентов 18 – 35 лет *компетенции* проявлялись реже, указание на их отсутствие служило дополнением к непрофессионализму дилетанта.

По итогам анализа семантических гештальтов ассоциативного поля дилетант можно отметить, что отрицательная оценка понятия, преобладающая в лексикографических источниках, смещается в сторону положительного полюса у обеих категорий опрошенных.

3.2. Обыденные дефиниции «дилетант» в сопоставлении с ядерно-периферийным устройством лексического значения: данные семантического эксперимента

Цель семантического эксперимента, проведенного в октябре – ноябре 2022 г., – определить направление трансформации значения слова «дилетант» в результате сопоставления его результатов с данными словарей, изданных на рубеже XX – XXI вв. и результатами анализа НКРЯ. Семантический и ассоциативный эксперимент, проведенные в начале 20-х гг. XXI в. дополняют друг друга.

В ходе семантического эксперимента респондентам предлагалось дать определение (дефиницию) слова «дилетант». Задание было представлено в виде «Дилетант – это...». В связи с тем, что в дефинициях «дилетант», относящихся к ядерной и приядерной зонам лексического значения, «максимальна концентрация полнообразующих дифференциальных семантических признаков» [Денисенко 2018 : 627], им уделено особое внимание. Актуальность такого экспериментального исследования обусловлена потребностью в комплексном лингвистическом анализе специфических отношений внутри ядерно-периферийных участков понятия «дилетант».

В параграфе 2.1 2-ой главы построено номинативное поле концепта 'дилетант'. Напомним, что номинативное поле составлялось на основе когнитивно-семантической методики семного описания значения И А. Стернина [Стернин 2013]. Материалом для исследования послужили толковые словари и словари синонимов. Смысловое наполнение периферийных зон было уточнено на материале текстовых фрагментов из НКРЯ.

Лексемы номинативного поля и их смысловые признаки, а также смысловые признаки, актуализированные в текстах НКРЯ, стали основой для анализа экспериментальных данных.

Методика сопоставления обыденных дефиниций «дилетант» с ядерно-периферийным устройством лексического значения по данным семантического эксперимента заключалась в следующем:

1. Сформировать на основе лексикографических источников структуру языкового значения слова *дилетант* с выделением в ней ядерно-периферийных участков: ядро, приядерная зона, периферия. Зафиксировать для каждого участка перечень лексем и смысловых признаков (этот этап реализован в параграфе 2.1).

2. Распределить дефиниции, предложенные респондентами, по участкам структуры, исходя из следующих критериев:

- 2.1. С ядерной частью языковой структуры значения слова «дилетант» соотнести дефиниции, которые включают: (1) слова из этой зоны, а именно лексем *непрофессионал; неспециалист; любитель; неопытный; профан; графоман* и / или (2) кластеры, состоящие из постоянного признака, указывающего на сферу деятельности дилетанта в пресуппозитивной части значения ('занимается какой-либо деятельностью'), и переменных признаков: 'без специальной подготовки', или 'плохо разбирается', или 'не знает', или 'хобби'.

Выявить лексем и признаки, отсутствующие в ядре языкового значения.

2.2. С приядерной частью языковой структуры значения «дилетант» соотнести дефиниции, которые включают синонимы вышеуказанных ядерных лексем, выявленные по словарным источникам (*невежда, неумеха, недоучка, неуч, новичок, бездарный литератор, рифмоплёт, версификатор, щелкопёр, ремесленник, чайник, посредственность, охотливый, падкий, склонный*), и их смысловые признаки ('иметь пристрастие / склонность к чему-либо', 'непосвящённый', 'действовать с энтузиазмом').

Выявить лексемы и признаки, отсутствующие в приядерной зоне языкового значения.

Ранг дефиниции (ядро → приядерная зона) понижается за счёт 1) отсутствия указания на сферу деятельности, как в ассертивной, так и в пресуппозитивной частях высказывания; 2) неполного состава смысловых признаков в кластерах (*человек, впервые взявшийся [новичок] за какое-то дело*); 3) наличия семантических признаков, не соответствующих языковому значению *дилетант (специалист, который плохо или недостаточно хорошо разбирается в своей сфере)*.

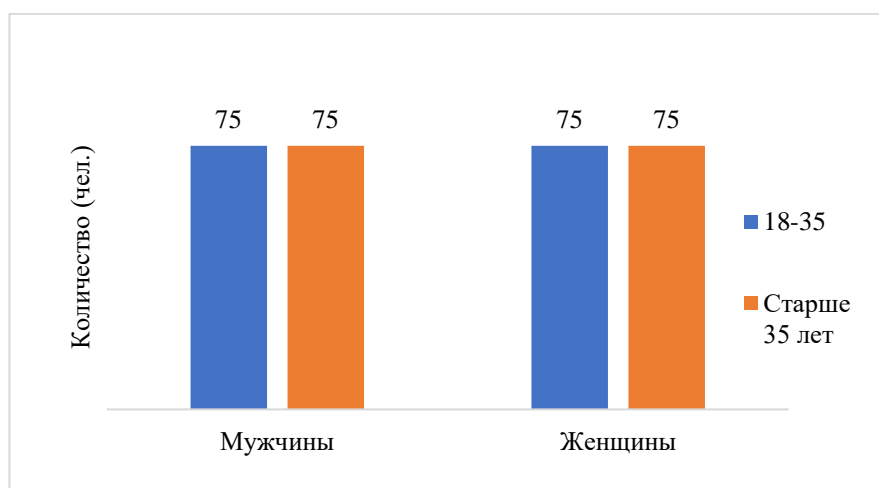
2.3. С периферийной частью языковой структуры значения «дилетант» соотнести маркеры смысловых признаков, выявленных в ходе изучения неопределённости элементов модели «дилетант»: 'не способен осуществить', 'не может воздействовать / управлять', 'без ограничений', 'быть в курсе событий', 'прогибаться', 'соответствовать', 'непостоянный', 'пассивность', 'незаинтересованность', 'слабое представление о чем-либо', 'не проявляет собственной воли', 'не способен принимать решения', 'не обдумывает последствия', 'не может развиваться', 'не имеет веской причины', 'бесцельно делать что-либо', 'имеет много свободного времени' и др. – то есть смысловые признаки, которые опосредованно либо ассоциативно связаны с лексическим значением слова «дилетант». И. А. Стернин подчёркивает ценность периферийных сем, т. к. они могут «пополнить лексикографическое описание каждого значения многочисленными ранжируемыми по яркости периферийными компонентами значения» [Стернин 2013 : 7].

Анализ дефиниций, данных респондентами, выявил смыслы, не соответствующие словарным значениям. Эти дефиниции вынесены из периферийной зоны за рамки языкового значения: *дилетант – это тот, кто недобросовестно выполняет свои обязанности, обманывает, не выкладывает «на полную»*; *слабый неуверенный в себе человек*.

Таким образом, сопоставление данных эксперимента с языковым значением слова «дилетант» позволило оценить, как трансформируются представления о дилетанте у групп респондентов, отобранных по разным демографическим критериям (пол, возраст). И. А. Стернин отмечает, что «между яркими и слабыми семами нет чёткой границы; кроме того, яркость семы может изменяться в акте речи. Возможны различия слов, основанные на разной яркости сем в ядре значения» [Стернин 2013]. Поэтому разграничение данных эксперимента по смысловому соответствию той или иной зоне в определенной степени условно.

В эксперименте приняли участие 300 человек. Среди них 150 мужчин и 150 женщин в возрасте от 18 до 83 лет (диаграмма 1).

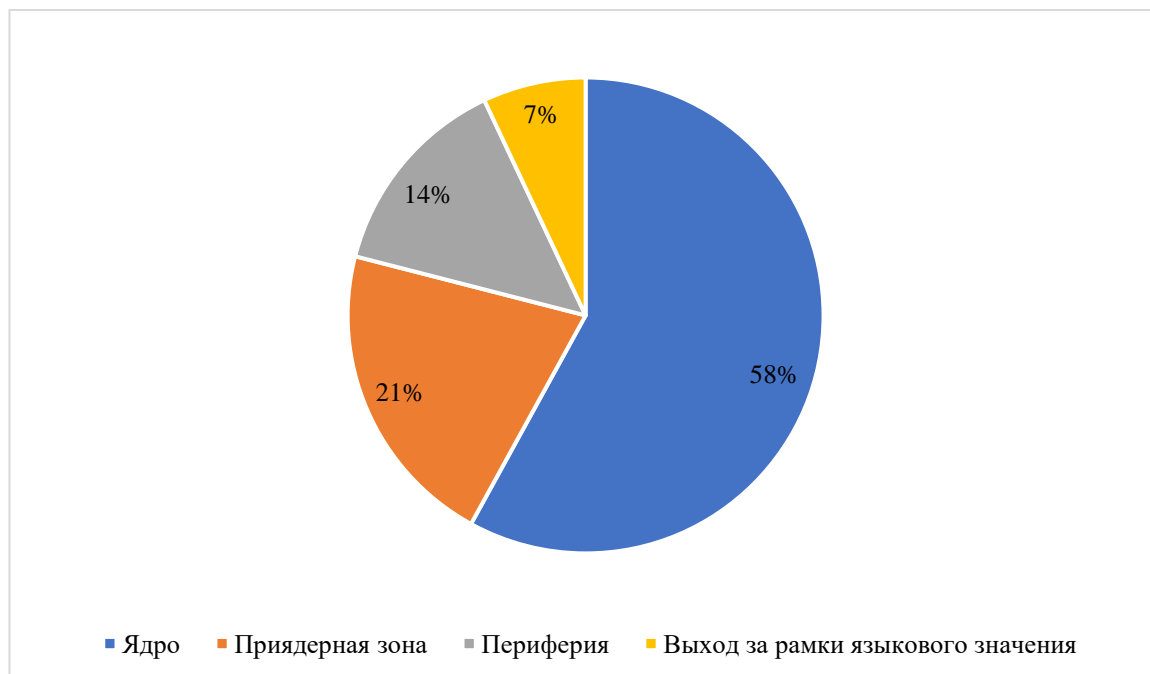
Диаграмма 1. Пол и возраст респондентов

В ходе анализа ответы респондентов были соотнесены с четырьмя участками: ядро, приядерная зона, периферия и зона выхода за рамки лексического значения.

Представим полученные данные на диаграмме 2.

Диаграмма 2. Распределение дефиниций, полученных от всех демографических групп, в соответствии с зонами лексического значения

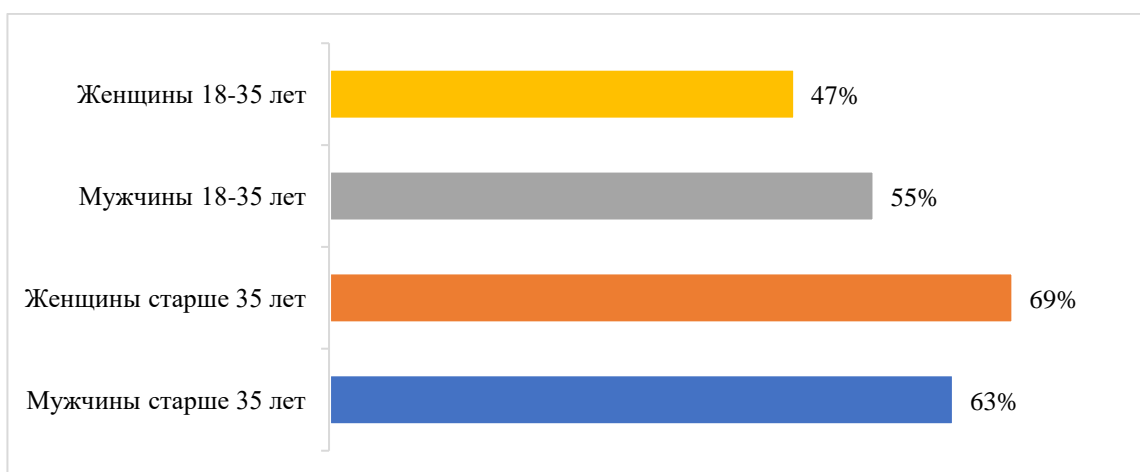
Согласно обобщенным данным, большая часть респондентов в своих дефинициях адекватно отражает значение лексемы *дилетант*: 58% дефиниций (175 респ.) соответствуют ядерной зоне, 21% (64 респ.) – приядерной зоне. Однако наличие периферии (14%, 43 респ.), в количественном измерении приближенной к приядерной зоне, а также 7% дефиниций (20 респ.), в которых наблюдался выход за рамки языкового значения, могут свидетельствовать о трансформации понятия «дилетант» в языковом сознании. Оно начинает терять актуальность, но при этом значение лексемы развивается. Предполагаем, что это связано с тем, что на смену дилетанту приходит новый социальный тип, условно обозначенный нами как *неоспециалист* (параграф 2.4.3).

Рассмотрим результаты эксперимента подробнее.

Зона соответствия ядру лексического значения «дилетант»

В данном разделе и далее процентные характеристики исчисляются от общего числа ответов в конкретной группе респондентов. Например, в исследовании приняли участие 75 женщин 18 – 35 лет; 35 из них (47% ответов из данной категории опрошенных) предложили дефиниции, в которые включены лексемы и репрезентированные в словосочетаниях смысловые признаки, сопоставимые с ядром лексического значения (см. диаграмму 3). В примерах здесь и далее сохранена авторская орфография и пунктуация.

Диаграмма 3. Корреляции дефиниций, полученных от разных демографических групп, с ядром лексического значения

В дефинициях этой группы оценки не выражены или слабо выражены, респонденты передают объективный, по их мнению, смысл понятия. Как следует из диаграммы 3, возрастной параметр сильнее повлиял на результат дефинирования, чем гендерный, поэтому есть смысл разграничить прежде всего разновозрастные анкеты.

Возраст 18 – 35 лет

В соответствии с языковым значением толкуют слово дилетант 55% (41 респ.) мужчин 18 – 35 лет.

Предложенные ими дефиниции содержат основные лексемы ядерной зоны: *человек занимающийся чем-то непрофессионально; любитель; лицо,*

занимающееся чем-либо без специальной на то подготовки. Встречаются дефиниции со смысловыми признаками, относящимися к ядру лексического значения: ‘без знаний’, ‘без опыта’, ‘без образования’, ‘плохо разбирается’, ‘нет навыков’ и подобными. Например: *человек, который в должной степени не обладает знаниями и навыками в той или иной области; личность, которая не обладает первоначальными знаниями, а также профессиональным опытом в той или иной области профессиональных знаний или исследований; человек, плохо разбирающийся в сфере какой-либо конкретной деятельности.*

Данные смысловые признаки сочетаются с упоминанием сферы деятельности дилетанта. Выше было замечено, что смысловой признак ‘сфера деятельности’ является конститутивным компонентом языкового значения, постоянным компонентом кластера ядерных смысловых признаков. В половозрастной группе, о которой идёт речь, его включили в свои дефиниции 56% опрошенных (23 респ.). Если говорить о всех зонах соответствия ядерно-периферийным участкам значения «дилетант», то 73% респондентов (55 мужчин 18 – 35 лет) включили признак в состав дефиниции. Они указали, что дилетант связан со сферой деятельности, приносящей ему доход или позитивную общественную оценку. При этом признак ‘сфера деятельности’ формулируется в дефинициях по-разному: *своё дело, какая-либо сфера, вопрос, тема, область, область исследований, конкретная деятельность, что-либо делает, занимается чем-либо* и др. Приведём несколько таких дефиниций в качестве примеров в табл. 2.

Таблица 2. Примеры дефиниций, репрезентирующих смысловой признак ‘сфера деятельности’ (мужчины 18 – 35 лет)

Слово-репрезентант	Дефиниция
Дело	<i>человек не знающий своё дело или малознающий; не профессионально знающий суть дела;</i>

	<i>человек, занимающийся неким делом, не имея на то спецподготовки;</i>
деятельность	<i>не имеющий опыта, не набравшийся методического мастерства творец некой деятельности;</i> <i>человек, занимающийся какой-либо деятельностью без нужных знаний;</i>
область	<i>человек, который не имеет достаточных знаний и/или умений в определённой области;</i> <i>человек, не разбирающийся в определённой области, либо из-за не знания, либо из-за нежелания достойно разобраться в вопросе;</i>
работа	<i>человек, который владеет поверхностными знаниями или вовсе не владеет ими, но при этом выполняет работу;</i>
сфера	<i>специалист, не имеющий глубокой базы знаний в сфере, в которой он работает;</i> <i>человек без профессиональных навыков, опыта, знаний в сфере выполняемых обязанностей;</i>
тема	<i>человек без знаний и навыков в теме, которой занимается.</i>

Стоит отметить, что в некоторых дефинициях данный признак выражен неявно – с помощью неопределенных местоимений *что-либо, чем-либо, какой-либо* (*новичок **в чем либо**, человек, который не разбирается в том, что делает; человек, который **занимается чем-то** без необходимых знаний*). Данные примеры можно считать иллюстрацией свойства неопределенности модели *ДИЛЕТАНТ*, рассмотренной в параграфе 2.3.

Дефиниции, полученные от женщин 18 – 35 лет, соответствуют ядру лексического значения слова *дилетант* на 47% (35 респондентов).

При назывании сферы деятельности дилетанта респонденты используют выражения *отрасль, определенная сфера, занимается чем-то, работа, делает что-то, вопрос, область* и под. (см. табл. 3). Смысловый признак ‘сфера деятельности’ просматривается в 73% случаев (55 дефиниций) от общего количества ответов. Наиболее частотным словом-репрезентантом

является «дело». Среди общего количества дефиниций женщин 18 – 35 лет слово встречается 17 раз (23%). В зоне соответствия ядру лексического значения признак ‘сфера деятельности’ репрезентируется в 80% ответов (28 дефиниций).

Таблица 3. Примеры дефиниций, репрезентирующих смысловой признак ‘сфера деятельности’ (женщины 18 – 35 лет)

Слово-репрезентант	Дефиниция
дело	<p><i>человек, не набравшийся опыта в каком-либо деле;</i></p> <p><i>человек, который занимается делом без глубоких познаний предмета;</i></p> <p><i>человек, который начинает заниматься каким-либо делом, без опыта в нём;</i></p>
деятельность	<p><i>человек занимающийся какой-либо деятельностью без специальных знаний;</i></p> <p><i>человек, который ещё не имеет опыта в каком-либо виде деятельности;</i></p> <p><i>человек, занимающийся какой-либо деятельностью без должных знаний и профессиональной подготовки;</i></p>
сфера	<p><i>человек занимающийся работой в определенной сфере, без специального образования;</i></p> <p><i>человек, который занимается чем-то без углубленных знаний в этой сфере;</i></p>
область знания	<p><i>человек не имеющий знаний в определённой области;</i></p> <p><i>человек, не имеющий знаний в конкретной области, который делает вид знающего;</i></p> <p><i>новичок в какой-либо области, делающий вид, что он профессионал (извините, если криво сформулировала);</i></p>
занимается чем-то (делает что-то)	<p><i>тот, кто занимается чем то, обладая поверхностными знаниями;</i></p> <p><i>человек, который занимается чем-либо непрофессионально;</i></p>

	<i>человек, который делает что-то не на профессиональном уровне, любитель;</i>
работа	<i>человек, который занимается какой либо работой (деятельностью), без знаний и опыта;</i> <i>человек занимающийся работой в определенной сфере, без специального образования.</i>

Среди конкретных сфер в зоне соответствия ядру лексического значения женщины выделяют науку и искусство (11%, 4 респ.), в то время как мужчины – науку и профессиональные знания и исследования (5%, 2 респ.).

Характеризуя дилетанта, женщины данной возрастной категории делают акцент на знаниях и/или специальной подготовке (46%, 16 респ.), в том числе смысловые признаки ‘нет знаний’ и ‘нет специальной подготовки’ совместно встречаются в 17% (6 респ.) случаев. Например: *человек, занимающийся какой-либо деятельностью без должных знаний и профессиональной подготовки*; *человек, который занимается определённой деятельностью без определённых знаний и подготовки*; *человек без специальной подготовки и знаний, непрофессионал*. По отдельности ‘нет знаний’ встречается в 20% (7 респ.), ‘нет подготовки’ – 9% (3 респ.). Например, *человек, не обладающий знаниями в какой-либо отрасли*; *человек, который занимается чем-то без профессиональных знаний*; *человек занимающийся какой либо деятельностью без специальной подготовки*; *человек, занимающийся каким-то делом, без специальной подготовки*.

При этом один из узувальных ядерных признаков ‘без образования’, выделенный в словарных статьях, встречается в единичном случае (3%, 1 респ.). Похожий смысл просматривается в дефиниции *тот, кто занимается наукой или искусством, не имея специальной подготовки, систематических знаний*. Иначе говоря, систематические знания и образование для респондентов не так важны при оценке профессионализма человека, как знания (не обязательно полученные в вузе / ссузе) и практика. Некоторые

дефиниции предполагают, что у дилетанта есть неглубокие знания в сфере деятельности, которой он занимается. Выражение *поверхностные знания* встречается у 11% (4 респ.) женщин и 5% (2 респ.) мужчин в возрасте 18 – 35 лет.

В данной возрастной группе у женщин чаще, чем у мужчин, встречаются синонимы, представляющие ядро словарного значения «дилетант», в том числе *любитель* – 9% (3 респ.) у женщин (*человек, который делает что-то не на профессиональном уровне, любитель*) и 2% (1 респ.) у мужчин (*любитель*), *непрофессионал* и его смысловые признаки ‘нет профессиональных навыков’, ‘нет профессиональной подготовки’ – 23% (8 респ.) у женщин (*человек, который занимается чем-либо непрофессионально*) и 17% (7 респ.) у мужчин (*не профессионально знающий суть дела*), *неспециалист* и его смысловой признак ‘без специальной подготовки’ – 20% (7 респ.) у женщин (*человек без специальной подготовки и знаний, непрофессионал*) и 7% (3 респ.) у мужчин (*лицо, занимающееся чем-либо без специальной на то подготовки*). Отметим, синонимы «профан» и «графоман» в дефинициях респондентов не упоминаются.

Возраст старше 35 лет

Исходя из количества дефиниций, попавших в ядерную зону, можно утверждать, что респонденты старшей группы трактуют понятие «дилетант» точнее, чем респонденты младшей: мужчины на 8% (6 респ.), женщины – на 22% (17 респ.).

Это свидетельствует о том, что данную возрастную группу дезактуализация понятия затронула в меньшей степени.

Мужчины в возрасте старше 35 лет наиболее регулярно закладывают в дефиниции смыслы (1) ‘нет знаний’ (32%, 15 респондентов), (2) ‘не разбирается’ или (3) ‘слабо разбирается’ (13%, 6 респондентов): (1) *человек, который в определенной области не обладает глубокими знаниями*; (2) *человек выполняющий определенную работу, но толком не разбирающийся в ней*, (3) *человек, не имеющий специальных знаний и умений в каком-либо деле*,

слабо разбирающийся в вопросе, которым занимается. Встречаются смыслы с наиболее глубоким пониманием сущности дилетанта: ‘нет квалификации’ (человек, обладающий **низкой квалификацией** в какой-либо области. Или же **не обладающий никакой квалификацией**. Или же не обладающий никакими знаниями), ‘нет умений / навыков’ (человек, **не имеющий знаний, умений, навыков** в какой-то сфере деятельности), ‘нет профессиональной подготовки’ (человек, занимающийся чем-то **непрофессионально, без должной подготовки, недостаточно умело**).

В ответах женщин данной возрастной категории наиболее часто встречаются смысловые признаки ‘нет знаний’ или ‘мало знаний’ (38%, 20 респондентов): *тот, кто занимается каким-либо делом без особых знаний в этой сфере, то есть другими словами «любитель», «новичок» в этой области; человек, который не обладает базовыми знаниями и умениями в какой-либо профессиональной или научной области.* При этом знания употребляются в словосочетании с именем прилагательным: *особые, базовые, должные, глубокие, достаточные, необходимые.* В данных примерах прослеживается противопоставление дилетанта профессионалу, у которого эти знания есть. В 15% (8 респондентов) ответов – ‘плохо разбирается’ или ‘не разбирается’: *человек, не разбирающийся в каком-либо вопросе (по разным причинам не имеет образования, либо не имеет глубоких знаний по вопросам своей деятельности, либо....); человек, который делает вид, что разбирается в чем либо, а на самом деле либо не знает совсем, либо недостаточно, поверхностно.*

Значимыми для категории старше 35 лет в целом оказались образование (8% – 2 мужчины, 6 женщин) и профессиональная подготовка (15% – 9 мужчин, 6 женщин). Профессионализм у данной возрастной группы ассоциируется с получением систематических знаний и практики: *любитель, непрофессионал, человек, не обладающий достаточным количеством теоретических знаний в той сфере, в которой пытается работать;*

человек, занимающийся каким-либо делом без профессиональной подготовки.

17% (9 респ.) женщин определили дилетанта как непрофессионала. 6% (3 респ.) употребили синоним *любитель*, относящийся к ядерной зоне (*Тот, кто занимается каким-либо делом без особых знаний в этой сфере, то есть другими словами «любитель»*).

Интересно, что представители возрастной группы старше 35 лет давали нестандартные и развёрнутые дефиниции, не противоречащие толковым словарям (*дилетант – это человек без надлежащей подготовки, образования, но иногда увлечённый чем-либо*). В особенности это касается ответов респондентов старше 60 лет. Приведём пример респондента-женщины в возрасте 65 лет: *человек, который толком не зная суть вопроса, не зная всех нюансов, пытается решить его в манере человека, который «знает все»*. Помимо очевидного признака ‘плохо разбирается’ здесь появляются смыслы ‘хочет казаться профессионалом’, ‘имеет поверхностные знания’, ‘хочет показать, что мыслит широко’. Аналогичные дефиниции есть и у респондентов мужского пола: *Д. – якобы эксперт в какой-то области, на самом деле таковым не являющийся*.

В ряде дефиниций негативная оценка дилетанта основана на неадекватной оценке им своих возможностей и уровня компетентности: *человек, считающий, что он обладает знаниями или опытом, хотя это не так; человек, имеющий весьма поверхностное знакомство с той или иной отраслью знания или сферой профессиональной деятельности, но, как правило считающий себя в ней до некоторой степени экспертом*.

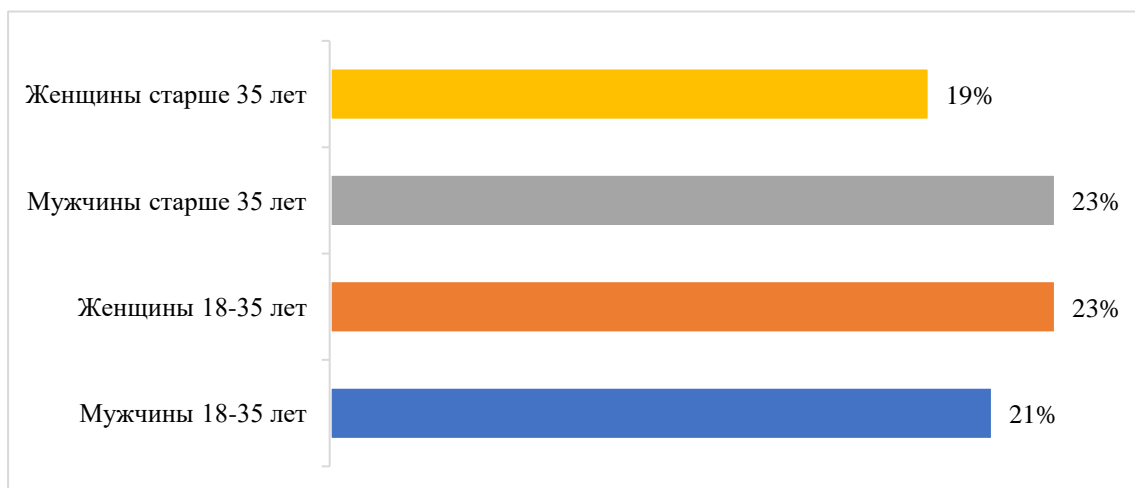
В то же время оценка дилетанта не всегда негативная. Амбивалентное отношение можно увидеть в следующих двух примерах: *человек, который интересуется чем-либо, пытается иметь об этом своё собственное суждение, но глубоко не разбирается в проблеме; человек, не имеющий должной профессиональной подготовки или опыта в каком-либо деле, но берётся его выполнять*. В последнем примере, с одной стороны, можно

увидеть отсылку к пословице «не умеешь – не берись», с другой – указание на универсала, готового взяться за любое дело. Имеется в ядерной зоне и пример с положительной оценкой: *знающий немного о многом, в определенном смысле более интересный, чем знающие много о немногом* (респондент 83 лет).

Предполагаем, что в период становления личностей представителей старшего поколения выше ценились сугубо профессиональные, так называемые «жесткие» навыки. Поэтому *дилетант* для них – понятное явление, которое не исчезло из языкового оборота. Для молодого поколения границы понятия постепенно размываются, оно приобретает новые смыслы, не воспринимается в строго негативном ключе, теряет актуальность в первоначальном значении.

Соответствие приядерной зоне лексического значения «дилетант»

Диаграмма 4. Корреляции дефиниций, полученных от разных демографических групп, с приядерной зоной лексического значения

В образовании приядерной зоны в большей степени участвует лексема «новичок» (*новичок в какой-либо области, неопытный новичок в каком-то деле*), ее употребили 35% (6 респондентов) женщин и 19% (3 респондентов) мужчин в возрасте от 18 до 35 лет. Среди возрастной группы старше 35 лет женщины употребили лексему 6 раз (43%), мужчины не использовали совсем. Кроме того, женщины 18 – 35 лет в дефинициях, вошедших в приядерную

зону, используют признак 'начинающий' (18%, 3 респондента): 1) *человек, обладающий недостаточной развитостью в какой-то деятельности, возможно начинающий чем-то заниматься*; 2) *человек, который только начинает ознакамливаться с какой-то деятельностью - не имея нужных знаний*.

С единичной продуктивностью в дефинициях используются синонимы ядерных лексем, выявленные по словарным источникам, в том числе «неуч» (*неуч (верхогляд)*), «энтузиаст» (*человек, приступающий к какому то делу с поверхностными знаниями, но с энтузиазмом*), «неумеха» (1) *неумеха*, 2) *неумелый человек*).

Среди ответов мужчин 18 – 35 лет выделяются признаки 'не разбирается' / 'плохо разбирается' – 38% (6 респондентов). Данные признаки характерны для ядерной зоны, однако они употреблены либо без обозначения сферы деятельности дилетанта и по этой причине носят более абстрактный характер, либо в совокупности с лексемами, не соответствующими языковому значению дилетанта. Такие дефиниции перенесены в приядерную зону с понижением ранга в связи с неточностью формулировки: 1) *специалист, который плохо или недостаточно хорошо разбирается в своей сфере*; 2) *не разбирающийся в чем-либо человек*; 3) *человек не разбирающийся или притворяющийся в каком-либо деле*. Указание абстрактной сферы деятельности повлияло на попадание в приядерную зону дефиниций с одним ярким признаком: 'нет опыта', 'имеет низкую квалификацию', 'нет компетенций', 'нет знаний' (*недостаточно компетентный в определенной сфере деятельности человек*).

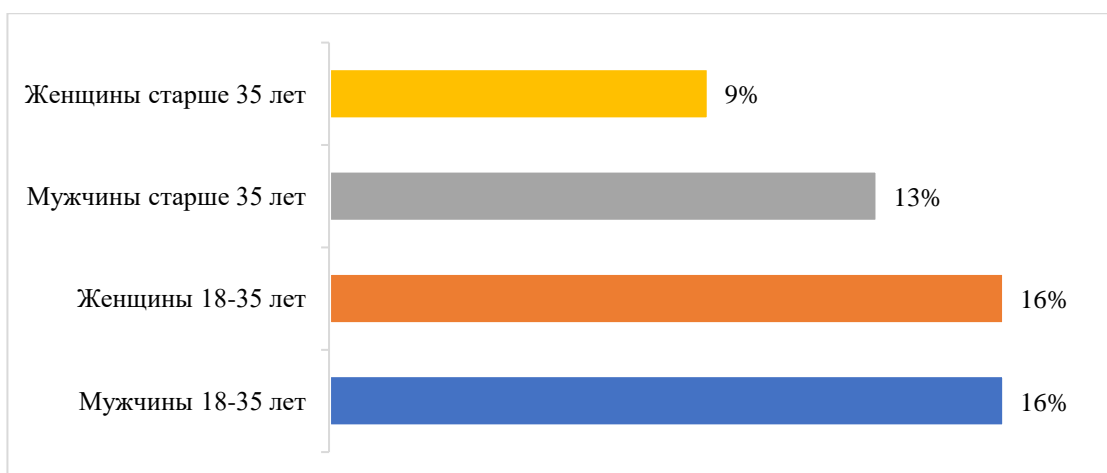
Помимо смыслового признака 'нет опыта', в дефинициях женских возрастных групп встречаются признаки 'нет знаний / имеет поверхностные знания', 'не понимает' (18 – 35 лет – 29 %, 5 респ.; старше 35 лет – 14%, 3 респ.): 1) *человек ничего не понимающий в данном деле*; 2) *человек с поверхностными знаниями*; 3) *человек, который мало понимает, о чем говорит и что делает*.

В направлении от ядерной зоны к границам лексического значения у всех возрастных групп начинает усиливаться эмоциональная окраска в дефинициях «дилетант». Для приядерной зоны характерна амбивалентность эмоциональных оценок, которая передаёт положительные и отрицательные позиции авторов. Пример отрицательной оценки с использованием жаргонной лексики и просторечий, усиливающих эмоциональный фон: 1) *новичок в каком-то деле, который больше, чем нихрена разбирается в этом*; 2) *человек, который что-то делает, не зная как и при этом пытается ещё это объяснить*. Пример с положительной коннотацией: *человек, который, не имея должных знаний, может подстроиться под ситуацию и начать действовать, возможно, импульсивно и не всегда правильно*. Здесь подразумевается возможность положительного исхода, отсутствует категоричность суждения. Такие отступления от «каноничных» определений могут говорить о той или иной степени сопричастности респондентов к феномену дилетанта.

Зона соответствия периферии языкового значения «дилетант»

В периферию включаются фоновые смысловые признаки, описывающие качества дилетанта. Сюда входит небольшой процент дефиниций от общего количества ответов: у возрастной группы 18 – 35 лет – 16% (12 респондентов) мужчин и 16% (12 респондентов) женщин, у возрастной группы старше 35 лет – 13% (10 респондентов) мужчин и 9% (7 респондентов) женщин (диаграмма 5).

Диаграмма 5. Корреляции дефиниций, полученных от разных демографических групп, с периферией лексического значения

В большинстве случаев периферию составляют дефиниции, ранг которых был понижен, в том числе за счёт использования респондентами разных вариаций признака ‘нет опыта’, а также за счёт отсутствия указания на сферу деятельности или отсутствия вспомогательных признаков ‘не знает’, ‘не разбирается’ и т. д. В большей степени это характерно для мужчин (50%, 6 респондентов) и женщин (33%, 4 респондента) 18 – 35 лет (см. табл. 4).

Таблица 4. Дефиниции пониженного ранга (приядерная зона → периферия), полученные от респондентов 18 – 35 лет.

Мужчины 18 – 35 лет	Женщины 18 – 35 лет
<i>Человек, впервые взявшийся за какое-то дело</i>	<i>Начинающий в чём-либо</i>
<i>Человек, который впервые что-то делает</i>	<i>Человек, который впервые сталкивается с какой-либо деятельностью</i>
<i>Человек, который чем-то занимается, чем раньше не занимался и к него плохо получается</i>	<i>Человек, только постигающий азы какого-либо дела, занятия</i>
<i>Ну вроде как начинающий в чём-либо</i>	<i>Человек, который начинает изучение какой-то науки</i>
<i>Человек который недавно начал заниматься какой-то деятельностью</i>	
<i>Человек с начальными знаниями в какой-то области</i>	

Средствами репрезентации на периферии служат как признаки, соответствующие языковому значению – ‘мало знает’, ‘плохо разбирается’ (1)

человек, у которого **отсутствует представление** о том, с чем он раньше не сталкивался; 2) человек, который **мало понимает**, о чем говорит и что делает и под.), так и достаточно специфические признаки. Например, смысловой признак ‘мыслит широко’, который не является ядерным для данного понятия, но встречается в каждой зоне соответствия лексическому значению «дилетант» (*знает что-то обо всем по-немногу, но не узкий специалист в какой-то области*).

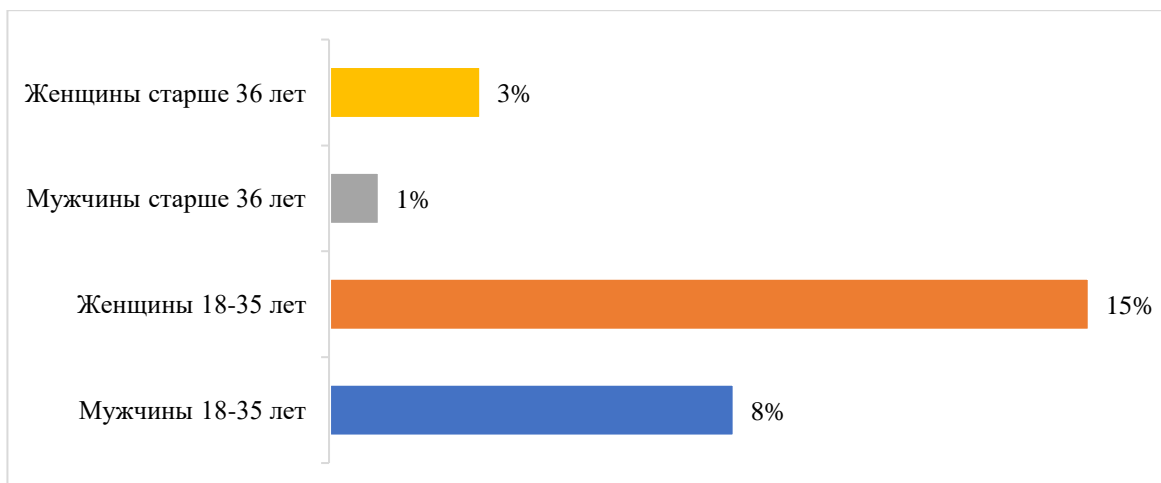
В ряде дефиниций просматривается характеристика личных качеств дилетанта (1) *человек, который нерешительный, стеснительный, неуверенный;* 2) *человек, который не уверен в своём деле*), сводящаяся к неуверенности дилетанта в себе или своём деле. Повышена отрицательная эмоциональная составляющая: 1) *Это человек, который играет или совершает какое-либо действие без должных знаний. Это некая игра, пародия на кого-либо;* 2) *наивный, глупый человек.*

В ходе семантического эксперимента в обеих возрастных группах выявлен смысловой признак, который не встречался при анализе словарных статей и текстов НКРЯ, – ‘нет компетенций’ (упоминается в 15 дефинициях, что составляет 5% от всех ответов респондентов). Акцент на компетенциях сделан в дефинициях, соотносимых с ядерной зоной, у женщин 18 – 35 лет (9%, 3 респондента) и мужчин старше 35 лет (6%, 3 респондента). Остальные употребления признака распределены по всем зонам соответствия словарному значению, кроме зоны выхода за рамки лексического значения «дилетант». Это можно назвать тенденцией в связи с усиливающейся актуальностью аналитических, прогностических и прочих компетенций как показателей профессионального уровня трудовых ресурсов [Барышникова 2012]. Компетентностный подход используется в обучении и при организации человеческого капитала на рабочих местах. Указание на отсутствие такой характеристики в дефинициях логично, так как речь, скорее, идет не о коммуникативных компетенциях, а о жестких профессиональных навыках.

Выход за рамки языкового значения «дилетант»

Дальняя зона включает ответы 15% (11 респондентов) женщин и 8% (6 респондентов) мужчин 18 – 35 лет (см. диаграмму 6). Дефиниции респондентов старше 35 лет точнее коррелируют с языковым значением «дилетант»: 3% (2 респондента) женщин и 1% (1 респондент) мужчин.

Диаграмма 6. Корреляции дефиниций, полученных от разных демографических групп, с выходом за рамки лексического значения

Данная зона создаётся в основном за счёт того, что слово «дилетант» является агнонимом для части респондентов: *человек, у которого всё должно быть по правилам; человек, который ответственно относится к решению задач, ответственно относится ко всему происходящему в жизни; профессионал своего дела; слабый неуверенный в себе человек; человек, у которого нет принципов.* и др. С другой стороны, данная зона включает толкования с яркой эмоциональной реакцией, отражающие личное отношение к дилетантам: *моль безхрибетная, не имеющая веса в обществе. Горит с таких чертей.*

В дополнение к соотнесению дефиниций с ядерно-периферийным устройством лексикографического значения понятия «дилетант», заметим, что смысловой признак ‘степень дилетантизма’, выявленный при анализе текстовых репрезентаций «дилетант» в НКРЯ, так или иначе проявляется в обыденных дефинициях на всех участках. Признак представлен у всех групп

опрошенных антонимичными и синонимичными выражениями типа *достаточно / недостаточно, глубоко / поверхностно, мало [разбирается] / не [разбирается] / плохо [разбирается]* или с помощью дополнений *нет компетенций / нет нужных компетенций*. Например, 1) *человек, который не обладает **достаточными знаниями** в области, в которой осуществляется его деятельность*; 2) *человек, который не обладая **глубокими познаниями** в той или иной области, глубоко убежден в правильности принятых им решений*; 3) *специалист, который **плохо или недостаточно хорошо разбирается** в своей сфере*.

В ходе семантического эксперимента обыденные дефиниции «дилетант» проанализированы и соотнесены с ядерно-периферийными участками лексического значения слова, выявлена специфика и динамика их употребления среди мужчин и женщин в возрастных группах 18 – 35 и старше 35 лет.

Анализ показал, что ядерно-периферийные участки объединяются «сквозными» синонимами (*любитель, непрофессионал*) и смысловыми признаками, наиболее яркими из которых являются ‘нет знаний / имеет поверхностные знания’, ‘без специальной подготовки’, ‘не разбирается/слабо разбирается’. Кроме того, ярким признаком оказался ‘нет опыта’, т. к. значительная часть респондентов назвала лексему *новичок* или её толкование (*начинающий в каком-либо деле*) в качестве основной характеристики дилетанта. Отметим, что смысловой признак ‘мыслит широко’, не входящий в зону ядра, встречался в разных вариациях как уточнение к дефинициям, соотнесённых практически с каждым участком. Это может свидетельствовать о постепенной трансформации оценки дилетанта – от резко негативной к нейтральной или даже позитивной. Но на данный момент отрицательные оценки встречаются чаще положительных, в них можно проследить эмоциональные реакции.

Среди сфер деятельности выделяется только наука, искусство и исследования, при этом не были употреблены некоторые лексемы и

смысловые признаки ядра, выделенные по словарным источникам (например, *графоман*, 'хобби'). В периферийной зоне не упоминалось большинство синонимов ядерных лексем, в том числе указывающих на сферу деятельности (*бездарный литератор, рифмоплёт, шелкопёт, ремесленник*). Это может быть связано с тем, что данные лексемы, в основном, указывают на конкретные сферы деятельности, в то время как признак 'сфера деятельности' в дефинициях отражается абстрактно (*дело, вопрос, область, тема* и т.д.).

Представители возрастной группы старше 35 лет лучше знакомы с понятием, чем респонденты 18 – 35 лет, что свидетельствует о постепенном устаревании лексемы «дилетант», потере её актуальности для молодых людей.

3.3. Эксперимент по восприятию текста дилетанта⁷

Как уже говорилось, к факторам, обеспечивающим продвижение дилетантских текстов в СМИ, причём не только электронных, относится интерес социума к публичной личности, которой массмедиа предоставляют возможность высказываться по вопросам, не связанным с полученным образованием и профессией.

Для исследования восприятия дилетантского текста в качестве образца последнего взято «Письмо главного редактора» журнала «МАХИМ» Александра Маленкова. Письмо размещено на сайте журнала под названием «*Розенталь мертв, а мы ещё нет!*», имеет подзаголовок *Свежий, незамутненный взгляд нашего главреда на Великий и Могучий, Прекрасный и Свободный (или, как его сокращал Аксенов, ВМПС)* [Маленков 2015]. Автор саркастически повествует о деятельности филологов, которые, по его мнению, своей волей устанавливают правила правописания и ударения. Себя он

⁷ Параграф написан на основе совместной с Н. В. Орловой статьи «Текст дилетанта vs неоднородность массовой речевой культуры» // Вестник ТГПУ. – 2020. – № 2 (208). – С. 103–110.

позиционирует как *прикладного математика*, «самозванца» с *физико-математическим образованием*.

Материалом исследования стали вторичные тексты-реакции. Эксперимент проведен в 2019 году. Участники поделены на три группы, дифференцированные по возрасту и наличию / отсутствию специальных знаний в области филологии. По утверждению культурологов, целевыми адресатами глянцевого журналов являются молодые люди и люди среднего возраста: от 19 до 27 – 35 %; от 28 до 36 – 45 %, от 37 до 45 – 12% [Ромах, Слепцова : 2009]. С учётом данного обстоятельства участники эксперимента без филологического образования поделены на целевую аудиторию (20 респондентов от 18 до 44 лет) и нецелевую аудиторию (20 респондентов от 50 до 62 лет). Отдельно выделена группа из 10 студентов-филологов 3-го курса Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского (возраст студентов от 20 до 27 лет). Поскольку тема данной части исследования является гендерно нейтральной, пол респондентов не учитывался. Неспециалистам был задан вопрос: «Что Вам понравилось и что не понравилось в тексте?» Студентам-филологам было предложено учебное задание «Написать эссе по тексту А. Маленкова с позиции эксперта» в рамках курса стилистики и культуры речи.

Ставилась задача выяснить, во-первых, отношение участников эксперимента к фигуре дилетанта и достоверности его сообщения, а во-вторых – отношение к языку и стилю дилетантского текста.

Реципиенты о достоверности информации и её отправителе – дилетанте

В исходном тексте присутствуют элементы научного знания о языковой норме, лингвистическая мифология, околонучная информация, достоверные и недостоверные фактические сведения. Автор текста корректно трактует сущность кодификации: *Язык – вещь живая, гибкая, и задача филологов – следить за его изменениями и отражать их в своих как бы правилах*; отмечает случаи кодификации действительно редких в узусе вариантов (*ворожея*). К

околонаучным сведениям относятся отсылки к «народу», «носителю языка» (без уточнения вопроса об авторитетных в культурно-речевом отношении социальных группах) и о самом себе как социальном типе, речевые привычки которого должны определять норму: *Я не иностранец, не носитель редкого наречия, родился и живу, простите, в столице русскоязычного мира и даже не на окраине.* Объективно автор текста не является носителем элитарной речевой культуры: текст содержит несколько фактических ошибок из области русской словесности. Так, слово «*правдивый*» в цитате из Тургенева заменено на «*прекрасный*»; в одном случае смешаны термины «орфография» и «орфоэпия»; некорректно прокомментирован ряд акцентологических вариантов. Как лингвистическую мифологему следует квалифицировать тезис автора ‘филологи придумывают правила языка’: *Собирается кучка жрецов и решает: отныне да будет так!* Иначе говоря, предъявляемая читателю информация является частично достоверной.

Для ответа на вопрос, насколько респонденты доверяют суждениям человека, заявившего о себе как о дилетанте, вторичные тексты исследовались на наличие четырёх смысловых зон: (1) не критичное восприятие мифа о том, что филологи придумывают правила языка, и/или солидарность с околонаучной информацией исходного текста; (2) недоверие к информации на том основании, что её отправитель – не специалист; (3) недоверие к информации на другом основании (опровержение, контраргументация); (4) вычленение в исходном тексте научно достоверной информации и выражение согласия с автором.

Данный вопрос решался для каждой из трёх групп отдельно.

В обеих группах нефилологов половина реципиентов не критична к мифу и другой некорректной или не вполне корректной (околонаучной) информации (50 % и 50 %). Данную позицию (номер смысловой зоны – 1-й) иллюстрируют следующие примеры: *...Никогда не смирюсь со словом «апостро́ф», извините, но это слово филологам я простить не могу (19 лет); Не понятно, кто придумывает такие правила ударения, способные даже*

рассмеишь (41 год); ...Разделяю точку зрения автора по поводу разного рода несуразностей в нашем языке. Все вокруг меняется, мир становится иным. Почему языку отказано в переменах, в гибкости – не понятно (62 года); Я согласна с автором, что можно запутаться в правильных ударениях (60 лет).

В то же время реакции респондентов разных возрастных групп имеют специфику. Респонденты в возрасте от 18 до 44 лет в целом лояльнее к дилетанту как носителю информации, чем респонденты старшей возрастной группы. Они реже критикуют самого журналиста, чем спорят с его суждениями (2-я смысловая зона в этой группе составляет 10 %, 3-я – 40 %). Почти треть респондентов от 18 до 44 лет считает необходимым поддержать автора там, где он приводит научно достоверную информацию (4-я смысловая зона – 30 %). Рассмотрим примеры реакций респондентов этой возрастной группы:

2-я смысловая зона: *...но как подобает всем людям с математическим, физическим и в целом техническим образованием, он стремится залезть со своим уставом в чужой монастырь (25 лет);*

3-я смысловая зона: *Люди не говорят, согласно правилам. Это правила пишутся в соответствии с тем, как говорят люди (27 лет); Когда каждый начнет свободно менять ударения в словах, начнется настоящая «анархия»! наличие этих правил показывает, что язык устойчив (19 лет);*

4-я смысловая зона: *Я согласна с тем, что язык – это, своего рода, живой организм, который зарождается, развивается, проходит определенные этапы и в некоторых случаях умирает (26 лет).*

Респонденты в возрасте от 50 до 62 лет чаще связывают некорректность суждений с личностью автора, отсутствием у него специального образования (2-я смысловая зона – 25 %). Контраргументация у них встречается реже, чем у реципиентов младшей группы (3-я смысловая зона – 25 %). Поддержку корректному суждению (4-я смысловая зона) выразили только 10 % старших реципиентов:

2-ая смысловая зона: *...просто видно, как он эти самые правила русского языка «то понюхает, то полижет, то к темени прижмет, то их на хвост нанижет». Понятно, почему он так делает: соединение фотографий антропологически безупречных молодых жещин и хорошей полиграфии приносит ему гораздо больше денег, чем заморочки с выбором между «-тся» и «-ться». Да «-цца», родной, не парься!;*

3-я смысловая зона: *Более же всего поразил экскурс в социализм – отсылка к народу! Тому, который носитель языка и который употребляет. Что он только не употребляет, в том числе язык... Равнение на народ! И тогда, вполне возможно, не обманувшись в своих ожиданиях, товарищ Маленков провозгласит: Дашь шансон вместо литературного русского!;*

4-я смысловая зона: *Автор прав: сейчас язык не такой, как даже еще недавно (58 лет).*

Реакции студентов-филологов наиболее негативны. Большинство студентов-филологов отреагировали на статус пишущего (1-я смысловая зона – 70 %), привели аргументы, опровергающие мифологему, заметили неверное употребление термина и нашли в тексте фактические ошибки (2-я смысловая зона – 90 %):

1-я смысловая зона: *Это выглядит примерно так, как если бы я – студентка филфака – пришла в больницу и начала бы указывать врачам, как следует лечить людей ... (20 лет);*

2-я смысловая зона: *Любой ученый только наблюдает за своим объектом изучения и, исходя из своих наблюдений, выстраивает теории (21 год); Да, именно в орфоэпическом, а не в орфографическом, как пишет автор (21 год).*

Итак, суждения «от дилетанта» некритично воспринимаются половиной неспециалистов. Мощным фактором некритичного восприятия информации на специальную тему является формат «глянца», который нацелен на развлекательность, «уничтожение свободного времени» [Ромах, Слепцова 2008].

Реципиенты о речевых особенностях текста

К речевым особенностям текста относятся следующие: 1) установка на разговорность, соединение разговорной и книжной лексики (*Но ударения! Вы давно читали орфографический словарь? бам! нате вам!; эстетическая составляющая; друзья мои*); 2) насыщенность прецедентными феноменами разного происхождения (отсылки к В. Аксёнову и опосредованно к И. С. Тургеневу (*ВМПС*); к тексту песни Б. Гребенщикова о рок-н-ролле, к прецедентной ситуации «речь Ленина на броневике», к мему Карл (*Предвосхитить, Карл!*), высказыванию американского писателя Генри Торо. 3) речевая агрессия, нарушения этических норм коммуникации (уничижительные оценки, сниженная лексика и ненормативная фразеология, трансформация фамилии известного лингвиста).

Ответы респондентов были дифференцированы в зависимости от следующих типов реакции: (1) общая позитивная оценка формы подачи информации; (2) общая негативная оценка формы подачи информации; (3) общие оценки формы подачи информации отсутствуют или амбивалентны; (4) неодобрение речевой агрессии, неодобрение нарушения этических норм; (5) речевая агрессия, нарушения этических норм не замечаются.

Зафиксирован довольно высокий процент отсутствия общих оценок формы подачи информации во всех группах реципиентов (3-й тип реакции у нефилологов младшей группы – 50 %, старшей – 90%, у филологов – 70 %).

Различия между ответами нефилологов разных возрастных групп наиболее заметны в типах реакции (4) и (5). В группе от 18 до 44 лет речевая агрессия текста и нарушения этических норм замечается редко (4-й тип реакции – 10 %): *Я понимаю – междисциплинарность и трансцендентальность, но это больше на наглость похоже!* (25 лет); *Не понравилось: мысль текста достаточно заезжена, однако автор статьи не раз подчеркивает свою «индивидуальность».* *Что это «свежий взгляд»* (18 лет). Среди реципиентов от 50 до 62 лет реакции по 4-му типу, напротив, достаточно частотны (40 %), определённы, разнообразны: *Удивительное в*

своей наглости и беспредельном самомнении выступление закомплексованного мужчинки, который «часто в виде кокетства козыряет своим техническим образованием (60 лет); Возможно, пятнадцать лет в журналистике делают из человека самоуверенного хама (56 лет); А еще в тексте как-то подозрительно много «Я». Но это вопрос к психологу (62 года).

Среди неспециалистов общая позитивная оценка манеры письма (1-й тип реакции) представлена только в группе от 18 до 44 лет. Респонденты одобряют в статье юмор, занимательность, лёгкость для восприятия: *Автор текста, безусловно, талантливый журналист (25 лет); Статья, безусловно, интересная, а в некоторых моментах очень даже забавная (19 лет).* Часть негативных оценок по 2-му типу реакции возникает из-за того, что реципиенты не прочитывают прецеденты. Именно это вызывает недоумение и упреки в нелогичности: *мысль скачет, как блоха на собаке: тут вам и броневики, и мертвый Розенталь, и комик с «ударным» юмором, собирающий стадионы (27 лет); «Розенталь мёртв, а мы еще нет!» Странное название (44 года).*

Филологи, так же как респонденты-неспециалисты старшей группы, довольно активно отреагировали на нарушение этических норм и речевую агрессию (4-й тип реакции – 40 %). Оценки по данному параметру выражены у филологов с разной степенью прямоты и экспрессивности: *Наша речь не предполагает уважения к собеседнику (20 лет); Кричать на всю страну о том, чего ты не знаешь и знать не можешь – это уже, простите, преступление и пошлость (27 лет); «Розенталь-Хренинталь!» (последнее я считаю невежливым и даже пошлым) (20 лет).*

Таким образом, респонденты от 18 до 44 лет, целевые по возрастному критерию читатели журнала (и следовательно, исходного текста), по данным эксперимента, достаточно лояльны к авторскому стилю, отмечают юмор и лёгкость для восприятия как его достоинства. Этическая составляющая оценки проигнорирована большинством из этой группы. Группа респондентов в возрасте 50 лет и старше более критична к тексту, главным образом – из-за

речевой агрессии и нарушения этических норм. Студенты-филологи по совокупности реакций ближе к старшей группе.

Резюмируя, отметим, что благоприятной средой бытования дилетантского текста является развлекательный дискурс, не предъявляющий строгих требований к достоверности информации, в том числе на специальные, научные темы. Для публичного человека возможность рассуждать о вопросах, которые ему интересны, но в которых он не является специалистом, предоставляет формат глянцевого журнала и жанр авторской колонки (колонки редактора или, как в проведенном исследовании, «Письма главного редактора»).

Дилетантский текст сочетает достоверную информацию с недостоверной, которая не воспринимается критически значительной частью участников коммуникации.

3.4. Выводы

Психолингвистические эксперименты показали, как дилетанта воспринимают и оценивают разные демографические группы общества.

В двух возрастных группах (18 – 35 лет; старше 35 лет) проведён свободный ассоциативный эксперимент, в ходе которого получены реакции на стимул «дилетант». Для каждой группы построено ассоциативное поле и семантический гештальт, отражающий внутреннюю организацию состава поля. Это позволило представить целостную структуру значения слова на хронологическом отрезке 20-е гг. XXI века; зафиксировать текущий фрагмент языкового сознания у разных демографических групп носителей русского языка.

В обеих группах проявилось неоднозначное отношение к понятию, стоящему за стимулом «дилетант»: зафиксированы как негативные, так и позитивные оценочные реакции. В гештальтах обеих групп обнаружены выявленные ранее смысловые признаки 'сфера деятельности', 'степень дилетантизма', 'мыслит широко'. О положительном отношении к дилетанту

свидетельствует попадание реакций в семантические зоны **НОВИЧОК** и **НЕОПЫТНЫЙ**, указывающее на определённую стадию развития дилетанта; включение в зону **непрофессионал** реакции *любитель*, а также единичные реакции, тяготеющие к положительному полюсу (*против правил, скрупулёзный*).

Несмотря на общую направленность развития представлений о дилетанте, представители разных возрастных групп по-разному расставляют акценты. У респондентов старше 35 лет подавляющее количество реакций имеет традиционную отрицательную семантику, при этом позитивные ассоциации являются более мотивированными: они сопоставимы с лексемой *любитель*, репрезентирующей ядро концепта 'дилетант'. Реакции респондентов старше 35 лет, связанные с *образованностью*, позволили выделить в гештальте зону **неспциалист**. Напомним, в параграфах 2.1 и 2.2 указаны смысловые признаки неспециалиста 'без образования', 'без специальной подготовки'. Зона **непрофессионал** выделена в семантических гештальтах обеих групп респондентов, однако младшая группа давала более обобщённые реакции (*дело, вопрос*), в то время как респонденты старшей группы конкретизировали вид деятельности (*графоман, программист*).

Особый интерес представили реакции, связанные с «некомпетентностью» дилетанта, которые встретились в разном соотношении у обеих групп опрошенных (в лексикографических источниках слово «компетентность» и однокоренные не встречались). Как было показано в подпараграфе 2.4.2, оппозиты «компетентность – некомпетентность» проявились в текстах «неоспециалистов» и были связаны в основном с «мягкими», или «гибкими», навыками» (*soft skills*). В ассоциативном эксперименте означивание некомпетентности ассоциируется также с непрофессионализмом.

По результатам семантического эксперимента с теми же группами респондентов получен корпус обыденных дефиниций лексемы «дилетант». Дефиниции соотнесены с ядерно-периферийными участками лексического

значения слова и определены как «ядерные», «приядерные» и «периферийные». Большая часть респондентов в своих дефинициях отражает традиционное значение лексемы «дилетант» (58% дефиниций). С другой стороны, представления о дилетанте трансформируются, причём в разной степени у разных возрастных групп респондентов. Респонденты старше 35 лет трактуют понятие «дилетант» точнее, чем респонденты в возрасте 18 – 35 лет.

В дефинициях выявлены смыслы, отсутствующие в лексическом значении слова (в диапазоне от глубинных смыслов типа ‘создаёт видимость знания’ до случайных признаков, свидетельствующих об элементарном незнании значения слова).

Во все разновидности дефиниций могут интегрироваться ядерные лексемы номинативного поля (*непрофессионал* и др.) и узуальные смысловые признаки (‘нет знаний / имеет поверхностные знания’, ‘без специальной подготовки’ и др.), однако их наличие не гарантирует попадания в ядерную зону вследствие наличия факторов, «понижающих ранг дефиниции» (факторы перечислены в параграфе 3.2). Смысловой признак ‘мыслит широко’, отнесённый в номинативном поле (параграф 2.1.) к периферийной зоне, встречается во всех типах дефиниций, в том числе «ядерных». Последнее обстоятельство согласуется с результатами ассоциативного эксперимента и позволяет говорить о постепенном изменении оценки дилетанта – от отрицательной до нейтральной или даже позитивной.

Признак ‘сфера деятельности’, как и в результатах ассоциативного эксперимента, проявился в дефинициях с высокой степенью абстрактности (*область, вопрос* и т. д.); в качестве конкретных сфер названы лишь наука и искусство; выделенные по словарям лексемы (*графоман*) и смысловые признаки ядра (‘хобби’) респондентами не упоминались. Так как указание на сферу деятельности является важнейшим признаком семантики «дилетанта», его устранение из дефиниций свидетельствует о серьёзной трансформации значения слова.

Почти половина дефиниций (42%) не относится к ядерным; часть дефиниций находится за пределами лексического значения. Статистические данные обнаруживают, что «дилетант» является агнонимом главным образом для респондентов младшей возрастной группы. Всё перечисленное свидетельствует о постепенном устаревании лексемы «дилетант». Слово и его денотат существуют в объективной реальности, но понятие о дилетанте оказывается невостребованным среди определённых носителей языка. На современном этапе лексема утрачивает актуальность (в наибольшей степени в молодёжной среде) и приобретает статус нотиолизма.

Исследование восприятия и оценки реципиентами дилетантского текста позволило выявить отношение к фигуре дилетанта, оценку достоверности его сообщения, а также отношение к дилетанту как к языковой личности. Фигура дилетанта неодинаково оценивается людьми разных возрастов. В эксперименте с возрастными группами респондентов от 18 до 44 лет и от 50 до 62 лет выяснилось, что первые более лояльны к данному социальному типу, чем вторые. Полагаем, что причиной является изменение социокультурных и технологических условий получения информации и получения образования, изменение практик личностного и карьерного роста.

Оценки реципиентами культурно-речевых особенностей «Письма главного редактора» коррелируют с оценками содержания. Речевая манера автора текста, рассчитанная на аудиторию молодых читателей и получившая одобрение с их стороны, смыкается с общими стилистическими тенденциями СМИ, прежде всего установкой на разговорность. Старшие носители языка в той или иной степени дистанцируются от этой манеры, отмечая негативные качества текста, речевую агрессию и нарушение этических норм.

Результаты проведённых психолингвистических экспериментов коррелируют между собой, определяют направления трансформации значения слова «дилетант», в определённой степени свидетельствуют о потере словом актуальности.

Заключение

В проведённом исследовании фигура дилетанта рассмотрена как социальный тип, понимаемый в русле социологических и психологических концепций, и как фрагмент социального знания, а именно социальный стереотип, который может быть реконструирован посредством комплексного лингвистического описания его языковых, текстовых, дискурсивных, ассоциативных репрезентаций.

Дилетант является социальным типом, обладая такими его характеристиками, как повторяющиеся особенности личности: участие в какой-либо деятельности без образования и специальной подготовки; стремление к самопрезентации; зависимость качественных признаков от социокультурных условий. В отдельных сферах деятельности (литературное творчество, медиакоммуникации) дилетант проявляется как языковая личность.

Представления социума о дилетанте заметно меняются на хронологическом отрезке от рубежа XX – XXI веков до настоящего времени, особенно в последнее десятилетие. Экстралингвистические предпосылки динамических процессов – развивающаяся система открытого образования, возрастающая роль «гибких навыков» во многих сферах профессиональной деятельности, новые возможности самоидентификации и самопрезентации, предоставляемые интернет-коммуникациями, тенденция к многопрофильному развитию личности помимо профессиональной сферы деятельности или даже в ущерб ей.

При описании социально-коммуникативных типов личности в лингвистике используются такие лингвистические конструкты, как групповая языковая личность, модельная личность, лингвокультурный типаж, образ (образ-концепт). Каждый из них, по разным основаниям, не вполне соответствует объекту и задачам настоящего исследования. Модельная личность отражает типы личности, выполняющие функцию образца для

подражания, формирующие ориентиры поведения. Лингвокультурный типаж предполагает обязательное наличие коллективного речевого портрета. Образ (образ-концепт) акцентирует в описании образно-ассоциативные элементы. В нашем исследовании важно было показать динамику социальных знаний о дилетанте, что оказалось возможным в рамках построения комплексной лингвистической динамической модели. В рамках модели локально используется (применительно к дилетантам, проявляющим себя в писательстве) понятие языковой личности.

На основе лексикографических источников, изданных в период с 1984 г. по 2013 г. (период обозначен в диссертации как рубеж XX – XXI вв.), в соответствии с методикой семного описания значения И. А. Стернина [Стернин 2013] построено номинативное поле ‘дилетант’. Его смысловое пространство составляют лексемы *непрофессионал; неспециалист; любитель; неопытный; профан; графоман* и ряд смысловых признаков: ‘сфера деятельности’, ‘нет знаний’, ‘нет специальной / профессиональной подготовки’, ‘плохо разбирается’, ‘нет опыта’, ‘имеет пристрастие к какому-то делу’, ‘хобби’. Таким образом выявлено ядро лексического значения «дилетант», актуальное на начальном этапе исследуемого хронологического отрезка. Анализ текстовых репрезентаций лексемы «дилетант» в основном корпусе НКРЯ, включающих примеры в диапазоне от рубежа XX – XXI вв. до 2021 г., позволил зафиксировать периферийные смыслы, функционирующие в текстах всего исследуемого периода, такие как ‘широко мыслит’, ‘нестандартно мыслит’, ‘открыт для новых знаний’ и др.

В диссертации востребовано понятие социокультурной модели социальных знаний О. К. Ирисхановой [Ирисханова 2014]. Для социокультурной модели, как и для модели, выстроенной в данном исследовании, существенно, что она двунаправленна: с одной стороны, это лингвистический конструкт, а с другой – часть социальных знаний, более или менее устойчивый социальный стереотип. Профилирование текстовых репрезентаций по выделенным О. К. Ирисхановой свойствам модели

(структурная сложность, неопределённость / вариативность, частичная порождаемость в текстах) оказалось продуктивным, так как данные свойства сообщают модели динамический характер. Наиболее ярко это демонстрирует свойство неопределённости элементов. В текстовых репрезентациях из НКРЯ неопределённость модели формируется образными средствами языка, которые имплицитно, а следовательно, неоднозначно выражают информацию о дилетанте, а также избыточными номинациями, в том числе перечислительными рядами с компонентом «дилетант», транслирующими различные авторские интенции. Неопределённость / вариативность модели создаётся также за счёт разной степени дилетантизма, от *полного дилетанта* до *образованного* или *талантливового*. В целом свойство неопределённости модели делает её адаптивной, способной помочь разным членам социума «подстраиваться» под социальные нормы.

Структурная сложность модели заключается в том, что при её функционировании акцентируется один из четырёх смысловых «полюсов», каждый из которых отражается в одной из четырёх пропозиций: 1) дилетант-непрофессионал не имеет опыта; 2) дилетант-неспециалист не получил образования; 3) дилетанту-любителю нравится делать что-либо; 4) кто-то оценивает дилетанта (непрофессионала, специалиста, любителя) с разных позиций. В последнем случае в роли субъекта оценки может быть сам дилетант. Цементирует эту сложную структуру признак ‘сфера деятельности’, в одинаковой степени соотносимый с непрофессионалом, специалистом, любителем.

Свойство частичной порождаемости в текстах означает, что модель содержит не только обработанную информацию в виде готовых знаний (как в лексикографических источниках), но и те знания, представления, которые формируются в ходе дискурсивной деятельности. В текстово-дискурсивных репрезентациях дилетант представлен как субъект и объект речи.

В субъектном качестве рассмотрена, на материале детективных рассказов, групповая языковая личность «непрофессиональный писатель».

Непрофессиональная проза определена как часть текущих социальных и дискурсивных практик, порождённых условиями интернет-коммуникации, а также как симптоматичное проявление самореализации дилетанта. Другой вариант «я»-высказываний дилетанта обозначен в диссертации как «дискурс неспециалиста». Введение в исследование окказионального термина «неспециалист» представляется принципиально важным. К данной категории относим тех, кто занимается профессиональной деятельностью (преимущественно в гуманитарной сфере), при этом не имеет специального образования, приобретает опыт непосредственно на рабочем месте, достигает успеха, получает доход. По специальной авторской методике был сформирован корпус интернет-текстов, в которых авторами или объектами оценки выступили неспециалисты. В жанровом отношении тексты неспециалистов охарактеризованы как самопрезентация, мотивирующая речь, мотивационная программа. По результатам их исследования по методу фреймирования сделан вывод, что для неспециалистов важна положительная самоидентификация (в частности, делается акцент на успехе, достигнутом без образования), их отличает оптимизм, желание обучаться во время рабочего процесса, открытость. В «они»-высказываниях, реализованных в жанре комментария, представителей нового социального типа характеризуют в основном негативно – не признают, критикуют.

В целом же дилетант как объект речи представлен в текстовых реализациях неоднозначно, из представления о нём постепенно уходит традиционно негативное значение. Этот факт, наряду с упрочиванием в социуме позиции неспециалиста (как бы он ни назывался), влияет на лингвистический статус лексемы «дилетант», придавая ей черты нотиолизма (термин Б. Ю. Нормана).

Представления о социальном типе дилетант в языковом сознании современных носителей языка реконструированы на основе психолингвистических экспериментов, проведенных в 2020 – 2022 гг. Экспериментальный материал, полученный от разных демографических групп

современного российского общества, выявил вполне определённые тенденции.

В ассоциативных экспериментах на стимул «дилетант» реакции респондентов младшей и старшей возрастных групп (мужчины и женщины 18 – 35 лет; мужчины и женщины старше 35 лет) в значительной степени копируют ядерные лексемы номинативного поля. В семантических полях самыми частотными реакциями являются *непрофессионал, новичок, неопытный, любитель*, что свидетельствует об устойчивости ядра модели. В то же время в реакциях младшей группы отражается снижение значимости специального образования для реализации какой-либо деятельности (отсутствует реакция *неспециалист*), а традиционная негативная оценка в большей степени и в более экспрессивной форме выражена у респондентов старше 35 лет.

В семантическом эксперименте с теми же группами респондентов получен корпус обыденных дефиниций лексемы «дилетант». Семантический эксперимент коррелирует с результатами ассоциативного: более половины дефиниций отражают ядро лексического значения, выведенного по словарям рубежа XX – XXI вв. С другой стороны, очевидно, что представления о дилетанте трансформируются, причём в разной степени у разных возрастных групп респондентов. Для части респондентов в возрасте 18 – 35 лет «дилетант» является полным или частичным агнонимом.

Психолингвистическими экспериментами подтверждена значимость смыслового признака ‘сфера деятельности’, который проявлялся на всех этапах исследования. Однако по сравнению с лексическим значением, реконструированным по словарям, в экспериментах ‘сфера деятельности’ указывается более отвлечённо (*область, тема, вопрос* и т. д.), особенно в младшей группе респондентов. Напротив, увеличивается значимость смыслового признака ‘некомпетентный’, который отсутствовал в лексическом значении. Показателен и требует дальнейшего изучения тот факт, что в определениях слова «некомпетентный» отсутствует указание на деятельность

вообще и профессиональную деятельность. См. «Некомпетентный – Не обладающий достаточными знаниями, недостаточно осведомлённый в чём-л.» [БТС 1998].

Таким образом, психолингвистические эксперименты подтвердили динамичность модели, её способность подстраиваться под потребности социума, постепенную деактуализацию лексемы «дилетант», обусловленную трансформацией дилетанта в новый социальный тип.

Зависимость отношения к дилетанту от возраста реципиента подтвердило исследование восприятия дилетантского текста – письма журналиста, человека с высшим техническим образованием, на тему норм русского языка. Более молодые участники эксперимента относятся к нему лояльнее, чем представители старшей группы. Кроме того, на восприятие этого текста оказало влияние то, принадлежал или не принадлежал участник эксперимента к профессиональной филологической сфере. Студенты-филологи резко негативно высказывались о тексте, в котором автор допускает разного рода ошибки; неспециалисты из младшей возрастной группы одобрили доступность информации, шуточный тон и т.д.

Гипотеза о том, что, во-первых, социальный тип *дилетант* претерпевает качественные изменения, «дрейфуя» в сторону нового социального типа, и, во-вторых, что его оценка со стороны общества постепенно смещается к положительному полюсу, полностью подтверждена.

В связи с малой степенью изученности темы и одновременно интенсивным развитием социальных процессов в сфере образования и профессиональной деятельности, ростом возможностей интернет-коммуникаций, открываются широкие перспективы для дальнейших исследований феномена дилетантизма. В будущем можно сравнить социальные знания о дилетанте в русской и других лингвокультурах, более подробно изучить речевую самопрезентацию нового социального типа, сопоставить содержание понятий «дилетант» и «эксперт» (в новых значениях последнего).

Библиографический список

1. Абакумова, О. Б. Пословичные концепты и паремический дискурс / О. Б. Абакумова // Ученые записки Казанского университета. Сер. Гуманитарные науки. – 2011. – № 6. – С. 128–139. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/poslovichnyye-kontsepty-i-paremicheskiy-diskurs> (дата обращения: 15.02.2022).
2. Абрамова, А. А. Механистический образ человека в русской языковой картине мира / А. А. Абрамова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2019. – Т. 12, № 6. – С. 289–293. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mehanisticheskiy-obraz-cheloveka-v-russkoj-yazykovoy-kartine-mira> (дата обращения: 03.03.2023).
3. Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типажи : сб. науч. тр. / под ред. В. И. Карасика. – Волгоград : Парадигма, 2005. – 310 с.
4. Анистратенко, И. В. Лингвориторические параметры групповой языковой личности (на материале русского религиозно-философского дискурса начала XX в.) / И. В. Анистратенко // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты. – 2009. – № 13. – С. 12–20. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21427607> (дата обращения: 15.02.2022).
5. Анистратенко, И. В. Лингвориторические характеристики авторского коллектива как групповой языковой личности / И. В. Анистратенко // Язык: история и современность. – 2019. – № 2. – С. 13–26. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=39534880> (дата обращения: 15.02.2022).
6. Анистратенко, И. В. О прагматике групповой языковой личности (на материале сборника статей «Из глубины») / И. В. Анистратенко // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты. – 2008. – № 11. – С. 5–12. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21610518> (дата обращения: 15.02.2022).

7. Арекеева, Ю. Е. Проведение и анализ данных ассоциативного эксперимента в лингвистических исследованиях / Ю. Е. Арекеева // Исследовательский журнал русского языка и литературы. – 2022. – Т. 10, № 2 (20). – С. 193–206. – DOI 10.52547/iarll.20.193. – EDN XOWOIA.
8. Арсланбекова, З. Ш. Открытый семантический ряд как средство экспрессивного синтаксиса в военных повестях (1941-1945 гг.) / З. Ш. Арсланбекова // Известия ДГПУ. – 2008 – № 8. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otkrytyy-semanticheskiy-ryad-kak-sredstvo-ekspressivnogo-sintaksisa-v-voennyh-povestyah-1941-1945-gg> (дата обращения: 19.03.2021).
9. Артемьева, Е. Ю. Основы психологии субъективной семантики / Е. Ю. Артемьева. – Москва : Наука ; Смысл, 1999. – 350 с. – ISBN 5-02-008287-2.
10. Асмолов, А. Г. Культурно-историческая психология и конструирование миров / А. Г. Асмолов. – Москва : Изд-во Ин-та практ. психологии ; Воронеж : НПО «МОДЭК», 1996. – 768 с. – ISBN 5-87224-106-2.
11. Ахмедова, Ф. В. Функции и особенности построения диалога в художественном тексте / Ф. В. Ахмедова // Вестник Ошского государственного университета. – 2016. – № 3-2. – С. 249–253. – EDN ZSMGHL.
12. Барышникова, И. Е. Профессиональная компетентность: виды, структура и современные подходы / И. Е. Барышникова // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. – 2012. – № 3. – С. 69–76. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/professionalnaya-kompetentnost-vidy-struktura-i-sovremennye-podhody> (дата обращения: 21.05.2022).
13. Современные детерминанты развития soft skills / С. Н. Бацунов, И. И. Дереча, И. М. Кунгурова, Е. В. Слизкова // Концепт. – 2018. – № 4. – С. 198–207. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-determinanty-razvitiya-soft-skills> (дата обращения: 25.10.2021).

- 14.Белинская, Е. П. Социальная психология личности : учеб. пособие для вузов / Е. П. Белинская, О. А. Тихомандрицкая. – Москва : Аспект Пресс, 2001. – 301 с. – ISBN 5-7567-0137-0.
- 15.Белоусова, Л. Д. Фразеологические единицы и слово / Л. Д. Белоусова // Проблемы Науки. – 2015. – № 6 (36). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/frazeologicheskie-edinitsy-i-slovo> (дата обращения: 28.06.2023).
- 16.Беляев, Д. В. Перечислительные ряды в речевом жанре *Buttenrede* / Д. В. Беляев // Вестник ЮУрГУ. – 2011. – № 22. – С. 88–90. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/perechislitelnye-ryady-v-rechevom-zhanre-butzenrede/viewer> (дата обращения: 19.03.2021).
- 17.Бешкарев, А. А. Нарушения журналистской профессиональной этики в региональной бесплатной печати (на примере газеты «Народная») / А. А. Бешкарев // Вестник Сыктывкарского ун-та. Сер. гуманитарных наук. – 2014. – Вып. 3. – С. 55–63.
- 18.Боброва, Л. А. 2006. 04. 008. Прохоров Ю. Е. Действительность. Текст. Дискурс. – М.: Флинта; Наука, 2004. – 222 с. / Л. А. Боброва // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 3. Философия : реферат. журнал. – 2006. – № 4. – С. 44–48. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/2006-04-008-prohorov-yu-e-deystvitelnost-tekst-diskurs-m-flinta-nauka-2004-222-s> (дата обращения: 23.06.2023).
- 19.Богин, Г. И. Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Ленинград, 1984. – 31 с. – URL: <https://studfile.net/preview/3299583/> (дата обращения: 19.03.2021).
- 20.Болотнов, А. В. Самопрезентация языковой личности в публичном дискурсе: когнитивно-стилистический аспект // Вестник ТГПУ. – 2012. – № 10 (125). – С. 169–172. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/samoprezentatsiya-yazykovoy-lichnosti-v>

- publichnom-diskurse-kognitivno-stilisticheskiy-aspekt (дата обращения: 28.02.2023).
- 21.Болотнова, Н. С. Филологический анализ текста : учеб. пособие / Н. С. Болотнова. – 4-е изд. – Москва : Флинта : Наука, 2009. – 520 с. – ISBN 978-5-9765-0053-2.
- 22.Борисова, Е. Б. О содержании понятий 'художественный образ' и 'образность' в литературоведении и лингвистике // Вестник Челябинского государственного университета. – 2009. – № 35 (173). – С. 20–26. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-soderzhanii-ponyatiy-hudozhestvennyy-obraz-i-obraznost-v-literaturovedenii-i-lingvistike> (дата обращения: 25.05.2020).
- 23.Брюханова, И. А. Семантический гештальт ассоциативного поля как инструмент анализа языкового сознания / И. А. Брюханова // Молодёжь третьего тысячелетия : сб. науч. ст. (Омск, 08–30 апр. 2016 г.). – Омск : Изд-во ОмГТУ, 2016. – С. 557–559.
- 24.Бугорская, Н. В. Научный «Подтекст» в литературном тексте : философия науки и жанр детектива / Н. В. Бугорская // Филология и человек. – 2013. – № 3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nauchnyy-podtekst-v-literaturnom-tekste-filosofiya-nauki-i-zhanr-detektiva> (дата обращения: 17.06.2023).
- 25.Бузинова, Л. М. О статусе языковой личности преподавателя в литературном дискурсе / Л. М. Бузинова // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2019. – № 1. – С. 23–30. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-statuse-yazykovoy-lichnosti-prepodavatelya-v-literaturnom-diskurse> (дата обращения: 02.03.2023).
- 26.Бутакова, Л. О. Когнитивно-дискурсивный портрет пожилого человека: взгляд «изнутри» и «снаружи» / Л. О. Бутакова // Этнопсихолингвистика. – 2020. – № 3. – С. 135–156. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kognitivno-diskursivnyy-portret-pozhilogo-cheloveka-vzglyad-iznutri-i-snaruzhi> (дата обращения: 19.05.2023).

- 27.Бутакова, Л. О. Психолингвистическое моделирование процессов восприятия и понимания официально-деловых текстов профессионалами / Л. О. Бутакова // Вестник Омского университета. – 2014. – № 4 (74). – С. 169–174. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psiholingvisticheskoe-modelirovanie-protssesov-vospriyatiya-i-ponimaniya-ofitsialno-delovyh-tekstov-professionalami> (дата обращения: 5.12.2022).
- 28.Бутакова, Л. О. Региональный аспект изучения языкового сознания: итоги экспериментального исследования / Л. О. Бутакова // Языковое бытие человека и этноса. – 2011. – № 18. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/regionalnyu-aspekt-izucheniya-yazykovogo-soznaniya-itogi-eksperimentalnogo-issledovaniya> (дата обращения: 19.05.2023).
- 29.Бутакова, Л. О. Семантическое пространство мультимодального текста как эмотивно-ценностный феномен (на материале восприятия русских и американских мультфильмов) / Л. О. Бутакова // Филология и человек. – 2016. – № 2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/semanticheskoe-prostranstvo-multimodalnogo-teksta-kak-emotivno-tsennostnyu-fenomen-na-materiale-vospriyatiya-russkih-i-amerikanskih> (дата обращения: 19.05.2023).
- 30.Ван Дайн, С. С. Двадцать правил для писания детективных романов / С. С. Ван Дайн // Как сделать детектив : сб / пер. с англ., фр., исп., нем. ; сост. А. Строева. – Москва : Радуга, 1990. – URL: https://royallib.com/read/borhes_horhe/kak_sdelat_detektiv_.html#143542 (дата обращения: 17.06.2023).
- 31.Васильев, Л. М. Современная лингвистическая семантика : учеб. пособие для вузов / Л. М. Васильев. – Москва : Высшая школа, 1990. – 176 с. – ISBN 5-06-000781-2.
- 32.Веллер, М. Технология рассказа. – Москва : АСТ, 2006. – 80 с. – URL: <http://semend.narod.ru/texts/storytech.htm> (дата обращения: 16.04. 2023).

33. Винья-Тальянти, Я. Особенности фрейма «зелёная экономика» в англоязычном политическом дискурсе / Я. Винья-Тальянти, Е. Н. Сидорова, Е. Н. Ширлина // Современные исследования социальных проблем. – 2022. – Т. 14, № 4. – С. 223–250. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-freyma-zelyonaya-ekonomika-v-angloyazychnom-politicheskom-diskurse> (дата обращения: 19.05.2023).
34. Волкова, Е. В. Современные культурные инициативы в социальной типологии личности / Е. В. Волкова // Казанский педагогический журнал. – 2021. – № 6 (149). – С. 250–256. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-kulturnye-initsiativy-v-sotsialnoy-tipologii-lichnosti> (дата обращения: 28.02.2023).
35. Воркачев, С. Г. Любовь как лингвокультурный концепт : моногр. / С. Г. Воркачев. – Москва : Гнозис, 2007. – 284 с. – ISBN 5-7333-0162-7.
36. Ворожбитова, А. А. Теория текста : Антропоцентрическое направление / А. А. Ворожбитова. – Москва : ФЛИНТА, 2014. – 368 с. – ISBN 978-5-9765-1844-5.
37. Ганзен, В. А. О понятии типа в психологии / В. А. Ганзен, А. А. Фомин // Вестник Санкт-петербургского университета. Сер. 6. Психология. – 1993. – Вып. 1, № 6. – URL: <https://vshp.pro/wp-content/uploads/2020/03/Ganzen-V.A.-Fomin-A.A.-Ponyatie-tipa-v-psiologii.pdf> (дата обращения: 21.05.2020).
38. Гараева, В. Ю. Каталогизация социальных типов в СМИ (на материале серийных перифраз) / В. Ю. Гараев // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2020. – Т. 162, кн. 5. – С. 194–209. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/katalogizatsiya-sotsialnyh-tipov-v-smi-na-materiale-seriunyh-perifraz> (дата обращения: 01.03.2023).
39. Гасанова, Г. А. Образ красивого человека в русской языковой картине мира (на материале фразеологических и паремиологических единиц) / Г. А. Гасанова // Мир науки, культуры, образования. – 2017. – № 6 (67). – С. 481–484. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-krasivogo>

- cheloveka-v-russkoy-yazykovoy-kartine-mira-na-materiale-frazeologicheskikh-i-paremiologicheskikh-edinits (дата обращения: 03.03.2023).
40. Гаспарян, Г. Р. Текст как дискурсивное событие / Г. Р. Гаспарян, В. Е. Чернявская // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2014. – № 4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tekst-kak-diskursivnoe-sobytie> (дата обращения: 15.02.2022).
41. Гафиятова, Э. В. Билингвальная профессиональная компетенция как условие успешной межкультурной коммуникации / Э. В. Гафиятова // Интеграция образования. – 2014. – № 2. – С. 82–88. – URL: <http://edumag.mrsu.ru/content/pdf/14-2/82-88.pdf> (дата обращения: 21.05.2020).
42. Голикова, Т. А. Этнопсихолингвистическое исследование языкового сознания (на материале алтайско-русского ассоциативного эксперимента) : моногр. – Москва : ИЯ РАН, 2005. – 322 с.
43. Гольдин, В. Е. Коммуникативные стратегии в ассоциативном эксперименте // Психолингвистика в XXI веке: результаты, проблемы, перспективы : XVI Междунар. симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации : тезисы докл. (Москва, 15–17 июня 2009 г.) / ред. коллегия: Е. Ф. Тарасов, О. В. Балясникова, Е. С. Ощепкова, Н. В. Уфимцева. – Москва : Эйдос, 2009. – С. 203–204.
44. Гордеева, Е. М. Фреймы в дискурс-анализе / Е. М. Гордеева // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. – Сер. Филология, педагогика, психология. – 2015. – Вып. 2. – С. 39–43. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/freymy-v-diskurs-analize> (дата обращения: 15.02.2022).
45. Горохова, Н. В. Категориальное членение профессионального знания (на примере подъязыка трубопроводного транспорта) / Н. В. Горохова // Казанская наука. – 2018. – № 4. – С. 53–56. – URL:

- <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=34969337&> (дата обращения: 28.02.2022).
46. Горошко, Е. И. Интегративная модель свободного ассоциативного эксперимент : моногр. – Москва ; Харьков : Ра-Каравелла, 2006. – 320 с. – ISBN 966-7012-09-3.
47. Григорова, Ю. Б. Влияние типов личности на совместную деятельность / Ю. Б. Григорова // Современная высшая школа: инновационный аспект. – 2012. – № 1. – С. 181–184. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17741207> (дата обращения: 21.05.2020).
48. Гуц, Е. Н. Ассоциативный потенциал лексем – обозначений эмоций / Е. Н. Гуц // Вестник ВолГУ. – Сер. 2. Языкознание. – 2023. – № 1. – С. 53–64. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/assotsiativnyy-potentsial-lexsem-oboznacheniy-emotsiy> (дата обращения: 10.03.2023).
49. Гуц, Е. Н. Ассоциативный эксперимент как инструмент выявления уровня сформированности языковой компетенции иностранных студентов, изучающих русский язык / Е. Н. Гуц, Н. Н. Елисеева // Наука о человеке: гуманитарные исследования. – 2014. – № 1 (15). – С. 132–139.
50. Гуц, Е. Н. Восприятие художественного текста учащимися средней школы: психолингвистический подход / Е. Н. Гуц // Вестник ВолГУ. Сер. 2: Языкознание. – 2017. – № 2. – С. 93–98. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vospriyatie-hudozhestvennogo-teksta-uchaschimisyu-sredney-shkoly-psiholingvisticheskiy-podhod> (дата обращения: 10.03.2023).
51. Давлетбаева, Д. Н. Особенности языковых трансформаций фразеологических единиц: когнитивный аспект / Д. Н. Давлетбаева, Е. С. Панкратова // Вестник КазГУКИ. – 2015. – №4-1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-yazykovyh-transformatsiy->

- frazeologicheskikh-edinitov-kognitivnyy-aspekt (дата обращения: 15.06.2023).
52. Дементьев, В. В. Непрямая коммуникация / В. В. Дементьев. – Москва : Гнозис. – 2006. – 376 с. – ISBN 5-7333-0181-3.
53. Демешкина, Т. А. Лексика как основа дискурсивного взаимодействия в русском языковом пространстве / Т. А. Демешкина // Русский язык в поликультурном мире : сборник научных статей IV Международного симпозиума: в 2 томах, Симферополь, 09–11 июня 2020 года. Том 1. – Симферополь: Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, 2020. – С. 181-187. – EDN KVFBUF.
54. Денисенко, В. Н. Содержание и структура ядра и приядерной зоны лексико-семантического поля «межличностные отношения» на материале романа Ф. М. Достоевского «Идиот» / В. Н. Денисенко, И. А. Романова // Вестник РУДН. – Сер. Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2018. – № 3. – С. 625–639. – URL: [https://cyberleninka.ru/article/n/soderzhanie-i-struktura-yadra-i-priyadernoy-zony-leksiko-semanticheskogo-polya-mezhlichnostnye-otnosheniya-na-materiale-romana-f-m](https://cyberleninka.ru/article/n/soderzhanie-i-struktura-yadra-i-priyadernoy-zony-leksiko-semanticheskogo-polya-mezhlichnostnye-otnosheniya-na-materiale-romana-f-m-dostoevskogo-idiot) (дата обращения: 21.05.2022).
55. Дмитриева, О. А. Лингвокультурный типаж "ветеран": проблемы выделения понятийной составляющей / О. А. Дмитриева // Сталинградская гвоздика : Сборник материалов международной конференции, Волгоград, 17–21 апреля 2018 года / Волгоградский государственный социально-педагогический университет, Волгоградский центр гражданского образования, Волгоградское отделение ассоциации "Общество русской словесности". Выпуск 3. – Волгоград: Фортесс, 2018. – С. 112-119. – EDN SDPBWC.
56. Дмитриева, О. А. Лингвокультурный типаж «французский буржуа» / О. А. Дмитриева // Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типажы : сб. науч. тр. / под ред. В. И. Карасика. – Волгоград : Парадигма, 2005. – С. 74–88.

57. Дмитриева, О. А. Семантическое развитие понятия "токсичность" / О. А. Дмитриева, Ю. Ху // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. – 2022. – № 3(36). – С. 103-108. – DOI 10.36809/2309-9380-2022-36-103-108. – EDN HBSXSB.
58. Дубровская, Е. М. Лингвокультурный типаж «сказочник»: аксиологический аспект / Е. М. Дубровская // Когнитивные исследования языка. – 2023. – № 3-1(54). – С. 346-351. – EDN MPVQQH.
59. Дубровская, Е. М. Лингвокультурный типаж «человек богемы» (динамический аспект) : специальность 10.02.01 «Русский язык» : автореф. дис. ... канд. филолог. наук / Е. М. Дубровская ; Новосибир. гос. техн. ун-т. – Омск, 2017. – 22 с.
60. Дубровская, Е. М. Типология лингвокультурных типажей: опыт систематизации / Е. М. Дубровская // Мир науки, культуры, образования. – 2016. – № 2(57). – С. 364-366. – EDN VVNZRR.
61. Ермаков, Д. С. Персонализированная модель образования: развитие гибких навыков / Д. С. Ермаков // Образовательная политика. – 2020. – № 1 (81). – С. 104–112.
62. Залевская, А. А. Ассоциативный эксперимент в условиях билингвизма и трилингвизма / А. А. Залевская // Материалы второго симпозиума по психолингвистике (Москва, 4–6 июня 1968 г.). – Москва : Наука, 1968. – С. 73–74.
63. Залевская, А. А. Введение в психолингвистику : учеб. / А. А. Залевская. – 2-е изд. испр. и доп. – Москва : Изд-во РГГУ, 2007. – 560 с.
64. Залевская, А. А. Значение слова в зеркале психолингвистического портретирования (1) / А. А. Залевская // Вестник ТвГУ. Сер. Филология. – 2010. – № 3. – С. 175–193.
65. Залевская, А. А. Текст и его понимание : моногр. / А. А. Залевская. – Тверь : Твер. гос. ун-т, 2001. – 177 с. – ISBN 5-87049-221-1.

- 66.Иванова, М. Н. «Семантический гештальт» концепта «Арктика» в языковом сознании носителей русского языка / М. Н. Иванова, Е. Н. Проскачина // Арктика XXI век. Гуманитарные науки. – 2022. – № 4 (30). – С. 99–107. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/semanticheskiy-geshtalt-kontsept-a-arktika-v-yazykovom-soznanii-nositeley-russkogo-yazyka> (дата обращения: 01.02.2023).
- 67.Иванцова, Е. В. О термине «языковая личность»: истоки, проблемы, перспективы использования / Е. В. Иванцова // Вестник ТГУ. Сер. Филология. – 2010. – № 4 (12). – С. 24–32. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/o-termine-yazykovaya-lichnost-istoki-problemy-perspektivy-ispolzovaniya> (дата обращения: 21.05.2020).
- 68.Игнатьева, Т. Г. Модельная личность западно-европейского средневековья: дама сердца / Т. Г. Игнатьева // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. – 2010. – № 2. – С. 88–92. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/modelnaya-lichnost-zapadno-vropeyskogo-srednevekovyua-dama-serdtsa> (дата обращения: 21.05.2022).
- 69.Ирисханова, О. К. Социокогнитивная лингвистика: структуры социальных знаний и проблемы их описания / О. К. Ирисханова // Вопросы когнитивной лингвистики, 2014. – № 4 (041). – С. 5–17.
- 70.Карасик, В. И. Дискурсивная точность: функциональные характеристики / В. И. Карасик // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. – 2022. – № 3-2. – С. 61-71. – DOI 10.18384/2310-712X-2022-3-2-61-71. – EDN ANHSLK.
- 71.Карасик, В. И. Доминанты современного публичного коммуникативного поведения / В. И. Карасик // Дискурсивные практики в современном мире : Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Москва, 27 ноября 2020

- года. – Москва: Московский государственный областной университет, 2021. – С. 97-102. – EDN HHWQOE.
72. Карасик, В. И. Лингвокультурный типаж: к определению понятия / В. И. Карасик, О. А. Дмитриева // Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типажы : сб. науч. тр. / под ред. В. И. Карасика. – Волгоград : Парадигма, 2005. – С. 5–25.
73. Карасик, В. И. О категориях дискурса // Языковая личность: социолингвистические и эмотивные аспекты : сб. науч. тр. – Волгоград : Саратов : Перемена, 1998. – С.185–197.
74. Карасик, В. И. Самовыражение в разных типах дискурса / В. И. Карасик // Коммуникативные исследования. – 2022. – Т. 9, № 3. – С. 564-574. – DOI 10.24147/2413-6182.2022.9(3).564-574. – EDN FTXEQD.
75. Карасик, В. И. Языковая личность как предмет изучения антропологической лингвистики // Известия ВГПУ. – 2011. – №8. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovaya-lichnost-kak-predmet-izucheniya-antropologicheskoy-lingvistiki> (дата обращения: 18.09.2022).
76. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Москва : Гнозис, 2002. – 481 с.
77. Караулов, Ю. Н. Индивидуальный ассоциативный словарь / Ю. Н. Караулов, М. М. Коробова // Вопросы языкознания. – 1993. – № 5. – С. 5–15.
78. Караулов, Ю. Н. Показатели национального менталитета в ассоциативно-вербальной сети / Ю. Н. Караулов // Языковое сознание и образ мира / отв. ред. Н. В. Уфимцева. – Москва : Изд-во ИЯ РАН, 2000. – С. 191–206. – URL: https://iling-ran.ru/library/psylingva/sborniki/Book2000/html_204/4-1.html (дата обращения: 19.06.2023).
79. Караулов, Ю. Н. Русская языковая личность и задачи её изучения / Ю. Н. Караулов, Е. В. Красильникова ; отв. ред. Д. Н. Шмелев // Язык и

- личность : сб. ст. – Москва : Наука, 1989. – С. 3–8. – URL: http://genhis.philol.msu.ru/article_329.html (дата обращения: 21.05.2022).
80. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – Москва : Изд-во ЛКИ, 2010. – 264 с.
81. Караулов, Ю. Н. Структура лексико-семантического поля / Ю. Н. Караулов // Филологические науки. – 1972. – № 1. – С. 57–68.
82. Кардович, И. К. О когнитивном анализе текста / И. К. Кардович // Вестник Московской международной академии. – 2011. – С. 31–35. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-kognitivnom-analize-teksta> (дата обращения: 15.02.2022).
83. Кезина, С. В. Семантическое поле как система / С. В. Кезина // Филологические науки. – 2004. – №4. – С. 79–86.
84. Керимов, Р. Д. Метафорическая актуализация фрейма «Экономика» в социально-политической коммуникации ФРГ / С. В. Керимов, Л. И. Федянина // Политическая лингвистика. – 2014. – № 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metaforicheskaya-aktualizatsiya-freyma-ekonomika-v-sotsialno-politicheskoy-kommunikatsii-frg> (дата обращения: 19.05.2023).
85. Кестхейи, Т. Анатомия детектива: Следствие по делу о детективе / Т. Кестхейи ; пер. с венг. Е. Тумаркиной ; предисл. Г. А. Анджапаридзе. – Будапешт : Корвина, 1989. – 272 с. – ISBN 963-13-2883-X.
86. Ким, Л. Г. Вариативно-интерпретационное функционирование текста / Л. Г. Ким ; Кемеров. гос. ун-т. – Томск : Изд-во ТГПУ, 2009. – 311 с. – ISBN 978-5-89428-453-8.
87. Кириленко, Н. Н. Авантюрное расследование или классический детектив / Н. Н. Кириленко // Новый филологический вестник. – 2012. – № 2 (21). – С. 80–95. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/avantyrnoe-rassledovanie-ili-klassicheskiy-detektiv> (дата обращения: 17.06.2023).

88. Клушина, Н. И. Этические аспекты массовой коммуникации / Н. И. Клушина // Вестник Российского ун-та дружбы народов. Сер. Лингвистика. – 2014. – № 1. – С. 59–66.
89. Кобозева, И. М. Лингвистическая семантика / И. М. Кобозева. – Москва : Эдиториал УРСС, 2000. – 352 с.
90. Кондрашихина, О. А. Дифференциальная психология : учеб. пособие. / О. А. Кондрашихина. – Киев : Центр учебной литературы, 2009. – 232 с. – URL:
<https://yandex.ru/search/?text=дифференциальная%20психология%20кондрашихина&clid=2055112&banerid=6301003417%3A5aaea111bf587e0016b75af9&win=94&&lr=66> (дата обращения: 21.05.2020).
91. Кормилицына, М. А. Стилистическая контаминация в современном медиадискурсе (на материале печатных СМИ) / М. А. Кормилицына // Проблемы речевой коммуникации : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. М. А. Кормилицыной. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2015. – Вып. 15. – С. 23–37.
92. Коровина, А. Ю. Лингвокультурный типаж как разновидность языковой личности / А. Ю. Коровина // Языковая личность в современном мире : материалы 1-й Междунар. науч.-практ. конф. – Ч. 1. – Назрань : Пилигрим, 2010. – С. 34–40.
93. Костина, В. А. Анализ дискурса о новом социальном типе: кто пришел на смену дилетанту / В. А. Костина. – DOI: 10.36809/2309-9380-2022-35-87-92 // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. – 2022. – № 2 (35). – С. 87–92.
94. Костина, В. А. Дискурс-анализ непрофессионального художественного текста (на примере детективного рассказа) / В. А. Костина // Коммуникативные исследования. – 2017. – № 4 (14). – С. 117–127.

95. Костина, В. А. «Избыточность» номинаций в минимальном контексте как индикатор неопределённости знаний о ДИЛЕТАНТЕ / В. А. Костина // Актуальные проблемы языкознания. – 2021. – Т. 1. – С. 74–79.
96. Костина, В. А. Номинативное поле концепта «ДИЛЕТАНТ» / В. А. Костина // Новейшая филология: итоги и перспективы исследований : сб. статей Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. О. В. Золтнер. – 2019. – С. 168–171.
97. Костина, В. А. Образные репрезентации как фактор неопределённости социокультурной модели ДИЛЕТАНТ (на материале Национального корпуса русского языка) / В. А. Костина. – DOI 10.18411/lj-07-2020-278 // Тенденции развития науки и образования. – 2020а. – № 63-8. – С. 25–31.
98. Костина, В. А. Обыденные дефиниции слова «дилетант» в сопоставлении с его лексикографическим значением / В. А. Костина // Новейшая филология: динамика речевых и текстовых форм : сб. науч. ст. / отв. ред. О. В. Золтнер. – Омск : Изд-во ОмГУ, 2022. – С. 177–183. – ISBN 978-5-7779-2613-5.
99. Костина, В. А. Современная непрофессиональная интернет-проза как дискурс (на примере детективного рассказа) / В. А. Костина // Наука, технологии, прогресс : сб. тр. Междунар. on-line конф. (Киров, 29 окт. 2017 г.). – URL: <http://student.eee-science.ru/listing/sovremennaya-neprofessionalnaya-internet-proza-kak-diskurs-na-primere-detektivnogo-rasskaza/> (дата обращения: 20.04.2023).
100. Костина, В. А. Способы определения качества непрофессиональных художественных текстов (на примере рассказов в жанре фэнтези) / В. А. Костина // Молодёжь третьего тысячелетия : сб. науч. ст. XLII регион. студен. науч.-практ. конф. (Омск, 02–27 апр. 2018 г.) / Ом. гос. ун-т им. Ф. М. Достоевского. – Омск : Изд-во ОмГУ, 2018. – С. 1409–1413.

101. Костина, В. А. Текстовая объективация концепта «дилетант» / В. А. Костина // Пятый этаж : Междунар. сб. науч. ст. молодых учёных. – Барнаул : Изд-во АлтГПУ, 2020б. – С. 33–36.
102. Костомарова, Н. А. Семантический фрейм в структуре ментального лексикона человека (на примере семантического фрейма «человек») / Н. А. Костомарова // Вестник Пермского университета. – 2015. – С. 23–33. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=24215124#:~:text=Существенное%20отличие%20семантического%20фрейма%20от,компоненты%20и%20от%20ношения%20между%20ними> (дата обращения: 15.02.2022).
103. Кочнова, К. А. Лексико-семантическое поле «Природное время» в языковой картине мира А. П. Чехова : специальность 10.02.01 «Русский язык» : дис. ... канд. филол. наук / К. А. Кочнова ; Нижегород. гос. лингвист. ун-т им. Н. А. Добролюбова. – Нижний Новгород, 2005. – 178 с.
104. Красных, В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? / В. В. Красных. – Москва : Гнозис, 2003. – 375 с. – ISBN 5-94244-004-2.
105. Кронгауз, М. А. Семантика : учеб. для студ. лингвист. факультета высш. учеб. заведений / М. А. Кронгауз. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Издательский центр «Академия», 2005. – 352 с. – ISBN 5-7695-2016-7.
106. Курганова, Н. И. Ассоциативный эксперимент как метод исследования значения живого слова / Н. И. Курганова // Вопросы психолингвистики. – 2019. – № 3 (41). – С. 24–37.
107. Кыштымова, Т. В. Понятие «языковая личность» в современной лингвистике / Т. В. Кыштымова // Вестник Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета. – 2014. – № 6. – С. 238–244. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-yazykovaya-lichnost-v-sovremennoy-lingvistike> (дата обращения: 21.05.2022).

108. Леонгард, К. Акцентуированные личности / К. Леонгард ; пер. с нем. В. Лещинской. – Москва : ЭКСМО-Пресс, 2001. – 446. – ISBN 5-04-008782-9.
109. Личности типология (по Адлеру) // Энциклопедический словарь по психологии и педагогике. – URL: https://psychology_pedagogy.academic.ru/9218/Личности_типология%2C_по_Адлеру (дата обращения: 21.05.2022).
110. Личности типология (по Фромму) // Энциклопедический словарь по психологии и педагогике. – URL: https://psychology_pedagogy.academic.ru/9221/Личности_типология%2C_по_Фромму (дата обращения: 21.05.2022).
111. Лобкова, Е. В. Образ-концепт «любовь» в русской языковой картине мира : специальность 10.02.01 «Русский язык» : автореф. дис. ... канд. филолог. наук / Е. В. Лобкова ; Ом. гос. ун-т. – Омск, 2005. – 18 с.
112. Луговский, В. А. Психология профессиональной деятельности : учеб.-метод. пособие / В. А. Луговский, М. Н. Кох. – Краснодар : Изд-во КубГАУ, 2015. – 101 с. – URL: <https://kubsau.ru/upload/iblock/bbe/bbe113e611f5812d04f6401d31aa3151.pdf> (дата обращения: 21.05.2022).
113. Лузина, Л. Г. О когнитивно-дискурсивной парадигме лингвистического знания / Л. Г. Лузина // Парадигмы научного знания в современной лингвистике : сб. науч. тр. / ИНИОН РАН ; редкол. : Е. С. Кубрякова, Л. Г. Лузина. – Москва : ИНИОН РАН, 2008. – С. 40–48.
114. Лутовинова, О. В. «Лингвокультурный типаж» в ряду смежных понятий, используемых для исследования языковой личности / О. В. Лутовинова // Ученые записки Забайкальского государственного университета. Сер. Филология, история, востоковедение. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvokulturnyy-tipazh-v-ryadu-smeznyh->

- ponyatiy-ispolzuemyh-dlya-issledovaniya-yazykovoy-lichnosti (дата обращения: 21.05.2022).
115. Макаров, М. Л. Интерпретативный анализ дискурса в малой группе / М. Л. Макаров. – Тверь : Изд-во Твер. ун-та, 1998. – 200 с.
116. Макаров, М. Л. Основы теории дискурса. – Москва : Гнозис, 2003. – 280 с.
117. Маклакова, Е. А. Теоретические проблемы семной семасиологии : моногр. / Е. А. Маклакова, И. А. Стернин. – Воронеж : Истоки, 2013. – 277 с.
118. Маленков А. Письмо главного редактора: «Розенталь мертв, а мы еще нет!» / А. Маленков // MAXIM. – URL: https://www.maximonline.ru/longreads/edsletter/_article/october-2015/ (дата обращения: 15.01.2023).
119. Мамаева, С. В. Речевой портрет коллективной языковой личности школьников 5-7 классов : специальность 10.02.01 «Русский язык» : дис. ... канд. филолог. наук / С. В. Мамаева ; Самар. гос. ун-т. – Самара, 2007. – 202 с. – URL: <https://www.dissercat.com/content/rechevoi-portret-kollektivnoi-yazykovoi-lichnosti-shkolnikov-5-7-klassov> (дата обращения: 21.05.2022).
120. Масгутова, М. Ф. Ассоциативный эксперимент как метод исследования языковой личности / М. Ф. Масгутова // Исследование лингвокреативных процессов в когнитивно- дискурсивном аспекте : материалы Междунар. науч.-практ. конф. молодых исследователей (Челябинск, 23 нояб. 2016 г.) / Челяб. гос. ун-т; ред. коллегия : Л. А. Нефедова, Г. Р. Власян, М. А. Самкова, А. Г.-Б. Салахова. – Челябинск : Энциклопедия, 2016. – С. 250–254.
121. Матвеева, Т. В. Функциональные стили в аспекте текстовых категорий / Т. В. Матвеева. – Свердловск : Изд-во УрГУ, 1990. – 172 с.
122. Махаев, М. Р. Психолингвистическое исследование семантики ойконима "Владикавказ" по результатам лингвистических

- ассоциативных экспериментов / М. Р. Махаев, А. В. Рудакова, И. А. Стернин // Вестник КНИИ РАН. Серия: Социальные и гуманитарные науки. – 2022. – № 3(3). – С. 79-95. – DOI 10.34824/VKNPIRAN.GUMNAUKI.2022.3.3.010. – EDN WELXTG.
123. Медведева, Н. П. Выявление лексического ядра определённой тематической области психолингвистическим методом цепного ассоциативного ряда / Н. П. Медведева // Мир науки, культуры и образования. – 2016. – № 5 (60). – С. 354–357. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vyyavlenie-leksicheskogo-yadra-opredelyonnoy-tematicheskoy-oblasti-psiholingvisticheskim-metodom-otsepnogo-assotsiativnogo-ryada> (дата обращения: 19.05.2022).
124. Медведева, И. А. Вербальная самопрезентация: языковые средства и дискурсивные особенности создания положительного образа человека : специальность : 10.02.19 «Теория языка» : дисс. ... канд. филол. наук / И. А. Медведева ; Челяб. гос. ун-т. – Челябинск, 2013. – 316 с. – URL: <https://www.dissercat.com/content/verbalnaya-samoprezentatsiya-yazykovye-sredstva-i-diskursivnye-osobennosti-sozdaniya-polozhi> (дата обращения: 15.02.2022).
125. Медведева, И. А. Языковые средства самопрезентационного дискурса / И. А. Медведева // Челябинский гуманитарий. – 2013. – № 2 (23). – С. 30–34. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovye-sredstva-samoprezentatsionnogo-diskursa> (дата обращения: 15.02.2022).
126. Межличностная коммуникация: теория и жизнь / О. И. Матьяш, В. М. Погольша, Н. В. Казаринова [и др.] ; под науч. ред. О. И. Матьяш. – Санкт-Петербург : Речь, 2011. – 560 с.
127. Миронова, Н. И. Лингвистический статус ассоциативной реакции / Н. И. Миронова // Вопросы психолингвистики. – 2012. – № 2 (16). – С. 58–67.
128. Мишанкина, Н. А. Метафора в науке: парадокс или норма? / Н. А. Мишанкина. – Томск : Изд-во ТГУ, 2010. – 282 с.

129. Мурко, Д. Ю. Лингвокультурный типаж "девушка из деревни": опыт моделирования / Д. Ю. Мурко, Е. М. Дубровская // Наука. Технологии. Инновации : Сборник научных трудов в 9 частях, Новосибирск, 03–07 декабря 2018 года / Под ред. Гадюкиной А.В. Часть 8. – Новосибирск: Новосибирский государственный технический университет, 2018. – С. 401-403. – EDN YYDVPV.
130. Национальный корпус русского языка : офиц. сайт. – URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 20.06.2023).
131. Никанорова, И. В. Когнитивный образ концепта «женщина» в идиолекте Ф. М. Достоевского / И. В. Никанорова // Вестник ЮУрГГПУ. – 2012. – № 5. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kognitivnyy-obraz-kontsept-a-zhenschina-v-idiolekte-f-m-dostoevskogo> (дата обращения: 02.03.2023).
132. Никитина, Л. Б. Омская лингвоантропологическая школа М. П. Одинцовой / Л. Б. Никитина, Н. В. Орлова // Вестник ОмГУ. – 2013. – № 3 (69). – С. 267–268. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/omskaya-lingvoantropologicheskaya-shkola-m-p-odintsovoy> (дата обращения: 02.03.2023).
133. Никитина, Л. Б. Языковой образ-концепт: о природе сложного термина / Л. Б. Никитина // Вестник ЧелГУ. – 2011. – № 24. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovoy-obraz-kontsept-o-prirode-slozhnogo-termina> (дата обращения: 01.03.2023).
134. Никулина, Т. Г. Понятие «Речетворческая деятельность» в современной научно-методической литературе / Т. Г. Никулина // Известия Самарского научного центра РАН. – 2012. – № 2–6. – С. 1412–1415. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-rechetvorcheskaya-deyatelnost-v-sovremennoy-nauchno-metodicheskoy-literature> (дата обращения: 03.03.2023).
135. Нистратов, А. А. Исследование структуры ассоциативных и категориальных семантических полей / А. А. Нистратов // Вопросы

- психолингвистики. – 2016. – № 1 (27). – С. 180–185. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-struktury-assotsiativnyh-i-kategorialnyh-semanticheskikh-poley> (дата обращения: 02.03.2023).
136. Норец, М. В. Детективный и шпионский роман: «Клеточная» модель жанроформирования / М. В. Норец // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2015. – № 3 (49). – С. 430–441. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/detektivnyu-i-shpionskiy-roman-kletochnaya-model-zhanroformirovaniya> (дата обращения: 17.06.2023).
137. Норман, Б. Ю. Уходящее слово: историзм, архаизм, нотиолизм? / Б. Ю. Норман // Коммуникативные исследования. – 2016. – № 4 (10). – С. 21–37. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/uhodyashee-slovo-istorizm-arhaizm-notiolizm> (дата обращения: 21.05.2022).
138. Норман, Б. Ю. Искусственное слово в естественном дискурсе / Б. Ю. Норман // Вестник ННГУ. – 2010. – № 4–2. – С. 653–657. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennoe-slovo-v-estestvennom-diskurse> (дата обращения: 17.02.2022).
139. Одинцова, И. В. Фрейм, фрейминг и рефрейминг в лингводидактике / И. В. Одинцова // Мир русского слова. – 2012. – № 1. – С. 73–80. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/freym-freyming-i-refreyming-v-lingvodidaktike> (дата обращения: 19.05.2023).
140. Орлова, Н. В. Дискурсивная семантика: онтологические основания и опыт реконструкции / Н. В. Орлова, Л. О. Бутакова // Филологический класс. – 2022. – Т. 27, № 4. – С. 30–37.
141. Орлова, Н. В. Текст дилетанта vs неоднородность массовой речевой культуры / Н. В. Орлова, В. А. Костина // Вестник ТГПУ. – 2020. – № 2 (208). – С. 103–110.
142. Орлова, О. В. Дискурсивно-стилистическая эволюция медиаконцепта: жизненный цикл и миромоделирующий потенциал : специальность : 10.02.01 «Русский язык» : дис. ... д-ра филол. наук / О. В. Орлова ; Том. гос. пед. ун-т. – Томск, 2012. – 425 с.

143. Остапенко, И. А. Гендерная идентичность и самопрезентация в Интернет-коммуникации : специальность 09.00.11. «Социальная философия» : автореф. дисс. ... канд. филос. наук / И. А. Остапенко ; Ростов. гос. ун-т. – Ростов-на-Дону, 2004. – URL: <http://cheloveknauka.com/gendernaya-identichnost-i-samoprezentatsiya-v-internet-kommunikatsii#ixzz4iwAAukc1> (дата обращения: 15.06.17).
144. Пищальникова, В. А. Ассоциативный эксперимент и психолингвистическое исследование личностной идентичности / В. А. Пищальникова // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2021. – № 2 (844). – С. 105–117. – DOI 10.52070/2542-2197_2021_2_844_105.
145. Платонов, К. К. Краткий словарь системы психологических понятий : учеб. пособие для учеб. заведений профтехобразования / К. К. Платонов. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Высшая школа, 1984. – 174 с.
146. Плахина, Е. В. Лексико-семантическое поле «космос» в лирике В. А. Жуковского, А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова : специальность 10.02.01 «Русский язык»: дис. ... канд. филол. наук / Е. В. Плахина ; Тюмен. гос. ун-т. – Тюмень, 2005. – 213 с.
147. Погорельцева, Ю. А. Психология личности : учеб. пособие / Ю. А. Погорельцева. – Санкт-Петербург : Изд-во СПбГТУРП, 2011. – 105 с.
148. Позднякова, Е. Ю. К вопросу о разграничении искусственной и естественной номинации в ономастике / Е. Ю. Позднякова // Человек и язык в коммуникативном пространстве : сб. науч. статей. – 2021. – № 12 (21). – С. 31–35.
149. Попова, З. Д. Очерки по когнитивной лингвистике : моногр. / З. Д. Попова, И. Д. Стернин. – Воронеж : Истоки, 2001. – 191 с.
150. Попова, З. Д. Когнитивная лингвистика : моногр. / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Москва : АСТ «Восток-Запад», 2007. – 314 с.

151. Порошенкова, Л. П. Дискурсивный анализ и его роль в современной лингвистике / Л. П. Порошенкова, И. Б. Гецкина // Вестник Чувашского университета. Сер. Языкознание. – 2006. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/diskursivnyy-analiz-i-ego-rol-v-sovremennoy-lingvistike> (дата обращения: 13.06.22).
152. Проза.ру : сайт. – URL: <https://proza.ru/> (дата обращения: 23.06.2023).
153. Прохоров, Ю. Е. Действительность. Текс. Дискурс : учеб. Пособие / Ю. Е. Прохоров. – 5-е изд. – Москва : Флинта : Наука, 2016. – 224 с. – ISBN 978-5-89349-653-6.
154. Радина, Н. К. Использование фрейм-структур для изучения социальных представлений в массмедийном дискурсе (на примере социального представления «семья») / Н. К. Радина // Пензенский психологический вестник. – 2016. – № 2 (7). – С. 34–59. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27632152> (дата обращения: 16.02.2022).
155. Резанова, З. И. Дискурсивная языковая личность участника виртуального фан-сообщества / З. И. Резанова, Ю. К. Скрипко // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2017. – № 1(69). – С. 191-196. – DOI 10.21603/2078-8975-2017-1-191-196. – EDN YFPSYD.
156. Резанова, З. И. Личность в среде дискурса: языковая репрезентация социально-психологических типов (на материале дискурса виртуальных фан-сообществ музыкальной направленности) / З. И. Резанова, Ю. К. Скрипко // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2016. – № 3(41). – С. 37-56. – DOI 10.17223/19986645/41/4. – EDN WAXUXV.
157. Рудакова, А. В. О понятии коммуникативного значения слова / А. В. Рудакова, И. А. Стернин // Коммуникативные исследования. – 2017. – № 1(11). – С. 36-48. – EDN YRXBJP.
158. Рудакова, А. В. Проблемы дифференциального описания лексической семантики / А. В. Рудакова // Вестник Воронежского

- государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. – 2020. – № 2. – С. 46-48. – EDN PCTCWF.
159. Рудакова, А. В. Теоретические и прикладные проблемы психолингвистической лексикографии / А. В. Рудакова // Вопросы психолингвистики. – 2022. – № 2(52). – С. 73-89. – DOI 10.30982/2077-5911-2022-52-2-73-89. – EDN IELNTA.
160. Руль, Н. Н. Принципы моделирования ассоциативного поля: лексикографический аспект (на материале ассоциативных экспериментов с респондентами, изучающими русский язык как иностранный) / Н. Н. Руль, Е. Н. Гуц, А. А. Куруленок // Филология и культура. – 2018. – № 4 (54). – С. 74–80.
161. Анистратенко, И. В. Русский религиозно-философский дискурс начала XX века: лингвориторические параметры групповой языковой личности : моногр. / И. В. Анистратенко, А. А. Ворожбитова. – Сочи : РИЦ СГУ, 2019. – 176 с.
162. Сазонова, Т. Ю. Моделирование процессов идентификации слова человеком: психолингвистический подход : моногр. – Тверь : Изд-во ТГУ, 2000. – 134 с.
163. Свенцицкий, А. Л. Социальная психология : учеб. / А. Л. Свенцицкий. – Москва : Проспект, 2004. – 336 с. – URL: <https://bmu.vrn.muzkult.ru/media/2018/08/02/1225660664/Svenciczkiy-A.L.-Socialnaya-psiKhologiya.-Uchebnik-TK-Velbi-2004-336s.pdf> (дата обращения: 17.02.2022).
164. Седов, К. Ф. Дискурс и личность: эволюция коммуникативной компетенции / К. Ф. Седов : моногр. – Москва : Лабиринт, 2004. – 317 с. – ISBN 5-87604-031-2. – URL: <https://ru.book.global/book/2962263/b9c73d> (дата обращения: 17.02.2022).
165. Седых, А. Б. Вклад Джона Льюиса Холланда в психологию профессий и карьеры (к 90-летию со дня рождения из вестного учёного) / А. Б. Седых // Южно-российский журнал социальных наук. – 2009. –

- № 4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vklad-dzhona-lyuisa-hollanda-v-psihologiyu-professiy-i-kariery-k-90-letiyu-so-dnya-rozhdeniya-izvestnogo-uchyonogo> (дата обращения: 17.02.2022).
166. Семухина, Е. А. Фреймовый подход к изучению культурных феноменов / Е. А. Семухина, С. В. Шиндель // Культура и искусство. – 2021. – № 8. – С. 20–27. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/freymovuypodhd-k-izucheniyu-kulturnyh-fenomenov> (дата обращения: 19.06.2023).
167. Сергиева, Н. С. Пространство и время жизненного пути в русском языковом сознании / Н. С. Сергиева. – Санкт-Петербург : Наука, 2009. – 316 с.
168. Сергиева, Н. С. Семантический гештальт и ядро языкового сознания русских / Н. С. Сергиева // Вестник ЮУрГУ. Сер. Социально-гуманитарные науки. – 2006. – № 2 (57). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/semanticheskiiy-geshtalt-i-yadro-yazykovogo-soznaniya-russkih> (дата обращения: 21.01.2023).
169. Сергиева, Н. С. «Человек» как единица ядра русского языкового сознания / Н. С. Сергиева // Вопросы психолингвистики. – 2007. – № 6. – С. 73–81. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chelovek-kak-edinitsa-yadra-russkogo-yazykovogo-soznaniya> (дата обращения: 01.02.2023).
170. Серио, П. Как читают тексты во Франции // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса / пер. с фр. и португ. ; ред. П. Серио. – Москва : Прогресс, 1999. – С. 14–53. – ISBN 5-01-004727-6.
171. Снина, А. И. Перифрастические номинации с прецедентными именами в публицистическом тексте // Lingua mobilis. – 2011. – № 7. – С. 103–108. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/perifrasticheskie-nominatsii-s-pretседentnymi-imenami-v-publitsisticheskom-tekste/viewer> (дата обращения: 21.05.2020).
172. Смирнов, П. И. Основные социальные типы личности / И. П. Смирнов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6. – 2005. – Вып. 4. – С. 125–133. – URL:

- <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-sotsialnye-tipy-lichnosti> (дата обращения: 17.02.2022).
173. Слушать, говорить и договариваться: что такое soft skills и как их развивать // Theory&Practice. – URL: <https://theoryandpractice.ru/posts/11719-soft-skills> (дата обращения 2.11.2021).
174. Соколова, О. В. Категория фрейма в когнитивной лингвистике / О. В. Соколова // Вестник Астраханского государственного технического университета. – 2007. – № 1 (36). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kategoriya-freyma-v-kognitivnoy-lingvistike> (дата обращения: 15.02.2022).
175. Солганик, Г. Я. Стилистика текста : учеб. пособие / Г. Я. Солганик. – Москва : Флинта : Наука, 1997. – 256 с. – URL: <https://refdb.ru/look/2567863-pall.html> (дата обращения 16.02.2022).
176. Соссюр, де Ф. Курс общей лингвистики / Ф. де Соссюр ; пер. с франц. А. А. Хлодовича. – Москва : Прогресс, 1977. – 695 с.
177. Стернин, И. А. Значение как феномен языкового сознания (психолингвистическое значение слова) / И. А. Стернин, А. В. Рудакова // Российская психолингвистика: итоги и перспективы (1966–2021). – Москва : Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт языкознания Российской академии наук, 2021. – С. 140-148. – EDN OYVPQN.
178. Стернин, И. А. Лексическое значение слова в речи : моногр. / И. А. Стернин. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1985. – 170 с. – URL: http://sterninia.ru/files/757/4_Izbrannye_nauchnye_publicacii/Semasiologija/Leksicheskoe_znachenie_v_rechi_1985.pdf (дата обращения: 19.06.2023).
179. Стернин, И. А. Методы описания семантики слова / И. А. Стернин. – Ярославль : Истоки, 2013. – URL: http://sterninia.ru/files/757/15_Studentam_i_aspirantam/Metodi_opisaniya_s_emaniki.pdf (дата обращения: 17.02.2022).

180. Сытина, Ю. Н. О неожиданных гранях образов чиновников у Н. В. Гоголя и В. Ф. Одоевского / Ю. Г. Сытина // Научный диалог. – 2021. – № 2. – С. 231–243. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-neozhidannyh-granyah-obrazov-chinovnikov-u-n-v-gogolya-i-v-f-odoevskogo> (дата обращения: 03.03.2023).
181. Тимофеева, А. И. Образ и языковая личность учителя (на примере рассказов А.П. Чехова «Учитель словесности» и «Скучная история») / А. И. Тимофеева // Дискурс профессиональной коммуникации. – 2020. – Т. 2, № 3. – С. 85–99.
182. Тимченко, А. Г. Образ идеального учителя: лингвоаксиологическое исследование / А. Г. Тимченко, Н. А. Бурмакина // Сибирский филологический форум. – 2022. – № 3 (20). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-idealnogo-uchitelya-lingvoaksiologicheskoe-issledovanie> (дата обращения: 02.03.2023).
183. Токарева, С. Б. Конструирование образа России в публичном и общественно-политическом дискурсе: от семантического описания к метафорическому фреймингу событий / С. Б. Токарева // Logos et Praxis. – 2021. – № 1. – С. 36–48. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konstruirovanie-obraza-rossii-v-publichnom-i-obschestvenno-politicheskom-diskurse-ot-semanticheskogo-opisaniyak-metaforicheskomu> (дата обращения: 19.05.2023).
184. Трошина, Н. Н. О языковом аспекте когнитивного стиля / Н. Н. Трошина // Вестник МГЛУ. – 2016. – Вып. 7 (746). – С. 264–272. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-yazykovom-aspekte-kognitivnogo-stilya> (дата обращения 16.02.2022).
185. Тубалова, И. В. Дискурсообразующий статус концепта свобода в тексте правового документа / И. В. Тубалова, М. А. Наземцева // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2023. – № 83. – С. 120–143. – DOI 10.17223/19986645/83/7. – EDN OKZQTN.

186. Тубалова, И. В. Полифонический текст в устных личностно-ориентированных дискурсах : специальность 10.02.21 «Русский язык» : автореферат дис. ... д-ра филолог. наук / И. В. Тубалова ; Нац. исслед. Том. гос. ун-т. – Томск, 2015. – 43 с. – URL: <https://www.dissercat.com/content/polifonicheskii-tekst-v-ustnykh-lichnostno-orientirovannykh-diskursakh> (дата обращения: 19.02.2022).
187. Тубалова, И. В. Стиль личностно-ориентированных дискурсов как сфера проникновения инодискурсивных стиливых влияний / И. В. Тубалова // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2015. – № 5(37). – С. 108-123. – DOI 10.17223/19986645/37/9. – EDN VCPSHL.
188. Федулова, М. Н. Предметно-тематический и жанровый аспекты лингвистического определения категории «Дискурс» / М. Н. Федулова // Вестник РУДН. Сер. Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2014. – № 2. – С. 15–24. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/predmetno-tematicheskii-i-zhanrovyy-aspekty-lingvisticheskogo-opredeleniya-kategorii-diskurs> (дата обращения: 17.02.2022).
189. Филлипс Л. Дж. Дискурс-анализ. Теория и метод / Л. Дж. Филлипс, М. В. Йоргенсен ; пер. с англ. – 2-е изд., испр. – Харьков : Гуманитарный центр, 2008. – 352 с.
190. Фролова, И. Е. Образ человека «Космического» в русской языковой картине мира (лексико-семантический аспект) / И. Е. Фролова // Омский научный вестник. – 2006. – № 9 (47). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-cheloveka-kosmicheskogo-v-russkoj-yazykovoy-kartine-mira-leksiko-semanticheskii-aspekt> (дата обращения: 03.03.2023).
191. Хахалова, С. А. Метафора: техника и идеология / С. А. Хахалова // Вестник ИГЭУ. – 2011. – № 2. – С. 126–131. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metafora-tehnika-i-ideologiya/viewer> (дата обращения: 25.05.2020).

192. Хисамова, Г. Г. Функции диалога в художественном тексте / Г. Г. Хисамова // Вестник Нижегородского ун-та им. Н. И. Лобачевского. – 2013. – № 6 (2). – С. 245–247.
193. Хуранова, Л. А. Типология языковой личности в отечественной и зарубежной лингвистике / Л. А. Хуранова // Вестник Вятского государственного университета. – 2017. – № 5. – С. 75–80. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tipologiya-yazykovoy-lichnosti-v-otechestvennoy-i-zarubezhnoy-lingvistike> (дата обращения: 17.02.2022).
194. Чабаненко, М. Г. Молодежный дискурс как реализация типовой и индивидуальной языковой личности : специальность 10.02.21 «Русский язык» : автореф. дис. ... канд. филол. наук / М. Г. Чабаненко ; Кемер. гос. ун-т. – Кемерово, 2007. – 21 с. – URL: <https://www.dissercat.com/content/molodezhnyi-diskurs-kak-realizatsiya-tipovoi-i-individualnoi-yazykovoi-lichnosti> (дата обращения: 17.02.2022).
195. Чернец, Е. В. Образ чиновника в языковом сознании / Е. В. Чернец // Вестник ЧелГУ. – 2011. – № 28. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-chinovnika-v-yazykovom-soznanii> (дата обращения: 03.03.2023).
196. Чернявская, В. Е. Дискурс власти и власть дискурса : учеб. пособие / В. Е. Чернявская. – Москва : Флинта, 2006. – 136 с. – URL: https://www.studmed.ru/chernyavskaya-ve-diskurs-vlasti-i-vlast-diskursa_f9bc9ef93f1.html (дата обращения 16.02.2022).
197. Чернявская, В. Е. Лингвистика текста. Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность / В. Е. Чернявская. – Москва : ООО «ЛИБРОКОМ», 2009. – 248 с. – ISBN 978-5-397-00289-9.
198. Чернявская, В. Е. Открытый текст и открытый дискурс: Интертекстуальность – дискурсивность – интердискурсивность / В. Е. Чернявская // Лингвистика текста и дискурсивный анализ: традиции и перспективы / отв. ред. В. Е. Чернявская. – Санкт-Петербург, 2007. – С. 7–26.

199. Чернявская, В. Е. Фантомы и синдромы дискурсивной парадигмы / В. Е. Чернявская // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2014. – № 1 (038). – С. 54–61.
200. Что такое Soft Skills навыки и как их развивать? – URL: <https://www.kadrof.ru/articles/58267> (дата обращения: 19.03.2021).
201. Чулкина, Н. Л. Мир повседневности в языковом сознании русских: лингвокультурлогическое описание : моногр. / Н. Л. Чулкина. – Москва : Изд-во РУДН, 2004. – 256 с.
202. Шаброва, Н. С. К проблеме трансформации языковой личности студента при обучении иностранному языку / Н. С. Шаброва // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 2. Филология и искусствоведение. – 2008. – № 6. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-probleme-transformatsii-yazykovoy-lichnosti-studenta-pri-obuchenii-inostrannomu-yazyku> (дата обращения: 17.06.2023).
203. Шарифова, С. Ш. Понятие, механизмы и формы жанрового смешения в современной романистике / С. Ш. Шарифова // Актуальные инновационные исследования: наука и практика. – 2010. – № 4. – С. 16.
204. Шилихина, К. М. Лексическая сочетаемость как источник вербальной иронии / К. М. Шилихина // Вестник ВГУ. – 2010. – № 2. – С. 64–69. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/leksicheskaya-sochetaemost-kak-istochnik-verbalnoy-ironii/viewer> (дата обращения: 25.05.2020).
205. Шмелева, Т. В. Модель речевого жанра / Т. В. Шмелева // Жанры речи. – 1997. – № 1. – С. 88–98.
206. Щенникова, Л. С. Дилетантизм как культурное явление / Л. С. Щенникова // Вестник Псковского государственного университета. Сер. Социально-гуманитарные и психологопедагогические науки. – 2011. – № 13. – С. 12–14.
207. Щербакова, М. В. Психолингвистический аспект восприятия текста / М. В. Щербакова // Вестник ОГУ. – 2017. – № 1 (201). – С. 49–

52. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psiholingvisticheskiy-aspekt-vospriyatiya-teksta> (дата обращения: 03.03.2023).
208. Щитова, Н. Г. Общение в малой социальной группе : на материале анализа речи участников реалити-шоу «Дом-2» : специальность 10.02.21 «Русский язык» : дисс. ... канд. филолог. наук / Н. Г. Щитова ; Таганрог. гос. пед. ун-т. – Таганрог, 2007. – 386 с. – URL: <http://www.dslib.net/russkij-jazyk/obwenie-v-maloi-socialnoj-gruppe.html> (дата обращения: 17.02.2022).
209. Щитова, О. Г. Групповая языковая личность студента высшей школы: типические признаки / О. Г. Щитова, С. Л. Савилова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 3-1 (33). – С. 206–209.
210. Щитова, О. Г. Функциональный статус новейшей ксенолексики в речи групповой языковой личности студента высшей школы / О. Г. Щитова, С. Л. Савилова // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2014. – № 10. – С. 184–188. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22478195> (дата обращения: 17.02.2022).
211. Щукина, Е. В. Формирование образа чиновника в СМИ / Е. В. Щукина // Известия ТулГУ. Сер. Гуманитарные науки. – 2021. – № 1. – С. 27–34. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-obraza-chinovnika-v-smi> (дата обращения: 02.03.2023).
212. Щур, Г. С. Теория поля в лингвистике : моногр. / Г. С. Щур. – Москва : Наука, 1974. – 254 с.
213. Эгамназаров, Х. Х. О понятии лексико-семантического поля в лингвистике // Ученые записки Худжандского государственного университета им. академика Б. Гафурова. Гуманитарные науки / Х. Х. Эгамназаров. – 2018. – № 1 (54). – С. 185–189. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-ponyatii-leksiko-semanticheskogo-polya-v-lingvistike> (дата обращения: 21.05.2022).

214. Якобсон, Р. О. Лингвистика и поэтика / Р. О. Якобсон // Структурализм: «за» и «против». – URL: <https://liconism.com/images/documents/1035/Якобсон%20Лингвистика%20и%20поэтика.pdf> (дата обращения: 17.02.2022).
215. Яковлева, С. Л. Фреймовая организация концепта «Семья» в пословичной картине мира финского языка / С. Л. Яковлева // Педагогический журнал. – 2013. – № 3–4. – С. 69–86. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=20868808&> (дата обращения 28.02.2022).
216. Ярёмченко, С. Н. Социальные типы личности в транзитивном обществе / С. Н. Ярёмченко, Т. А. Бондаренко, Е. Г. Курова // Вестник ДГТУ. – 2011. – Т. 11, № 9 (60). – С. 1667–1675. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17885793> (дата обращения: 17.02.2022).
217. Workforce connections: key «soft skills» that foster youth workforce success: toward a consensus across fields / L.H. Lippman, R. Ryberg, R. Carney, A. Kristin. – Child Trends Publication, 2015. – 56 p. – URL: https://www.youthpower.org/sites/default/files/YouthPower/resources/Workforce_Connections_Key_Soft_Skills_and_Appendices.pdf (дата обращения: 17.02.2022).

Список словарных изданий

218. Абрамов, Н. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений / Н. Абрамов. – Москва : Русские словари, 1999. – URL: https://gufo.me/dict/synonyms_abramov (дата обращения: 22.06.2023).
219. Александрова, З. Е. Словарь синонимов русского языка : практ. справ. : ок. 11 000 синоним. рядов / З. Е. Александрова. – 11. изд., перераб. и доп. – Москва : Рус. яз, 2001. – 567 с.– (Библиотека словарей русского языка). – ISBN 5-200-02871-X.

220. Большой русский словарь-справочник синонимов (близких по смыслу слов) / под ред. В. Н. Тришина. ASIS. 2013. – URL: https://dic.academic.ru/contents.nsf/dic_synonims/ (дата обращения: 19.03.2021).
221. Большой толковый словарь русского языка : А-Я / РАН ; Ин-т лингв. исслед. ; сост., гл. ред. канд. филол. наук С. А. Кузнецов. – Санкт-Петербург : Норинт, 1998. – 1534 с. – ISBN 5-7711-0015-3.
222. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров. – Москва : Советская энциклопедия ; Санкт-Петербург : Фонд «Ленингр. Галерея», 2002. – 1628 с.
223. Булыко, А. Н. Большой словарь иностранных слов : 35 тысяч слов / А. Н. Булыко. – Москва : Мартин, 2007. – 703 с. – ISBN 978-5-8475-0435-5.
224. Викисловарь. – URL: <https://clck.ru/UFdMm> (дата обращения: 21.05.2020).
225. Ефремова, Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный : св. 136000 словар. ст., ок. 250000 семант. единиц : в 2 т. Т. 1. А – О. / Т. Ф. Ефремова. – Москва : Русский язык, 2000. – 1210 с.
226. Культура русской речи : энциклопедический словарь-справочник / РАН, Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова ; редкол.: Л. Ю. Иванов ; под общ. рук. Л. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е. Н. Ширяева. – 3-е изд., стер. – Москва : Флинта, 2011. – 838. – ISBN 978-5-89349-389-4.
227. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – 2. изд., доп. – Москва : Большая Рос. энцикл., 2002. – 709 с. – ISBN 5-85270-239-0.
228. Российская социологическая энциклопедия / под. общ. ред. Г. В. Осипова. – Москва : Издательская группа НОРМА-ИНФРА, 1998. – 672 с.

229. Словарь русского языка : в 4 т. Т. 1. А-Й / подгот. Л. П. Алекторовой, С. Л. Баженовой, З. Т. Короткевич [и др.] ; ред.: А. П. Евгеньева, Г. А. Разумникова. – Москва : Рус. яз., 1981-1984. – 696 с.
230. Социологический словарь / Акад. учеб.-науч. центр РАН-МГУ им. М. В. Ломоносова ; отв. ред. Г. В. Осипов, Л. Н. Москвичев ; учёный секретарь О. Е. Чернощек. – Москва : Норма, 2008. – 606 с.; 25 см.; ISBN 978-5-468-00195-0.
231. Ожегов, С. И. Словарь русского языка : ок. 53000 слов / С. И. Ожегов. – 4-е изд., испр. и доп. – Москва : Азъ, 1997. – 763 с.
232. Тришин, В. Н. Электронный словарь-справочник синонимов русского языка системы ASIS / В. Н. Тришин. – 2013. – URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/synonyms-trishin/index.htm> (дата обращения: 23.06.2023).
233. Фразеологический словарь русского литературного языка / под ред. А. И. Фёдорова. – Москва : АСТ, 2008. – 880 с.
234. Фразеологический словарь русского литературного языка. – URL: <https://phraseology.academic.ru> (дата обращения: 18.05.2020).
235. Шанский, Н. М. Школьный этимологический словарь русского языка : происхождение слов / Н. М. Шанский, Т. А. Боброва. – 7-е изд., стер. – Москва : Дрофа, 2004. – 399 с. – ISBN 5-7107-8679-9.
236. Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты / под ред. А. П. Сковородникова. – 3-е изд., стереотип. – Москва : ФЛИНТА, 2011. – 480 с.